Зарубежная фантастика

Кристофер Прист
ОПРОКИНУТЫЙ МИР

Научно-фантастический роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МИР • МОСКВА

Опрокинутый мир
Кристофер Прист

Аннотация
Кристофер Прист. Опрокинутый мир
ОТ АВТОРА
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
1
2
3
4
5
6
7

8
9
10
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
1
2
3
4
5
6
7
8
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
1
2
3

4

Аннотация

Главный герой вышел из возраста ученичества. И ему предстоит первый в его жизни выход за пределы Города, странного громоздкого сооружения, передвигающегося на колесах. Рельсы собирает впереди и снимает сзади специальная Гильдия. Наш герой — из другой гильдии — Разведчиков Будущего. Ему предстоит разведывать путь для города, но для «крещения» он должен сходить в «прошлое», в те места, где город только что прошел. И тогда выясняется, что «прошлое» и «будущее» — не просто направления, это действительно Прошлое и Будущее по отношению к тому времени, где находится город. И при движении в прошлое начинают происходить очень странные и страшные вещи, и большого труда стоит нашему герою вернуться в привычный город под родным ромбовидным солнцем…

Кристофер Прист
Опрокинутый мир

Моим матери и отцу

Как оглянешься окрест,
В мире много странных мест,
А присмотришься сурово —
В мире странном все не ново:
Труд с восхода дотемна
Да ошибок пелена.

Сэмюэл Джонсон

ОТ АВТОРА

Отдельные ситуации, описанные в этом романе, встречались в одноименном коротком рассказе, который был впервые опубликован в 22-м выпуске антологии «Новое в научной фантастике» (издательство «Сидгуик энд Джексон»). Однако, если не считать отчасти сходного фона, на котором развертывается действие, да имен двух-трех героев, между романом и рассказом в сущности нет почти ничего общего.

Кр. Прист

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Наконец-то мне исполнилось шестьсот пятьдесят миль. За дверью собрались гильдиеры: там должна произойти церемония, где меня примут в ученики гильдии. Трепетный знаменательный миг — словно итог всей моей предыдущей жизни.

Мой отец всегда был гильдиер, и сколько я себя помню, уже одно это создавало между нами громадную дистанцию. Я уважал его: жизнь гильдиера казалась мне увлекательной, освященной бременем ответственности и чувством цели. Отец ничего не говорил мне о своей работе, но его форма, его подчеркнутая сдержанность и частые отлучки из Города лучше всяких слов говорили о том, что он по горло занят делами первостепенной важности.

Еще немного — и передо мной откроется дорога в его заманчивый мир. Мне выпала высокая честь, на меня возложат какие-то интересные обязанности — ни один мальчишка, выросший в тесных стенах яслей, не совладает с волнением перед этим великим шагом.

Ясли представляли собой небольшое строе-

ние на южной оконечности Города. Они были совершенно обособлены — загон из нескольких коридоров, классных комнат и спален. С остальной частью Города ясли связывала единственная и, как правило, запертая дверь, а для физической разрядки оставались лишь маленький гимнастический зал и крохотная открытая площадка, стиснутая со всех сторон высоченными стенами соседних зданий.

Как и всех других детей, меня отдали на попечение персонала яслей сразу после рождения, и я не знал другой жизни. О матери у меня не сохранилось даже воспоминаний: она покинула Город, как только я родился.

Жизнь в яслях была однообразной, но вместе с тем не такой уж скучной. У меня завелись друзья, и один из них — парнишка по имени Джелмен Джейз. Он был на несколько миль старше и вступил в пору ученичества незадолго до моего. Теперь я надеялся, что встречусь с ним снова. С тех пор как Джейз достиг возраста зрелости, я виделся с ним лишь однажды — как-то раз он забегал в ясли на минутку. Джейз уже успел перенять у гильдиеров их озабоченный вид, и я, как ни бился, не узнал от него ничего. Зато теперь, когда я стану учеником гильдии, ему наверняка

будет что мне рассказать.

В приемную, где я стоял, вышел администратор.

— Все готово, — сказал он. — Ты помнишь, что тебе надо делать?

— Помню.

— Тогда желаю удачи.

Я вдруг обнаружил, что дрожу, ладони у меня взмокли. Администратор, тот самый, что утром вывел меня из яслей, сочувственно усмехнулся. Он воображал, что понимает мое состояние, — но ведь ему известна была в лучшем случае половина уготованного мне испытания.

После церемонии посвящения меня ожидало еще кое-что. Отец уже сообщил мне, что условился о моей женитьбе. Я принял эту новость спокойно, поскольку знал, что гильдиерам положены ранние браки, и к тому же был знаком с избранницей. Ее звали Виктория Леру, мы вместе воспитывались в яслях. Общего между нами было немного — девочки в яслях были наперечет, а потому старались держаться спаянной группкой, — и все же мы не казались друг другу совсем посторонними. Хотя представить себя женатым человеком мне было все равно трудно: чтобы привыкнуть к этой мысли, нужно время, а мне

его не дали.

Администратор бросил взгляд на стенные часы.

— Ну что ж, Гельвард. Пора.

Мы обменялись коротким рукопожатием, он открыл дверь и вошел в зал. Я успел заметить, что в зале полно гильдиеров, а под потолком горят яркие светильники.

Администратор остановился сразу же за дверью и обратился к кому-то сидевшему сбоку на возвышении.

— Ваша светлость лорд-навигатор, прошу вашего внимания.

— Представьтесь.

Голос доносился издали — с места, где я стоял, говорившего было не разглядеть.

— Брух, администратор внутренней службы. По приказу главного администратора я привел юношу по имени Гельвард Манн, который желает стать учеником одной из верховных гильдий.

— Ваши полномочия ясны, Брух. Введите соискателя.

Брух обернулся и взглянул на меня, и я, следуя его наставлениям, шагнул в зал. В центре зала была установлена небольшая кафедра, я приблизился к ней и замер.

И — поднял глаза.

Передо мной на помосте в сиянии прожекторов в кресле с высокой спинкой сидел пожилой человек. На нем был черный плащ с вышитым на груди кругом яркой белизны. Справа от кресла стояли трое мужчин, слева — тоже трое, все шестеро в плащах, с перевязями разных цветов через плечо. Перед помостом на полу толпились еще мужчины и несколько женщин. Там же находился и мой отец.

Все смотрели на меня, только на меня, и мое волнение усиливалось с каждой секундой. В голове не осталось ни единой мысли — заботливые наставления Бруха начисто вылетели из памяти.

В тишине, наступившей вслед за моим появлением, я уставился на человека, сидящего в центре помоста. Никогда за все детские и юношеские мили я в глаза не видел живого навигатора. В недавнем прошлом, в яслях, мы говорили о навигаторах с глубоким почтением, и даже самые дерзкие, если и позволяли себе какую-нибудь вольность в их адрес, то в самом тоне шутки все же слышалось преклонение перед людьми, почти легендарными. Тот факт, что один из навигаторов почтил церемонию своим присутствием, подчеркивал ее значение. Мелькнула мысль, что

теперь-то будет чем похвалиться перед друзьями… но тут я вспомнил, что отныне и навсегда ничто не останется для меня таким, как прежде.

Брух выступил вперед и повернулся ко мне лицом.

— Ваше имя Гельвард Манн, сэр?

— Совершенно верно.

— Каков ваш возраст, сэр?

— Шестьсот пятьдесят миль.

— Вы осведомлены о значении этого возраста?

— С этим возрастом приходят права и обязанности взрослого.

— Как вы намерены распорядиться полученными правами?

— Я хотел бы стать учеником одной из верховных гильдий.

— А какой именно? Вы уже сделали выбор, сэр?

— Да, сделал.

Брух вновь повернулся к помосту и повторил мои ответы слово в слово, хотя, казалось бы, люди на помосте должны были слышать их.

— У вас есть вопросы к соискателю? — осведомился навигатор у стоявших рядом.

Никто из шестерых не откликнулся.

— Хорошо. — Навигатор поднялся с кресла. —

Подойди поближе, Гельвард Манн, и встань так, чтобы я видел тебя.

Брух отступил в сторону. Я оставил кафедру и вышел на середину ковра, где белел небольшой пластмассовый круг. В центре круга я остановился. Несколько долгих секунд меня разглядывали в полном молчании.

Затем навигатор обратился к одному из тех, кто стоял на помосте.

— Присутствуют ли здесь поручители?

— Да, ваша светлость.

— Хорошо. Поскольку дело входит исключительно в компетенцию наших гильдий, да удалятся все посторонние.

Навигатор сел, и вперед выступил его ближайший сосед справа.

— Остались ли здесь лица, не удостоенные звания полноправного гильдиера? Если остались, убедительно просим их покинуть зал.

Брух держался чуть позади меня и немного сбоку, и краешком глаза я заметил, как он слегка поклонился в сторону помоста и удалился. Он оказался не единственным: почти половина присутствовавших последовала его примеру. Те, кто остался, опять повернулись ко мне.

— Видим ли мы чужаков, затесавшихся в наши

ряды? — спросил человек на помосте. Ответом ему служило молчание. — Соискатель Гельвард Манн, вы находитесь ныне среди гильдиеров верховных гильдий. Церемонии, подобные этой, происходят в Городе не каждый день, и вы должны отнестись к ней подобающим образом. Мы все здесь сегодня собрались ради вас. Когда вы закончите ученичество, эти люди станут вашими старшими товарищами, и вы будете связаны с ними общностью наших правил. Вам все понятно?

— Понятно, сэр.

— Вы заявили, что выбрали гильдию, куда хотите вступить. Назовите ее для общего сведения.

— Я хотел бы стать разведчиком будущего, — ответил я.

— Ну что ж, приятно слышать. Я разведчик будущего Клаузевиц, и мне доверено возглавлять нашу гильдию. Вокруг вас сейчас стоят другие разведчики будущего, а равно представители остальных верховных гильдий. Рядом со мной на возвышении — главы этих гильдий. В центре — почтивший нас своим присутствием лорд-навигатор Олссон…

Как учил меня Брух, я отвесил навигатору глубокий поклон. Поклон — вот и все, что я помнил из наставлений своего провожатого: он заявил,

что не посвящен в подробности этой части церемонии, но что я безусловно обязан выказать навигатору, когда буду формально ему представлен, максимум уважения.

— Кто готов поручиться за соискателя?

— Сэр, я хотел бы за него поручиться…

Это произнес мой отец.

— Поручитель — разведчик будущего Манн. Кто поддерживает поручителя?

— Сэр, я готов поддержать его.

— Поддерживает мостостроитель Леру. Кто выступает против соискателя?

Последовала долгая тишина. Еще дважды Клаузевиц призывал желающих проголосовать против, но моя кандидатура так и не вызвала никаких возражений.

— Быть посему, — заявил Клаузевиц. — Гельвард Манн, вашему вниманию предлагается клятва верховных гильдий. Вы имеете право, даже на этой стадии церемонии, отказаться принять ее. Но если вы решите принести клятву, то будете связаны ею до конца своей жизни. Наказание за клятвопреступление — немедленная казнь. Надеюсь, вы полностью осознаете сказанное?

Я был ошеломлен. Ни один человек — ни отец,

ни Джейз, ни даже Брух — не проронил об этом ни слова. Ну, допустим, Брух был не в курсе дела, но отец, неужели отец не мог хотя бы предупредить меня?..

— Ну так что же?

— Я должен ответить сейчас же, сэр?

— Да.

Не вызывало сомнений, что я и в глаза не увижу клятвы, пока не отвечу. Быть может, само ее содержание оправдывает такую секретность? Я понимал, что выбора в сущности нет. Я зашел уже слишком далеко: за меня поручились, меня почти приняли — отказаться от клятвы было уже просто нельзя. По крайней мере, в тот момент я понимал это только так.

— Я согласен принести клятву, сэр.

Клаузевиц сошел с помоста, приблизился и вручил мне кусок белого картона.

— Прочтите клятву вслух, громко и внятно, — объявил он. — Можете сначала пробежать ее глазами, но имейте в виду, что и в этом случае вы сразу же подпадаете под власть ее требований…

Я кивнул в знак того, что условия мне понятны, и он вернулся на помост. Я стал читать клятву про себя, вникая в ее высокопарные фразы.

Затем я снова повернулся лицом к помосту, и

на меня устремили внимание все, кто был в зале, не исключая, разумеется, и отца.

— Я, Гельвард Манн, достигнув возраста зрелости и вступая в права гражданина Города Земля, торжественно клянусь: не жалея сил выполнять любые обязанности, возложенные на меня славной гильдией разведчиков будущего; ставить интересы безопасности Города превыше всех личных забот; ни при каких обстоятельствах не обсуждать дела своей гильдии и других верховных гильдий ни с кем, кроме самих гильдиеров и утвержденных в звании, принесших клятву учеников; расценивать все испытанное и увиденное мною за пределами Города как тайну, не подлежащую разглашению вне гильдии; заслужив звание полноправного гильдиера, ознакомиться с документом, известным как Директива Дистейна, и следовать его букве и духу, а в дальнейшем передать полученные знания следующим поколениям гильдиеров; и наконец, хранить в строгом секрете как самый факт принесения настоящей клятвы, так и ее содержание.

Принося эту клятву, я отдаю себе полный отчет в том, что нарушение любого из ее пунктов влечет за собой немедленную смерть от руки моих коллег-гильдиеров…

Закончив читать, я взглянул на Клаузевица. Самый процесс чтения этих высоких слов наполнил мою душу почти невыносимым восторгом.

«За пределами Города…» Значит, мне предстоит выйти за его стены, значит, мне как ученику гильдии станут доступны места, доселе запретные для меня и поныне запретные для большинства жителей Города. Ясли полнились слухами о том, что же находится за пределами Города, и мне самому доводилось строить на этот счет самые невероятные домыслы. Рассудок подсказывал мне, что явь не угонится за нашими фантазиями, и все равно передо мной раскрывались перспективы ослепительные и страшные. Неспроста гильдиеры набросили на них плотные покровы тайны: вероятно, за стенами Города скрывается что-то столь ужасное, что за разглашение природы этого ужаса возможна лишь одна достойная кара — смертная казнь…

— Поднимитесь на сцену, ученик Манн!.. — провозгласил Клаузевиц.

Я двинулся вперед, кое-как одолев четыре ступеньки, ведущие на помост. Клаузевиц приветствовал меня пожатием руки, а заодно отобрал у меня картонку с клятвой. Я был представлен прежде всего навигатору, который молвил мне

несколько ласковых слов, а затем и главам других верховных гильдий. Клаузевиц называл мне не только их имена, но и титулы — иные из этих титулов я услышал впервые. На меня обрушился такой поток сведений, что я был просто не в силах их усвоить: за считанные мгновения я узнал, наверное, столько же, сколько за все годы жизни до этого самого дня.

Верховных гильдий насчитывалось шесть. В придачу к гильдии разведчиков, возглавляемой Клаузевицем, была еще гильдия, ответственная за движение Города, еще одна, занятая прокладкой путей, и еще одна — возведением мостов. Мне разъяснили, что именно эти гильдии в первую очередь отвечают за сохранение условий, обеспечивающих Городу дальнейшее существование. Разведчикам, движенцам, путейцам и мостостроителям помогали еще две гильдии — стражников и торговцев-меновщиков. Все это было для меня внове, хоть я и припоминал теперь, что отец порой называл походя разных людей, используя наименования их гильдий как имена собственные. Мне доводилось, например, слышать о мостостроителях, однако до этой церемонии я и представить себе не мог, что строительство моста — событие, окутанное ореолом таинственности

и обрядности. Каким таким образом мост может стать условием, обеспечивающим выживание Города? Зачем нужны стражники?

И собственно, что такое разведка будущего?

По приглашению Клаузевица я обменялся рукопожатиями с другими гильдиерами-разведчиками, в том числе, конечно же, и с отцом. Впрочем, разведчиков в зале оказалось только трое: остальные, как мне объяснили, находятся далеко от Города. Завершив круг знакомств, я поговорил с представителями других верховных гильдий — в зале был по крайней мере один делегат от каждой из них. У меня постепенно складывалось впечатление, что работа за пределами Города отнимает у гильдиеров максимум времени и сил: то один, то другой из собеседников сетовал, что на церемонии нет большинства из его товарищей по гильдии, поскольку они, увы, заняты вдали от Города и не смогли приехать.

Во время этих разговоров меня поразила неожиданная мысль. Не то чтобы она не посещала меня и раньше, но в сознании как-то не запечатлевалась. Мой отец и его коллеги-разведчики выглядели значительно старше остальных гильдиеров. Клаузевиц отличался крепким сложением и в своем плаще смотрелся очень внушительно, но

поредевшие волосы и морщины выдавали преклонный возраст — по самой скромной оценке, ему было не меньше двух с половиной тысяч миль. Да и мой отец сегодня, когда я увидел его в обществе ровесников, показался мне совершенным стариком. Человеком того же поколения, что и Клаузевиц, хотя логика не допускала этого. Ведь в таком случае ему, когда я родился, должно было исполниться примерно тысяча восемьсот пятьдесят миль, — а я уже усвоил, что по обычаям Города детей надлежит заводить не откладывая, сразу по достижении возраста зрелости.

Представители других гильдий выглядели много моложе. Некоторые были, по-видимому, лишь на десять-пятнадцать миль старше меня, и это, признаться, меня обнадежило: теперь, когда я вступил в мир взрослых, я хотел разделаться с ученичеством при первой же удобной возможности. Подразумевалось, что продолжительность ученичества твердо не установлена, и если Брух сказал правду и положение человека в Городе действительно зависит от его дарований, то стоит проявить рвение — и я стану полноправным гильдиером за недолгий срок.

Однако среди присутствующих не было человека, которого я хотел бы увидеть больше всего.

Джейза в зале не оказалось.

Разговорившись с одним из гильдиеров-движенцев, я рискнул спросить про него.

— Джелмен Джейз? — переспросил гильдиер. — Думаю, что его нет в Городе.

— Неужели он не мог вернуться ради меня! — воскликнул я. — В яслях мы жили в одной каюте…

— Джейза не будет на протяжении многих миль.

— Где же он?..

Гильдиер лишь улыбнулся в ответ, и это меня порядком разозлило: теперь-то, когда я принес клятву, они, кажется, могли бы мне сказать!..

Однако чуть позже я заметил, что в зале вообще не было учеников, кроме меня. Выходит, их всех нет в Городе? Если так, то и я, вероятно, скоро смогу покинуть его пределы…

Поговорив с гильдиерами еще две-три минуты, Клаузевиц призвал к общему вниманию.

— Предлагаю вернуть администраторов, — объявил он. — Возражений нет?

Гильдиеры откликнулись на предложение одобрительным гулом.

— А если так, — продолжал Клаузевиц, то разрешите напомнить вновь принятому ученику, что

это первый из множества будущих случаев, когда он связан условиями принесенной клятвы…

Клаузевиц спустился с помоста, и двое или трое из гильдиеров распахнули двери. Администраторы начали не спеша возвращаться в зал. Атмосфера существенно потеплела. Как только зал наполнился, я вновь услышал смех и тут же заметил, что поодаль накрывают на стол. Никто из администраторов, видимо, и не думал роптать по поводу того, что их безоговорочно выдворили с церемонии. По-видимому, их выдворяли достаточно часто и сами они считали это в порядке вещей, но я поневоле задумался: догадываются ли они о происшедшем в зале и в какой мере? Когда что-то во всеуслышание объявляют доступным немногим избранным, остальных тем самым толкают на всяческие догадки. И никакие установления не могут быть столь незыблемыми, чтобы простое удаление непосвященных из зала удержало их в неведении о том, что произошло. Насколько я мог судить, часовых у дверей не ставили — и если кто-нибудь дерзнул бы подслушивать в момент, когда я произносил клятву, что могло бы ему помешать?..

К счастью, времени на размышления у меня уже почти не было: оживление в зале нарастало

с каждой минутой. Люди собирались группами и дружески беседовали, и шум все густел по мере того, как длинный стол заполнялся тарелками с едой и множеством разнообразных напитков. Отец водил меня от одной группы к другой, и я перезнакомился с такой бездной народу, что окончательно потерял способность воспринимать новые титулы и имена.

— А что, родителям Виктории меня разве не представят? — поинтересовался я, увидев мостостроителя Леру, который отошел в сторону с женщиной-администратором, наверное, своей женой.

— Нет, нет… это позже.

Отец повел меня дальше, и я опять жал руки новым и новым знакомым.

Но где же Виктория? Теперь, когда с церемонией приобщения к гильдии покончено, пора бы и объявить о нашей помолвке. Да и я, пожалуй, был не прочь повидать невесту. Отчасти из любопытства, а более всего потому, что появился бы хоть кто-то, кого я знал и раньше. Я чувствовал себя подавленным: все вокруг превосходили меня и возрастом и опытом, а с Викторией мы все же были ровесники. Она тоже едва вышла из яслей, знала тех же людей, что и я, прожила на свете

столько же, сколько и я. И в этом зале, полном гильдиеров, она стала бы для меня приятным напоминанием о том, что навсегда позади. Я сделал сегодня такой гигантский шаг к зрелости, что для одного дня его, мне казалось, вполне достаточно.

А время шло. Я не ел с тех самых пор, как Брух разбудил меня, и при виде пищи понял, что чертовски голоден. Но и эта куда более соблазнительная часть программы не сумела приковать мое внимание. На меня свалилось слишком много впечатлений сразу. Еще полчаса, не меньше, я тупо следовал за отцом, разговаривал без особой охоты со всяким, к кому меня подводили, но чего я на самом деле жаждал — так это хоть минутку побыть наедине с собой и попытаться как-то осмыслить все пережитое.

Но наконец отец оставил меня с группой администраторов службы синтеза (эта служба, как выяснилось, отвечает за производство всевозможной синтетической пищи и органических материалов, необходимых Городу) и направился туда, где находился Леру. Я заметил, как они перебросились двумя-тремя фразами и Леру кивнул.

Спустя мгновение отец вернулся и отозвал меня.

— Подожди здесь, Гельвард, — распорядился

он. — Я намерен объявить о твоей помолвке. Когда введут Викторию, подойдешь ко мне снова.

Отец быстро подошел к Клаузевицу и что-то сказал ему. Навигатор вновь уселся в кресло на помосте.

— Гильдиеры и администраторы! — возвестил Клаузевиц, перекрывая гул голосов. — У нас сегодня есть еще один повод для торжества. Предстоит помолвка нового ученика с дочерью мостостроителя Леру. Разведчик будущего Манн, не угодно ли вам взять слово?

Отец прошел вперед и остановился перед помостом. Торопясь и сбиваясь, он произнес посвященную мне короткую речь. Словно не хватало всего того, что уже случилось сегодня, — эта речь еще более усугубила мое замешательство. Мы с отцом никогда не чувствовали себя свободно друг с другом и никогда не были так близки, как следовало из его слов. Мне хотелось как-то сдержать его, хотелось выйти из зала, пока он не кончит превозносить меня, но я понимал, что по-прежнему нахожусь в центре внимания. Неужели гильдиеры не отдавали себе отчета в том, что гасят во мне восторженность и ощущение торжества?

К большой моей радости, отец, кое-как закон-

чив речь, задержался возле помоста. На другом конце зала Леру объявил, что хотел бы представить присутствующим свою дочь. Открылась дверь, и в зале в сопровождении матери появилась Виктория.

Как и наказывал отец, я подошел к нему и встал рядом. Он пожал мне руку. Леру поцеловал Викторию. Отец в свою очередь чмокнул ее в щечку и подарил колечко. Пришлось выслушать еще одну речь. В конце концов мне все-таки дозволили приблизиться к невесте. Но поговорить у нас не было ни малейшей возможности.

Празднество шло своим чередом.

2

Мне вручили ключ от яслей, сказав, что я вправе пользоваться своей прежней каютой до тех пор, пока мне не подберут жилище в квартале гильдиеров, и вновь напомнили о принесенной клятве. Я немедленно отправился спать.

Разбудил меня затемно один из гильдиеров, встреченных накануне. Звали его разведчик Дентон. Он подождал, пока я облачусь в новенькую форму ученика гильдии, и вывел меня из яслей. Но пошли мы не тем путем, что накануне, а стали карабкаться по лестницам все выше и выше. В Городе было тихо. По дороге я бросил взгляд на стенные часы и убедился, что еще чудовищно рано — чуть больше половины четвертого утра. Коридоры казались вымершими, плафоны на потолке были притушены.

Наконец мы добрались до последней винтовой лестницы, которая упиралась в массивную стальную дверь. Разведчик Дентон вытащил из кармана фонарь и включил его. Дверь была заперта на два замка; отомкнув их, гильдиер жестом приказал мне идти вперед.

Меня охватил холод и мрак, холод такой прон-

зительный, а мрак такой густой, что я ощутил их как мучительный удар. Дентон закрыл дверь за собой и снова запер ее. Потом посветил фонарем вокруг, и я увидел, что стою на небольшом уступе, окруженном перильцами фута в три высотой. Шаг, другой — и мы подошли к перильцам вплотную. Дентон выключил фонарь, и нас окутала кромешная тьма.

— Где мы? — прошептал я.

— Молчите. Просто ждите… и смотрите в оба.

Но я при всем желании не видел ровным счетом ничего. Глаза, привыкшие к относительно яркому свету коридоров, играли со мной злые шутки, то и дело выискивая во тьме какие-то движущиеся цветные признаки, — но это скоро прошло. Главной моей заботой стал не мрак, а стылый воздух, обвевающий тело, вымораживающий его до дрожи. Сталь перилец у меня под пальцами казалась мне ледяной сосулькой, и я принялся водить руками туда-сюда, пытаясь хоть немного ослабить неприятное ощущение. Надо было просто выпустить перильца, но я не мог этого сделать. В этой могильной тьме они оставались единственным, что связывало меня с реальностью. Никогда еще я не был так отрезан от прошлого, никогда еще не сталкивался с такой

полной, всеобъемлющей неизвестностью. Тело помимо воли напряглось, будто в ожидании внезапного толчка или удара, но так и не дождалось ни того, ни другого. Вокруг были только холод и мрак — и ошеломляющая тишина, если не замечать свиста ветра в ушах.

По мере того как текли минуты и глаза начинали привыкать к темноте, я обнаружил, что могу выделить из нее какие-то смутные образы. Я различил разведчика Дентона, застывшего рядом, — высокую фигуру в плаще. А под уступом, на котором мы стояли, я улавливал исполинскую, неправильной формы громаду, черневшую на фоне почти полного мрака.

А вокруг по-прежнему лежала непроглядная тьма. И у меня все еще не было никаких ориентиров, которые позволили бы дорисовать в уме какие-нибудь формы или контуры. Это пугало, нет, скорее потрясало до оторопи — я ведь не чувствовал прямой физической угрозы. Подчас мне, бывало, снилось что-то подобное, и, очнувшись, я долго еще ощущал воздействие полученных во сне впечатлений. Теперь это был не сон — невозможно мысленно ощутить такой режущий холод, не может пригрезиться такая пугающая ясность новых представлений о пространстве и времени.

Я знал одно: это мой первый выход за пределы Города — что же еще это может быть? — и это решительно не походит на любые догадки, какие я когда-либо строил.

Едва в сознании упрочилась эта мысль, как холод, мрак и отсутствие ориентиров потеряли всякое значение. Я попал наружу — свершилось то, чего я так долго ждал!

Дентону больше не было нужды призывать меня к молчанию: я и так не мог ничего вымолвить, а попытайся — слова застряли бы в глотке или затерялись на ветру. Все, что мне оставалось, — смотреть, смотреть во все глаза и не видеть ничего, кроме глубокой таинственной чаши земли под облачным саваном ночи.

И тут новое открытие потрясло меня: я почувствовал запах грунта! Он не походил ни на один из запахов, какие мне случалось вдыхать в Городе, и мозг незамедлительно вызвал к жизни чуждый мне образ тучной бурой почвы, повлажневшей в ночи. В моем распоряжении не было способов распознать этот запах — может, с почвой он и не имел ничего общего, — но образ богатой, плодородной земли я вынес из учебника, прочитанного еще в яслях. Довольно было представить себе ее, и владевшая мной лихо-

радка еще усилилась, я словно чуял очищающее дыхание диких, неисследованных просторов за Городом. Мне предстояло столько увидеть, столько сделать… и даже не в этом суть — здесь, на краю уступа, я на несколько бесценных секунд задержал свое будущее во власти собственной фантазии. По правде сказать, я и не нуждался в зрении: один-единственный бесконечно важный шаг из городских теснин — и мое воображение разыгралось до пределов, на какие и посягнуть не смели читанные мною авторы…

Мало-помалу окружающий мрак словно бы таял, пока небо над головой не приобрело темно-серый оттенок. Вдалеке я различил линию, где облака встречаются с горизонтом, и почти сразу же заметил, как на кромке одного из облачков выступила бледно-розовая кайма. И словно подстегнутое светом, это облачко, а вслед за ним и все остальные медленно двинулись над нами — казалось, ветер уносит их от подступающей зари. По небу разливался румянец, на мгновение догонял уплывающие облака, а позади них открывалась широкая полоса прозрачности, которая и сама постепенно окрашивалась в сочный оранжевый цвет. Все мое внимание без остатка было поглощено этим зрелищем, — прямо скажем, за

всю свою жизнь я не видел ничего прекраснее. Оранжевая краска разливалась по небу все шире и одновременно светлела; облака, скользящие вдаль, еще были опалены красным, а там, где горизонт соприкасался с небом, зарождалось крепнущее с каждой минутой сияние.

Оранжевое сходило на нет. Куда быстрее, чем я мог бы себе представить, этот цвет растворялся в небе, а сияние разгоралось ярче и ярче. У горизонта небо налилось такой бледной ослепительной голубизной, что казалось белым. И, как бы вырастая из-за горизонта, в середине голубизны поднялось блистающее световое копье, чуть склоненное набок, будто шпиль заброшенной церкви. Копье вытягивалось, утолщалось, полнилось светом и спустя считанные секунды раскалилось так, что на него стало больно смотреть.

Разведчик Дентон вдруг схватил меня за руку.

— Глядите! — произнес он, указывая куда-то левее светового пятна.

Слева направо, медленно взмахивая крыльями, поле моего зрения пересекал строй птиц, развернутый изящным клином. Мгновение — и птицы долетели до вздымающейся в небо колонны света и на несколько секунд пропали из виду.

— Что это? — спросил я охрипшим от волнения

голосом.

— Просто гуси…

Вот они снова стали видны, неторопливые вольные птицы и голубое небо за ними. А через минуту или около того строй исчез за поднимающимися поодаль холмами.

Я вновь взглянул на восходящее солнце. За тот короткий срок, что я провожал глазами птиц, оно преобразилось. Из-за горизонта появилась главная его часть и повисла над миром, длинная, блюдцеобразная, с выпирающими вверх и вниз перпендикулярными остриями, раскаленными добела. Я почувствовал, как в лицо пахнуло теплом. Да и ветер утих.

Я стоял с Дентоном на узком уступе, глядя вниз на землю. Я видел Город, вернее, ту его сторону, которая примыкала к уступу, и видел последние облака, удирающие от солнца за горизонт. Теперь солнце светило на нас с чистого неба, и Дентон снял с себя плащ.

Потом он кивнул мне и жестом показал, что нам предстоит спуститься с уступа по начинающейся прямо у наших ног цепочке металлических лесенок. Гильдиер показывал путь, я двигался следом. Когда я одолел всю цепочку и впервые ступил на настоящую почву, птицы, свившие себе гнезда в

расщелинах под крышами Города, завели свою утреннюю песнь.

3

Дентон повел меня вокруг Города, но, едва мы торопливо обошли его один раз, разведчик направился к кучке каких-то временных хижин, возведенных ярдах в пятистах от городских стен. Здесь Дентон представил меня гильдиеру-путейцу по фамилии Мальчускин, а сам поспешил обратно.

Путеец, коренастый и весь заросший волосами, имел заспанный вид. Впрочем, он, кажется, не рассердился на нас за вторжение и обошелся со мной довольно учтиво.

— Ученик гильдии разведчиков, как я погляжу?

Я кивнул.

— Только что из Города — и прямо к вам.

— Впервые попал наружу?

— Так точно.

— Завтракал?

— Нет… Разведчик поднял меня с постели, и мы сразу пошли сюда.

— Заходи… Я хоть кофе сварю.

Внутри хижина-времянка оказалась неопрятной и захламленной — полная противополож-

ность тому, что я привык видеть в Городе. Там чистоте и порядку придавали первостепенное значение — а в хижине Мальчускина объедки, грязная одежда, немытые кастрюли и сковородки валялись где и как попало. В углу кучей лежали железные инструменты и приспособления, а на койке, приткнувшейся к стене, громоздился ком смятого белья. И надо всем этим висел запах несвежей пищи.

Мальчускин налил в котелок воды и поставил его на плитку. Отыскал где-то под барахлом две кружки, ополоснул их в бочке, стряхнул капли прямо на пол. Потом засыпал в кофейник синтетический кофе и, как только вода на плитке запузырилась, залил его кипятком.

В комнате нашелся всего один стул. Мальчускин снял со стола какие-то увесистые стальные штуковины и перебросил их на койку. Усевшись на стол, он знаком показал, чтобы я забирал стул себе. Минуту-другую мы сидели молча, прихлебывая кофе. Кофе был в точности такой же, как варят в Городе, и все-таки казался иным.

— Не больно-то много учеников принимал я за последнее время.

— Почему же? — осведомился я.

— Кто его разберет. Не присылают. Тебя как

зовут?

— Гельвард Манн. Мой отец…

— Угу, я его знаю. Толковый человек. Мы с ним вместе воспитывались в яслях.

Я поневоле нахмурился. Выходит, он ровесник отца — но такого, конечно же, быть не может. Мальчускин заметил мое недоумение.

— Пусть это тебя пока не беспокоит, — произнес он. — Со временем поймешь. Выяснишь на своем горбу, потом и кровью — других методов обучения эта чертова система гильдий не признает. Странная у вас, разведчиков, жизнь. Она не по мне, но ты, по-моему, выдюжишь…

— А почему вы не захотели стать разведчиком?

— Кто тебе сказал, что не захотел? Просто мне выпала другая доля. Мой отец был путейцем. Опять система гильдий. Но если ты твердо решил добиться своего, тебя послали по верному адресу. Руками-то хоть работать умеешь?

— Не-ет, — протянул я.

Он расхохотался.

— Не встречал еще ученика, который умел бы. Ничего, привыкнешь. — Он поднялся на ноги. — Пора начинать. Рановато, конечно, но раз уж ты вытащил меня из постели, что толку тянуть

резину? У меня тут и так лентяй на лентяе…

С этими словами он вышел из хижины. Торопясь и обжигая язык, я допил кофе и рванулся за ним. Он шагал в сторону двух построек барачного типа. Я догнал его.

Выходя из хижины, он прихватил с собой тяжелый гаечный ключ и теперь принялся что есть мочи колотить ключом по дверям бараков, крича тем, кто был внутри, чтоб пошевеливались. По отметинам на косяке я понял, что колотить по дверям чем-нибудь железным у него вошло в привычку.

В бараках послышалась возня.

Мальчускин вернулся к своей хижине и принялся разбирать инструменты.

— Не вздумай слишком якшаться с этими, — предупредил он меня. — Они не из Города. Бригадиром у них я назначил малого по имени Рафаэль. Он слегка кумекает по-английски и может быть переводчиком. Если тебе что-то от них понадобится, скажи ему. А лучше обратись ко мне. Вообще-то непохоже, чтобы они затеяли беспорядки, но если вдруг — тогда тоже меня зови. Договорились?

— Какие еще беспорядки?

— Ну, например, вдруг они не захотят делать

то, что им велели я или ты. Им платят, чтобы они беспрекословно выполняли все, что нам надо. Бывает, что они отказываются, — это и есть беспорядки. Но с нынешними беда одна — они просто до одури ленивы. Потому-то мы и поднимаемся так рано. Позже, когда станет припекать, от них и вовсе ничего не добьешься.

Уже и сейчас становилось тепло. За те полчаса, что я провел с Мальчускиным, солнце взобралось высоко в небо, и глаза у меня начали слезиться. Они не привыкли к такому яркому свету. Я попытался разглядеть солнце, как на рассвете, но смотреть на него, не смежая век, было решительно невозможно.

— Ну-ка, забирай…

Мальчускин передал мне целую охапку стальных ключей, и я пошатнулся под их тяжестью, выронив два или три наземь. Он молча следил за мной, видимо, пораженный моей неловкостью.

— Куда нести? — спросил я.

— К Городу, разумеется. Вас там что, совсем ничему не учат?

Я поплелся в направлении Города. Мальчускин наблюдал за мной с порога хижины.

— На южную сторону! — крикнул он вдогонку. Я остановился, беспомощно оглядываясь. Приш-

лось ему подойти ко мне. — Вон туда, — показал он. — На юг от Города тоже лежат пути. Дошло, наконец?

— Дошло.

Я побрел, куда приказали, выронив по дороге еще один, всего-навсего один ключ.

Через час-полтора я начал понемногу понимать, что имел в виду Мальчускин, когда говорил о рабочих. Они останавливались под любым предлогом, и только окрик Мальчускина или сердитые понукания Рафаэля способны были стронуть их с места.

— Кто они? — спросил я, когда мы сделали перерыв на пятнадцать минут.

— Местные.

— Неужели нельзя было нанять других?

— Да они все одинаковы.

До какой-то степени я им даже сочувствовал. Работать на открытой местности, где не сыскать и пятнышка тени, оказалось мучительно трудно. И хоть я то и дело приказывал себе не раскисать, физическое напряжение было куда большим, чем я мог вынести. И уж наверняка — самым непосильным из всего, что мне доводилось испытывать до сих пор.

К югу от Города пути тянулись примерно на

полмили и обрывались, не приводя никуда. Всего путей было четыре, каждый состоял из двух рельсов, положенных на деревянные шпалы, которые в свою очередь опирались на утопленные в грунт бетонные основания. Два пути стараниями Мальчускина и его бригады уже существенно укоротились, и теперь мы трудились на самом длинном из оставшихся — на так называемом правом внешнем пути. Мальчускин пояснил мне, что если встать к Городу лицом, пути различаются соответственно как два левых и два правых, внутренний и внешний в каждой паре.

Думать было, по существу, не о чем. Надо было только работать и работать, монотонно и тяжело. Сначала вытащить костыли, крепящие рельс к шпалам, и сложить их в сторонку. Затем таким же образом освободить другой рельс. Потом мы принимались за шпалы — они крепились к бетонным основаниям скобами, каждую из которых надо было расшатать и вынуть вручную. Каждую шпалу, отделенную от основания, надлежало уложить на тележку, поджидавшую на следующем отрезке рельсов. Затем наступал черед самих оснований — они, как я понял, были отлиты заранее и предназначены для многократного использования, и теперь мы выкапывали их из

земли и также поднимали на тележку. И наконец, два стальных рельса аккуратно укладывались на особую стойку, приделанную к тележке сбоку.

Затем Мальчускин или я перегоняли тележку на соседний участок рельсов, и все повторялось сызнова. Нагрузив тележку доверху, вся бригада карабкалась на нее и переезжала под стены Города, где тележку ставили на тормоза, чтобы перезарядить батареи, подсоединяя кабель к розетке, укрепленной специально для этой цели на городской стене.

На то, чтобы загрузить тележку и подогнать ее к Городу, у нас ушло почти целое утро. Руки у меня саднило так, словно их выдернули из плеч, спина отчаянно ныла. С головы до ног я был покрыт липкой грязью и потом. Мальчускин, который и сам работал не меньше других — да нет, наверняка усерднее наемных помощников, — глянул на меня и усмехнулся:

— Ну вот, сейчас разгрузимся и начнем сначала.

Я посмотрел на рабочих. Они выглядели не лучше моего, хоть я, вероятно, выдохся больше; ведь для меня все это было внове, и я не успел еще научиться тратить силы рационально. Почти вся наша бригада лежала навзничь в скудной тени

под стеной.

— Ладно, — откликнулся я.

— Да нет, я пошутил. Уж не думаешь ли ты, что эта банда способна на что-нибудь, пока не набьет себе животы?

— Нет, не думаю.

— И правильно. Тогда обед.

Он сказал что-то Рафаэлю и зашагал назад к своей хижине. Я поплелся за ним, и мы вместе пообедали подогретой синтетической пищей — ничего другого он предложить не мог.

Вторая половина дня началась с разгрузки. Шпалы, бетонные подушки и рельсы перетащили на другую повозку, также работавшую от батарей, но поставленную на большие надувные колеса. Покончив с этим, мы отогнали свою тележку назад к концу пути и в том же порядке принялись за дело сызнова. День был жаркий, люди двигались медленно. Даже Мальчускин как-то приутих и, как только тележка была заполнена вторично, объявил, что пора закругляться.

— Хорошо бы, конечно, сделать сегодня еще и третий рейс, — произнес он, основательно отхлебнув из бутылки с водой.

— Я готов, — откликнулся я.

— Допустим. Хочешь проделать все от начала

до конца в одиночку?

— Согласен, — ответил я, не желая признаться в том, что совершенно измотан.

— Ты и так завтра будешь неработоспособен. Нет, разгрузим эту тележку, отведем ее назад — и шабаш.

На поверку программа оказалась изложена не совсем точно. Отогнав тележку на юг, Мальчускин приказал бригаде закидать последний отрезок пути слоем песка и грязи. Слой этот надлежало сделать как можно толще и вытянуть вдоль пути ярдов на двадцать.

Я поинтересовался, зачем он нужен.

Вместо ответа Мальчускин показал на один из соседних путей, левый внутренний. В конце его поднимался массивный бетонный буфер, надежно вкопанный в почву.

— Ты что, предпочел бы взамен возводить такую штуку?

— А что это?

— Амортизатор. Вдруг канаты лопнут все разом, и Город покатится по рельсам назад. В общем-то, амортизаторы вряд ли остановят его, но лучше никто не придумал.

— А что, было уже так, чтобы Город покатился назад?

— Однажды было.

Мальчускин предложил мне выбор — вернуться в Город, к себе в каюту, или переночевать у него в хижине. По его тону я понял, что выбора у меня в сущности нет. Было очевидно, что путеец придерживается невысокого мнения о тех, кто живет под защитой городских стен, и сам он, по собственным словам, старался бывать в Городе как можно реже.

— Там слишком уютно, — заявил он. — Половина народу в Городе и знать не знает, что творится снаружи, и не думаю, чтобы им очень-то хотелось об этом узнать.

— А зачем им знать? В конце концов, если у нас все идет гладко, это просто не их забота.

— И то верно. Но если бы городские людишки почаще высовывались наружу, мне бы, может, не приходилось возиться с этими местными бестиями.

В расположенных неподалеку от нашей хижины спальных бараках наемные рабочие шумно судачили о чем то, иногда принимались петь.

— Вы не хотите иметь с ними ничего общего?

— Я использую их, и только. А остальное — дело меновщиков. Если рабочие совсем никуда не годятся, я их увольняю и требую, чтобы наняли

новых. Это не сложно. Работы в здешних краях днем с огнем не сыщешь.

— Что значит — в здешних краях?

— А про это ты уж спрашивай не меня, а своего отца и его гильдию. Я годен только на то, чтобы выкапывать старые шпалы.

Я чувствовал, что в действительности Мальчускин не так уж отчужден от Города, как хочет показать. Да, несомненно, его относительно независимое существование внушало ему известное презрение к тем, кто заперт в четырех стенах, — и в то же время, насколько я мог судить, его никто не обязывал торчать здесь, в хижине, дни и ночи напролет. Конечно, бригада была с ленцой, да и пошуметь любила, однако в общем и целом вела себя вполне пристойно. В нерабочее время Мальчускин и не пытался присматривать за подчиненными, так что спокойно мог бы жить в Городе, если бы только захотел.

— Это ведь твой первый день снаружи? — внезапно спросил он.

— Так точно.

— Хочешь посмотреть на закат?

— Не-ет… а зачем?

— Обычно все ученики смотрят.

— Ладно.

Нехотя, словно для того, чтобы угодить старшему, я выбрался из хижины и бросил взгляд мимо громады Города на северо-восток. Мальчускин подошел ко мне и встал рядом.

Солнце клонилось к горизонту, и я уже ощущал, как спины коснулся прохладный ветерок. Облака предыдущей ночи не возвращались, небо было чистым и синим. Я следил за солнцем, не отрываясь, — теперь, когда его лучи рассеивались в толще атмосферы, на него опять можно было смотреть, не раня глаз. Оно имело форму сплющенного оранжевого диска, как бы наклоненного к нам. Сверху и снизу из него вырастали мощные колонны света. И на наших глазах оно медленно утонуло за горизонтом — последним исчезло верхнее острие светового копья.

— Если ночуешь в Городе, этого не увидишь, — заметил Мальчускин.

— Очень красиво, — согласился я.

— Видел утром восход?

— Угу.

— Они всегда так, — кивнул Мальчускин. — Едва посвятят ребенка в гильдию — и сразу швырнут его в воду, на самую глубину. И никаких объяснений, так? Выведут наружу, в темень, и ждут, пока не взойдет солнце.

— Но зачем, зачем им это надо?

— Так установлено системой. Считается, что это кратчайший способ заставить ученика понять, что солнце на самом деле не такое, как учат в яслях.

— При чем тут солнце?

— Какое оно по учебнику?

— Круглое.

— Значит, так учат и по сей день. Ну, а теперь ты убедился, что оно другое. Понял, что это значит?

— Нет.

— Ну так думай. Пойдем поужинаем.

Мы вернулись в хижину, и Мальчускин велел мне подогреть еду, пока он навинтит раму для второй койки над той, которую занимает сам. Выкопав из шкафа еще один ком белья и одеяло, он швырнул их на матрас.

— Будешь спать здесь, — он показал на верхнюю койку. — Ворочаешься по ночам?

— Кажется, нет.

— Попробуем сегодня так. Если выяснится, что ты юла, поменяемся местами. Не люблю, когда меня беспокоят во сне.

Думаю, оснований тревожиться за свой покой у него сегодня не было. Я так устал, что мог бы уснуть на голой скале. Мы разделили безвкусный

ужин, а потом Мальчускин принялся толковать о том, как организована работа путейцев. Я не без труда делал вид, что слушаю его, и спустя несколько минут водворился на койке. Послушал еще чуть-чуть — и тут же заснул.

4

Проснулся я утром оттого, что Мальчускин бродил по хижине, гремя оставшейся после ужина посудой. Едва очнувшись, я попытался спрыгнуть с постели — и тут же рухнул обратно, сраженный острой болью в спине. Я охнул. Мальчускин поднял глаза и спросил с усмешкой:

— Что, несладко?

Я перекатился на бок и попытался подтянуть колени. Ноги тоже одеревенели и ныли, однако я все же, хоть и с немалым трудом, ухитрился сесть. Какое-то время я сидел не шевелясь — во мне еще теплилась надежда, что это просто судорога и что боль скоро пройдет.

— Всегда с вами, городскими детками, одно и то же, — заметил Мальчускин беззлобно. — Являетесь сюда и набрасываетесь на работу, чтобы выслужиться передо мной. А на следующий день ни рукой, ни ногой шевельнуть не можете. Ты хоть какие-нибудь физические упражнения в Городе делал?

— Делал… В гимнастическом зале.

— Ну, ладно. Спускайся вниз и позавтракай. А после завтрака топай-ка лучше в Город. Прими

горячую ванну и постарайся найти кого-нибудь, кто сделал бы тебе массаж. Потом возвращайся ко мне.

Преисполненный благодарности, я кивнул и кое-как сполз с койки на пол. Это оказалось ничуть не легче и не менее болезненно, чем любое другое движение. Как выяснилось, руки, шея и плечи у меня одеревенели точно так же, как и остальные части тела.

Полчаса спустя — Мальчускин как раз принялся орать на рабочих, чтоб пошевеливались, — я вышел из хижины и, прихрамывая, поплелся в сторону Города.

В сущности, с той самой минуты, как меня вывели из Города, я впервые оказался предоставленным самому себе. И, как водится, оставшись один, сразу замечаешь вокруг куда больше, чем в компании. Хижина Мальчускина отстояла от Города ярдов на пятьсот, и расстояние было подходящим, чтобы составить представление о его облике и размерах. Тем не менее за весь предыдущий день я лишь иногда успевал бросить в сторону Города мимолетный взгляд. Он оставался для меня бесформенной серой громадой, господствующей над окружающей местностью, — и только.

Теперь, ковыляя в одиночестве к этой громаде, я мог наконец-то разглядеть ее более подробно.

Из опыта, накопленного мной в стенах Города, я при всем желании не смог бы заключить, на что он похож снаружи, — да и, по правде сказать, не слишком-то и задумывался об этом. Само собой подразумевалось, что Город огромен, однако в действительности его размеры оказались, пожалуй, скромнее моих ожиданий. На северной стороне Города поднимались внушительные башни, которые достигали приблизительно двухсот футов в высоту, остальная же часть его представляла собой хаотичное нагромождение прямоугольников и кубов, то резко вздымающихся вверх, то совсем невысоких. Все эти прямоугольники и кубы, тускло-коричневые и серые, были сработаны, насколько я мог судить, из разных сортов древесины. Бетон, как и металл, здесь почти не применялся — и все наружные стены были некрашеными. В общем, снаружи облик Города резко отличался от того, к чему я привык внутри: там, по крайней мере в тех помещениях, какие мне доводилось видеть, все сверкало яркими красками и чистотой. О ширине Города я судить не мог — хижина Мальчускина располагалась точно к западу от него, и я шел

по прямой, — а в длину он протянулся, по моей оценке, примерно на полторы тысячи футов. Издали Город был на редкость безобразен и выглядел удивительно старым. Вокруг суетилось множество людей, особенно с северной стороны.

Когда я приблизился к Городу вплотную, меня вдруг обожгла мысль: а как я, собственно, туда попаду? Да, разведчик Дентон вчера утром провел меня вокруг Города, но я был настолько захвачен впечатлениями, что пропустил почти все его пояснения мимо ушей. Все выглядело тогда таким непривычным…

Единственное, что я четко помнил, — дверь на площадке, где мы наблюдали восход. Я решил найти ее; впрочем, и это оказалось отнюдь не легким делом.

Я обогнул Город с юга, переступая через пути, на которых трудился накануне, и двинулся вдоль западной стены: где-то здесь, как мне помнилось, была цепочка металлических лесенок, по которым мы с Дентоном спустились на землю. После долгих поисков я обнаружил нижнюю лесенку и принялся карабкаться вверх. Несколько раз я сбивался с дороги, мучительно ползал по подвесным мосткам и взбирался по узким ступенькам, пока не достиг цели. Только для того, чтобы убедиться,

что дверь по-прежнему заперта.

Теперь, хочешь не хочешь, приходилось обращаться за помощью. Я сполз по ступенькам вниз и отправился на юг, туда, где Мальчускин со своей бригадой опять, как накануне, разбирали старые пути.

Удрученно, хотя и терпеливо, выслушав меня, Мальчускин передал бразды правления Рафаэлю и показал мне, что делать. Он повел меня по узкой дорожке меж двух внутренних путей прямо под нависшую над нами городскую стену. Под Городом было прохладно и темно.

Мы остановились у стального трапа.

— Наверху находится лифт, — сказал путеец. — Знаешь, что это такое?

— Знаю.

— Ключ гильдиера у тебя есть?

Я порылся в кармане и вытащил кусочек металла неправильной формы, который дал мне Клаузевиц. Ключ отпирал двери, связывающие ясли с внешним миром.

— Вот этот?

— Этот. На дверях лифта тот же замок. Поднимись на четвертый уровень, разыщи администратора и попроси разрешения принять ванну.

Чувствуя себя последним идиотом, я поступил,

как мне велел Мальчускин. А тот громко хохотал, вышагивая обратно к дневному свету. Лифт я отыскал без труда, повернул ключ в замке, однако двери и не подумали открываться. Я ждал, не ведая, что предпринять. Внезапно двери открылись сами собой, и из лифта вышли два гильдиера. Не обратив на меня никакого внимания, они спустились по трапу на землю.

Тут двери снова пришли в движение — теперь они начали закрываться, и я бросился в кабину. Прежде чем мне удалось хотя бы сообразить, как управлять лифтом, он пошел вверх. На стенке возле дверей кабины располагался ряд кнопок с прорезями под ключ, на кнопках были выбиты цифры от одного до семи. Я воткнул свой ключ в кнопку под номером четыре, уповая, что не ошибся и что мне нужна именно она. Кабина шла вверх, казалось, целую вечность, затем резко остановилась. Двери раскрылись, я сделал шаг вперед и очутился на площадке, а мимо меня в кабину вошли сразу три гильдиера.

В этот момент мне на глаза попалась надпись на стене напротив лифта: «УРОВЕНЬ 7». Я забрался слишком высоко. И в ту самую секунду, когда двери готовы были захлопнуться, успел юркнуть обратно в кабину.

— Тебе куда надо, ученик? — спросил один из гильдиеров.

— На четвертый.

— Ладно, не суетись.

Он коснулся кнопки номер четыре своим собственным ключом, и на сей раз кабина остановилась на нужном уровне. Я пробормотал слова благодарности и наконец-то покинул кабину.

Несколько последних минут я так сосредоточенно боролся с лифтом, что подзабыл о своих телесных страданиях, но сейчас усталость и боль навалились на меня с новой силой. В этой части Города все казались занятыми важными делами: люди сновали по коридорам, я ловил обрывки разговоров, отворялись и захлопывались двери. И все это так отличалось от жизни за городскими стенами — покойный ландшафт навевал там какое-то небрежение временем; да, люди двигались, трудились и там, и все-таки обстановка была куда более праздной. Работа Мальчускина и его бригады преследовала очевидную конкретную цель, — но здесь, в самом сердце верхних уровней Города, доселе запретных для меня, все представлялось по-прежнему таинственным и непонятным.

Я припомнил наставления Мальчускина и, на-

удачу толкнув дверь, попал в комнату, где сидели две женщины. Когда я рассказал, что привело меня к ним, они посмеялись, но выразили готовность помочь.

Через десять минут я опустил свое измученное тело в ванну, полную горячей воды, и закрыл глаза.

На то, чтобы добраться до ванны, у меня ушло столько времени и усилий, что я сомневался, будет ли от нее хоть какой-то прок. Но когда я насухо растерся полотенцем и натянул на себя одежду, мышцы уже не были такими деревянными, как раньше. Я еще чувствовал следы онемения, если напрягал их, но в целом утомление, безжалостно терзавшее прежде каждую мою клеточку, куда-то пропало.

Неурочное возвращение в Город волей-неволей напомнило мне о Виктории. Мимолетное наше свидание на церемонии лишь подогрело мой интерес к ней. Да и перспектива немедленно отправиться назад к Мальчускину, чтобы вновь заняться выкорчевыванием старых шпал, не слишком привлекала; я сознавал, что не должен отсутствовать слишком долго, и все же решил вначале попытаться разыскать свою невесту.

Выйдя из ванной, я поспешил назад к лифту.

Он был свободен, но пришлось вызывать его с другого уровня. Когда кабина прибыла, я смог познакомиться с ее устройством тщательнее, чем в прошлый раз, и решил поэкспериментировать.

Сперва я поднялся на седьмой уровень, но, пробежав по коридорам, не заметил никакой ощутимой разницы с уровнем, где только что побывал. То же самое относилось и к большинству других уровней, только на третьем, четвертом и пятом уровнях было больше людей и суеты. Первый уровень на поверку оказался темным туннелем, очевидно, подпирающим Город как таковой.

Прокатившись раз-другой вверх и вниз, я установил, что расстояние между первым и вторым уровнями поразительно велико, в то время как все другие уровни лежат почти рядом. В конце концов я вышел на втором уровне, инстинктивно предположив, что ясли должны помещаться именно здесь, а в случае ошибки я смогу продолжить поиски и пешком.

От площадки лифта на втором уровне короткий лестничный пролет вел вниз, к поперечному коридору. Я смутно припомнил, что проходил этим коридорчиком вместе с Брухом, направляясь на церемонию, и действительно, вскоре натолкнул-

ся на входную дверь яслей.

Войдя внутрь, я запер дверь за собой ключом гильдиера. Все здесь было так знакомо. Лишь тут я осознал, что до этой секунды двигался чуть не крадучись и только теперь попал домой. Сбежав по ступенькам и миновав еще один коридорчик, я очутился в зоне, которую знал до мелочей. Все здесь выглядело иначе, чем в других частях Города, — даже запах и то был другой. Я видел памятные ссадины на стенах, где поколения детей задолго до меня запечатлели свои имена, видел выцветшую коричневую краску, потертые настилы полов, незапирающиеся двери кают. В силу долгой привычки я направился прямиком к своей собственной каюте и заглянул в нее. После меня тут никто ничего не трогал. Кровать была застелена — каюта выглядела даже опрятнее, чем когда я спал тут изо дня в день, скудные мои пожитки оставались на своих местах. Точно так же нетронутыми лежали и вещи Джейза, хотя о нем самом по-прежнему не было ни слуху ни духу.

Оглядевшись еще раз, я вернулся в коридор. Цель, заставившая меня зайти в каюту, была выполнена: у меня не было никакой цели. Я двинулся дальше, к классным комнатам, где нас учили наукам. Из-за закрытых дверей доносил-

ся невнятный гул голосов. Заглянув в круглый смотровой глазок, я увидел школяров за партами. Всего три дня назад я сам сидел среди них. В одном из классов занимались мои бывшие однокашники; иным из них, несомненно, тоже суждено стать учениками верховных гильдий, но в большинстве своем они обречены исполнять в стенах Города административные обязанности. Меня так и подмывало войти и небрежно выслушать поток обращенных ко мне вопросов, храня в ответ таинственное молчание.

В яслях практиковалось совместное обучение, и в каждой комнате, куда я заглядывал через глазок, я прежде всего искал Викторию, но ее нигде не было. Проверив один за другим все классы, я отправился в так называемую общественную зону: в столовую (оттуда доносился приглушенный шум — там готовили обед), гимнастический зал (он был пуст) и, наконец, на крохотную открытую площадку, откуда виден был лишь кусочек синего неба над головой. Затем я попал в главный зал — единственное в яслях место, предназначенное для совместного отдыха и развлечений. В зале сидела группа мальчишек — с двумя из них я учился вместе всего три дня назад. Они болтали между собой — обычное дело, когда группу остав-

ляют без наставника для самоподготовки, — но как только меня заметили, я сразу же оказался в центре внимания. В общем, я таки влип в то самое положение, какого только что сознательно избежал.

Они желали знать, в какую гильдию меня приняли, чем я занимаюсь, что видел. Что вообще происходит, когда достигнешь возраста зрелости? Что там, за стенами яслей?

Смешнее всего, что я не смог бы ответить на большинство их вопросов, даже если бы был вправе нарушить клятву. Да, в течение двух последних дней я кое-где побывал, кое-что повидал, но, по существу, так и не разобрался в том, что видел.

И я поневоле прибегнул — в точности как Джейз — к простейшему приему: скрыть то немногое, что успел узнать, за покровом напускной таинственности, а в крайнем случае отшутиться. Ребят это, естественно, разочаровало, и хотя их интерес ко мне не угас, вопросы вскоре иссякли.

При первой же возможности я покинул зал и сбежал из яслей: Виктория здесь, очевидно, тоже уже не жила.

Спустившись на лифте, я вновь очутился в темном пространстве под Городом и, идя меж путей,

вышел на дневной свет. Мальчускин поторапливал свою нерадивую бригаду, разгружавшую тележку с рельсами и шпалами, и, по-моему, даже не заметил, что я вернулся.

5

Дни медленно сменяли друг друга, и больше мне бывать в Городе не случалось.

Я понял свою ошибку: едва попав к путейцам, я слишком рьяно набросился на работу. Теперь я решил следовать примеру Мальчускина и ограничивался в основном ролью надсмотрщика. Лишь иногда мы с ним включались в дело и помогали рабочим. Но и при этом труд был изнурительным, нескончаемо долгим, и я ощущал, как мое тело отзывается на новую нагрузку. Вскоре я почувствовал себя окрепшим, как никогда, кожа моя побагровела под лучами солнца, и физический труд перестал казаться мукой.

Единственное, что меня теперь по-настоящему огорчало, — это неизменная синтетическая пища и неспособность Мальчускина интересно рассказать о том, какую роль играет наш труд в обеспечении безопасности Города. День за днем мы ишачили до позднего вечера, наскоро ужинали и тут же засыпали.

Работа наша на путях к югу от Города была почти завершена. В задачу бригады входило снять все пути, а затем воздвигнуть на равном рассто-

янии от городских стен четыре буфера-амортизатора. Снятые рельсы и шпалы перевозили на север от Города и там укладывали опять.

Как-то вечером Мальчускин спросил меня:

— Сколько времени ты уже здесь пробыл?

— Точно не знаю.

— А если в днях?

— Ну тогда семь дней.

Он угадал: я действительно пытался вычислить время в милях.

— Через три дня тебе положен краткосрочный отпуск. Проведешь два дня в Городе, а потом вернешься ко мне на новую милю.

Я поинтересовался, как это он ухитряется измерять ход времени сразу и в днях и в милях.

— Чтобы пройти одну милю, Городу требуется около десяти дней, — ответил он. — За год мы проходим примерно тридцать шесть с половиной миль.

— Но Город неподвижен.

— Это он сейчас неподвижен. Скоро тронется. И имей в виду, мы ведем счет не фактически пройденному расстоянию, а тому, какое он должен был пройти. Это расстояние зависит от положения оптимума.

Я покачал головой.

— А это что за штука?

— Оптимум — это идеальное место для Города в каждый данный момент. Чтобы не отдаляться от оптимума, надо покрывать примерно одну десятую мили в день. Об этом, очевидно, не может быть и речи — мы просто пододвигаем Город к оптимуму, как только можем и насколько можем.

— И что, Город никогда не достигал оптимума?

— На моей памяти никогда.

— А где этот оптимум сейчас?

— Мили на три впереди. Три мили — расстояние довольно обычное. До меня на путях работал мой отец, и он мне рассказывал, что однажды оптимум обогнал их на десять миль. О большем отставании я никогда не слышал.

— А что будет, если мы когда-нибудь достигнем оптимума?

Мальчускин усмехнулся.

— Будем по-прежнему выкапывать старые шпалы.

— Почему?

— Потому что оптимум все время движется. Впрочем, мы вряд ли достигнем оптимума, да это и не так уж важно. Удержаться бы в пределах нескольких миль от него, и ладно. Могу сказать и по-другому: обгони мы хоть чуть-чуть оптимум,

и мы позволили бы себе, наконец, хорошенько отдохнуть.

— А его можно обогнать?

— Наверное, да. Учти вот что. Сейчас мы находимся довольно высоко над уровнем моря. Чтобы забраться сюда, нам пришлось карабкаться вверх. Это было, когда здесь командовал мой отец. Взбираться вверх тяжелее, чем идти по равнине, на подъем уходит больше времени, вот мы и отстали от оптимума. Если местность начнет понижаться, мы сможем катиться под уклон.

— А есть шансы, что она начнет понижаться?

— Спроси об этом у своих коллег-разведчиков. Это их кусок хлеба, а не мой.

— А здесь вокруг вся местность такая же?

— Завтра я тебе покажу.

Из того, что говорил Мальчускин, я понял далеко не все, но по крайней мере одно мне стало ясно: как измеряется время. Мне было от роду шестьсот пятьдесят миль; это не значило, что Город продвинулся за мою жизнь на такое расстояние, но оптимум переместился ровно на шестьсот пятьдесят миль.

Однако что же все-таки это за штука — оптимум?

На следующий день Мальчускин сдержал свое

обещание. Покуда наемные рабочие валялись в минуту очередного перерыва в глубокой тени у городских стен, Мальчускин вместе со мной поднялся на пологую возвышенность к западу от Города. Отсюда были хорошо видны почти все ближайшие окрестности.

В данный момент Город стоял в центре широкой котловины, замкнутой с севера и юга двумя довольно высокими грядами холмов. На юге я мог ясно разглядеть следы путей, которые мы только что снимали, — четыре параллельных шрама, оставленных в почве шпалами и их бетонными основаниями.

К северу от Города пути плавно взбегали на гребень холма. На путях и подле них почти никого не было — лишь какая-то тележка на батареях лениво ползла вверх по склону с грузом рельсов и шпал и с усевшейся на них бригадой рабочих. На гребне было, напротив, довольно многолюдно, но что там происходило, с такого расстояния понять было никак нельзя.

— Хорошая местность, — заметил Мальчускин. И тут же пояснил: — Для путейца, во всяком случае.

— Почему хорошая?

— Ровная. Ни холмы, ни долины не доставляют

особых хлопот. Что выводит меня из себя, так это пересеченная местность: скалы, реки или даже леса. Вот одно из преимуществ того, что мы забрались высоко. Здесь вокруг очень старые скалы, силы природы давно сгладили их и растерли в порошок. Только не напоминай мне про реки. Само это слово приводит меня в ярость.

— Что плохого они вам сделали?

— Я сказал, не напоминай мне про них. — Он добродушно хлопнул меня по плечу, и мы двинулись к городу. — Реки надо пересекать. Значит, надо строить мост, если, конечно, там уже нет построенного моста, но что-то я таких уже построенных не припомню. Значит, надо ждать, пока мост будет готов. А за задержки, как правило, ругают нас, путейцев. Но такова жизнь. Сложность еще в том, что отношение к рекам у всех у нас двойственное. Городу постоянно не хватает воды, и если мы выходим к реке, проблема решается хотя бы на время. Но все равно приходится строить мост, и это заставляет всех и каждого нервничать.

Рабочие отнюдь не пришли в восторг, заметив, что мы возвращаемся, но Рафаэль все-таки сумел их поднять, и работа возобновилась. Все пути уже были сняты, и нам оставалось одно — соору-

дить последний амортизатор. Стальная рама, поднятая над рельсами и поперек них, покоилась на трех стандартных бетонных основаниях. Рамы эти устанавливались на каждом из четырех путей с тем расчетом, чтобы удержать Город, если он вдруг покатится назад. Поэтому они и располагались не на одной прямой, а уступом в соответствии с неправильной формой южной городской стены; Мальчускин уверял, что это дает достаточную гарантию безопасности.

— Не хотел бы я, чтобы они когда-нибудь пошли в ход, — заявил он, — но уж если Город покатится, они его удержат. Надеюсь, удержат…

С возведением последнего амортизатора наша миссия вроде бы была завершена.

— Что дальше? — поинтересовался я.

Мальчускин взглянул вверх, на солнце.

— Надо менять базу. Передвинуть хижину да и бараки для рабочих за тот гребень. Хотя уже поздновато. Не уверен, что мы управимся до ночи.

— Можно отложить на завтра.

— Я тоже так думаю. Дам-ка я этим лентяям несколько свободных часов. Им это придется по вкусу.

Он сказал что-то Рафаэлю, а тот в свою очередь обратился к своим товарищам. И без перевода

было ясно, как они восприняли новость. Рафаэль еще не договорил до конца, как несколько человек уже повернули к баракам.

— Куда это они?

— К себе в деревню, надо полагать, — ответил Мальчускин. — Она вон там, — он показал на юго-запад, за гребень недальних холмов. — Так или иначе, они вернутся. Работать им, понятное дело, не очень хочется, но в деревне на них поднажмут: ведь мы взамен предлагаем то, в чем там сильно нуждаются.

— Что же именно?

— Блага цивилизации, — ответил он, цинично усмехнувшись. — Ту самую синтетическую пищу, которая вызывает у тебя такое отвращение.

— Им нравится эта бурда?

— Не больше, чем тебе. Но это все же лучше, чем пустой желудок, а до нашего появления здесь они в большинстве своем просто-напросто голодали.

— Все равно я не стал бы вкалывать с утра до ночи за такую баланду. Безвкусная, жидкая, да и…

— Сколько раз в день ты ел в Городе?

— Три.

— И все три раза тебе давали синтетическую пищу?

— Нет, только два, — признался я.

— Ну так вот, есть люди, и эти болваны из их числа, которые прозакладывают душу за то, чтобы поесть хотя бы раз в сутки. Насколько я знаю, работа, которую они выполняют для меня, — это еще пустяки, они согласны на что и похуже…

— Например?

— Со временем сам узнаешь.

Позже в тот же вечер, когда мы сидели в хижине, Мальчускин продолжил разговор на эту тему. Мне стало ясно, что он отнюдь не так плохо осведомлен, как пытался уверить. Разумеется, он, как всегда, винил во всем систему гильдий. Давным-давно было заведено, что традиции Города передаются от поколения к поколению непосредственно на практике. Считалось, что ученик постигает науку гильдиера куда прочнее, если правда жизни, лежащая в ее основе, будет усвоена не на теоретических занятиях, а на собственном опыте. Отсюда следовало, что я должен сам, приноравливаясь и ошибаясь, выяснить для себя суть работы путейцев и других гильдиеров, как и всю совокупность остальных факторов, жизненно важных для дальнейшего существования Города.

— Когда я сам был учеником, — говорил Мальчускин, — я строил мосты и выкапывал старые

шпалы. Я работал с движенцами и ездил в седле рядом с коллегами твоего отца. Я узнал на собственной шкуре, как нелегко Городу уцелеть, а потому хорошо понял, зачем нужен мой труд. Я снимаю пути и укладываю их заново не потому, что мне так уж нравится этот процесс, а потому, что глубоко сознаю его необходимость. Я путешествовал с меновщиками, видел, как они вербуют местное население, и теперь понимаю, какие беды гнетут тех, кто работает под моим началом. Во всем вокруг много неясного и загадочного — так, по крайней мере, кажется тебе сейчас. Но со временем ты сам убедишься, что каждый наш шаг направлен к тому, чтобы выжить, и что выжить очень и очень нелегко.

— Я вовсе не против того, чтобы работать с вами, — вставил я.

— Да я не о том. Я тоже вполне доволен твоей работой. Но заруби себе на носу: все, что, вероятно, приводит тебя в недоумение, — клятва, например, — имеет определенную цель, и, видит бог, это разумная цель!

— Значит, по-вашему, рабочие утром вернутся?

— Надо полагать, да. И снова будут плакаться по любому поводу, и лодырничать, едва ты или

я отвернемся, — но это тоже в порядке вещей. Иногда, впрочем, мне сдается…

Я долго ждал, чтобы он докончил фразу, но он так больше ничего и не сказал. Заявление было очень нетипичное: чем-чем, а склонностью к философствованию Мальчускин не страдал. Мы сидели с ним наедине; он замолчал, и молчание это тянулось до тех пор, пока я не встал и не вышел.

Утром Рафаэль вернулся, приведя с собой большинство из тех, кто работал с нами накануне. Немногих, кто не явился, заменили новички — число рабочих в бригаде не изменилось. Мальчускин приветствовал их как ни в чем не бывало и без проволочек стал командовать разборкой временной хижины и бараков.

Прежде всего из времянок вынесли всю мебель и пожитки, сложив их кучей в стороне. Сама разборка оказалась не столь уж сложной: строения были рассчитаны на быстрый демонтаж. Стены скрепляли болтами, полы разбирались на отдельные щиты, крыши отвинчивались, двери и окна вынимались целиком, вместе с рамами. В общем, на то, чтобы разобрать хижину или барак, уходило не больше часа, и к полудню все было кончено. Еще в разгар работы Мальчускин

куда-то отлучился и вскоре пригнал грузовичок — аккумуляторный электромобиль. Мы сделали короткий перерыв и поели, затем покидали в грузовичок столько панелей и досок, сколько он мог вместить, и Мальчускин повел его вверх к холмам на севере. Рафаэль и еще несколько человек поехали вместе с ним, прицепившись к бортам.

До холмов оказалось не так-то близко. Постепенно приближаясь к путям, Мальчускин поехал в гору вдоль линии. Гребень холма прорезала неглубокая выемка шириной как раз на четыре пары рельсов. Тут скопилось множество народу: одни расширяли выемку с обеих сторон кирками — по-видимому, чтобы громада Города прошла меж двух откосов, — другие возились с ручными бурами, высверливая лунки под опоры каких-то стальных рам с большими колесами посередине. Пока что удалось установить лишь одну из рам, и она торчала меж двух внутренних путей, вытянутая геометрическая конструкция непонятного назначения.

Ведя грузовичок сквозь выемку, Мальчускин замедлил ход и с интересом приглядывался ко всему, что творилось вокруг. Он помахал рукой какому-то гильдиеру, наблюдавшему за ходом работ, потом, перевалив гребень, вновь прибавил

скорость. За гребнем открылся пологий склон к широкой долине. К западу и востоку от долины, да и на дальнем ее краю шли новые гряды холмов, более высоких, чем оставшаяся за спиной.

К моему удивлению, почти сразу за гребнем пути обрывались. Вернее, левый внешний путь тянулся вдаль примерно на милю, зато остальные три пути обрывались через сотню ярдов. Правда, две бригады рабочих укладывали рельсы дальше, но с первого взгляда было ясно, что дело пока движется медленно.

Мальчускин все осматривался по сторонам. Близ нашего, западного края путей стояла кучка хижин, по-видимому жилища путейцев, что прибыли сюда до нас. Грузовичок повернул в направлении хижин, проехал немного дальше и наконец притормозил.

— Так, пожалуй, ничего, — сказал Мальчускин. — К закату бараки должны быть собраны.

Я поинтересовался:

— А почему бы не поставить их рядом с другими?

— Предпочитаю избегать тесного соседства. Если разные бригады начнут общаться друг с другом, рабочие станут пить больше, а работать хуже. Они, конечно, все равно будут бегать друг к

другу на досуге, но какой прок облегчать им это, поселив всех вместе?

— Разве они не имеют права делать, что хотят?

— Их наняли для работы. Для работы, понял?

И, выбравшись из кабины, он тут же принялся орать на Рафаэля, чтобы бригада приступила к сборке не мешкая.

Грузовичок вскоре был разгружен, и, оставив меня присматривать за сборкой, Мальчускин повел его назад за гребень, чтобы привезти остальных людей и материалы.

К закату сборка была почти завершена. Последнее, что мне поручили сделать за смену, — отогнать грузовичок к Городу и подсоединить его аккумуляторы к сети для перезарядки. Я сел за руль, очень довольный, что какое-то время проведу в одиночестве.

Когда я въехал на гребень, работы уже прервались, и подле странных колес на рамах остались только два стражника с арбалетами, перекинутыми через плечо. Они не удостоили меня вниманием, и, миновав их, я направил грузовичок вниз по склону к Городу. Признаться, я удивлялся тому, как мало вокруг огней и как с приближением ночи мгновенно прекратилась вся разнообразная дневная деятельность.

Розетки для перезарядки аккумуляторов я нашел именно там, где говорил Мальчускин, но к каждой из них было уже подключено какое-нибудь транспортное устройство, свободных мест не оказалось. Тут только до меня дошло, что мой грузовичок вернулся в этот вечер последним и свободную розетку придется поискать. В конце концов я кое-как нашел ее на дальней, южной стороне Города.

Уже совсем стемнело, когда я кончил возиться с грузовичком, и только тут я сообразил, что мне предстоит долгий пеший путь назад, притом в одиночку. Велико было искушение, не возвращаясь, переночевать в Городе. Ведь до каюты в яслях я добрался бы мигом… Но тут я представил себе, какое выражение лица будет поутру у Мальчускина. Одолев сомнения, я обогнул Город, отыскал пути, ведущие на север, и зашагал обратно к холмам. Один на равнине ночью — ощущение оказалось не из приятных. Похолодало, с запада дул сильный ветер, который пронизывал мою тоненькую форму насквозь. Впереди, на тусклом фоне облачного неба, я различал темный кант холмов. В выемке, вычерченной на горизонте, виднелись четкие контуры рам с колесами, а подле них дозорной тропой по-прежнему выша-

гивали два стражника. Едва я приблизился, меня окликнули:

— Стой, ни с места! — Они и сами замерли, и хотя я не мог ничего разглядеть наверняка, инстинкт подсказывал мне, что арбалеты нацелились в мою сторону. — Кто таков?

— Ученик гильдиера Гельвард Манн.

— Что ты делаешь за чертой Города?

— Работаю с путейцем Мальчускиным. Совсем недавно я проезжал мимо вас на грузовике.

— Верно. Подойди сюда.

Я подошел.

— Что-то я не знаю тебя, — сказал один из стражников. — Ты что, только приступил?

— Да, с милю назад.

— В какую гильдию тебя приняли?

— В разведчики будущего.

Говоривший рассмеялся.

— Тебе не позавидуешь.

— Почему?

— Лучше жить подольше.

— Он достаточно молод, — заметил второй.

— О чем это вы? — удивился я.

— В будущем ты уже был?

— Нет.

— А в прошлом?

— Тоже нет. Я же принял клятву лишь несколько дней назад.

Тут меня осенило. Я не видел во тьме их лиц, но, судя по голосам, они не могли быть намного старше меня. Им, наверное, миль по семьсот или чуть больше. Но если так, я должен знать их, они же учились почти вместе со мной!

— Как тебя зовут? — обратился я к одному из них.

— Корнуэлл Стернер. Для тебя — арбалетчик Стернер.

— Ты учился в яслях?

— Учился. Но тебя не помню. Да ты тогда был совсем малышом.

— Я только что из яслей. Тебя там не было.

Они оба снова рассмеялись, и я почувствовал, как во мне нарастает гнев.

— Мы побывали в прошлом, сынок.

— Ну и что?

— А то, что мы теперь мужчины.

— Тебе пора в кроватку, сынок. Здесь по ночам опасно.

— Да никого же нет вокруг, — возразил я.

— Сейчас нет. Но пока слабачки из Города изволят баиньки, мы бережем их от мартышек.

— От кого-кого?

— От мартышек. Аборигенов. Короче, от местных подонков, которые прыгают из кустиков на юных ученичков.

Я двинулся было дальше. Я уже жалел, что не заночевал в Городе и что пошел этой дорогой. Однако любопытство оказалось сильнее, и я спросил:

— Нет, правда, что ты имеешь в виду?

— Тут живут мартышки, которым Город очень не по нутру. Не уследи мы за ними, и они повредят пути. Вон видишь шкивы? Они бы их давно опрокинули, если бы не мы.

— Но они же помогали их ставить!

— Это те, которых мы наняли. А есть и много других, которых мы не нанимали.

— Иди-ка ты спать, сынок. Предоставь мартышек нам.

— И вы вдвоем с ними справитесь?

— Да, мы вдвоем и еще дюжина других, что стоят по всему гребню. Торопись к себе в постельку, сынок, и позаботься, как бы не получить стрелу меж глаз.

Я отвернулся и пошел прочь. Гнев во мне кипел и рвался наружу, и, задержись я на минуту дольше, я того и гляди набросился бы на кого-нибудь из них с кулаками. Я ненавидел эту якобы взрос-

лую покровительственную манеру разговора, но в то же время чувствовал, что и сам сумел поддеть их. Два молоденьких стрелка с арбалетами никак не могли устоять против нападения, и они сами прекрасно все понимали, но для их самолюбия важно было, чтобы я об этом не догадался.

Отойдя достаточно далеко, чтобы они не услышали, я бросился бежать, но тут же споткнулся о шпалу. Я отошел чуть подальше от полотна и снова побежал. Мальчускин поджидал меня в хижине, и мы разделили очередную трапезу из все той же синтетической пищи.

6

Еще два дня работы с Мальчускиным — и настала пора моего первого отпуска. В течение этих двух дней путеец пришпоривал свою бригаду пуще прежнего, и мы кое-чего добились. Вообще говоря, укладывать новые пути было тяжелее, чем выкапывать старые шпалы, однако было тут и свое преимущество — мы видели конкретные плоды своего труда, полотно день ото дня вытягивалось все дальше. Прежде чем уложить шпалы, а на них рельсы, приходилось еще и копать ямы под бетонные основания. Но к северу от Города работали сразу три путевые бригады, протяженность проложенных ими путей была примерно одинакова, и волей-неволей возникало соперничество: кто сделает больше. Не без удивления следил я за тем, как эти, казалось бы, подневольные люди рвались обогнать друг друга и, напрягаясь до седьмого пота, еще и подтрунивали над теми, кто отставал.

— Два дня, — сказал Мальчускин перед тем, как отпустить меня в Город, — и ни минутой больше. Скоро начнется перемещение, на счету будет каждая пара рук.

— Через два дня я должен вернуться к вам?

— Это определит твоя гильдия… Впрочем, да, еще две мили ты проведешь со мной. Затем, на следующие три мили, тебя передадут в другую гильдию.

— А в какую именно?

— Не знаю. Это решат твои начальники.

В тот день мы закончили работу очень поздно, и я заночевал в хижине. Честно говоря, у меня была на то и еще одна причина: мне ничуть не улыбалось, проходя в сумерках через выемку, снова столкнуться со стражниками. В дневное время их почти не было видно, но Мальчускин рассказал, что ночные охранные патрули с каждым днем будут становиться все многочисленнее, а перед самым перемещением пути будут стеречь как зеницу ока.

Наутро я отправился вдоль путей вниз, в Город.

Теперь, когда я попал в Город на законном основании, разыскать Викторию оказалось несложно. В прошлый раз я не решился на активные поиски: ведь в глубине души я сознавал, что обязан как можно скорее вернуться к Мальчускину. Два долгих дня отпуска меняли дело — теперь уж никто не посмеет упрекнуть меня, что я уклоняюсь от

своих обязанностей.

Впрочем, я все равно понятия не имел, как найти ее, и был вынужден унизиться до расспросов. Сперва я все время попадал не туда, но наконец меня направили в одну из комнат четвертого уровня, где Виктория и еще трое-четверо молодых людей корпели над чем-то под началом женщины-администратора. Заметив меня в дверях, Виктория шепнула ей несколько слов и подбежала ко мне. Мы вышли в коридор.

— Привет, Гельвард, — сказала она, затворяя за собой дверь.

— Привет… Но если ты занята, я могу зайти и попозже.

— Не беспокойся, все в порядке. Ты же в отпуске?

— Да.

— Тогда и я в отпуске. Пошли.

Она повела меня по коридору. Мы свернули в боковой проход, потом спустились по лесенке на полэтажа и очутились в узком коридорчике, по обе стороны которого тянулись двери. Одну из этих дверей она и открыла, поманив меня за собой.

Комната, куда мы попали, оказалась самым большим жилым помещением, какое я до сих

пор видел в Городе. В глаза прежде всего бросалась широкая кровать, но была здесь и другая мебель, добротная и удобная, и еще оставалось на удивление много свободного места. У одной из стен примостились раковина и маленькая плита, а кроме того, в комнате стояли стол с двумя стульями, платяной шкаф и еще два кресла. Больше всего поразило меня то, что в комнате было окно.

Я тут же устремился к нему и выглянул наружу. Окно выходило во дворик и на противоположную стену со множеством других окон. Дворик был неширок, окно невелико — и что находилось по сторонам, видно не было.

— Нравится? — спросила Виктория.

— Какая большая комната! Она, что, твоя?

— Отчасти. Наша, как только мы поженимся.

— Ах, да, кто-то уже говорил, что мне положено отдельное жилье.

— Наверное, это и имелось в виду, — сказала Виктория. — Сейчас-то ты где живешь?

— Все еще в яслях. Но, честно говоря, я там не ночевал с самой церемонии.

— Ты уже работаешь вне Города?

— Я… Меня…

Я запнулся, не находя ответа. Вне Города? В

самом деле, что сказать ей — ведь я связан клятвой…

— Я знаю, что ты выходишь за стены Города. Это не такой уж секрет.

— А что еще ты знаешь?

— Кое-что знаю. Но об этом потом, мы с тобой, можно сказать, еще и не разговаривали! Заварить тебе чаю?

— Синтетического?

Я тут же пожалел о неосторожном слове: меньше всего мне хотелось показаться невежливым.

— Боюсь, что да. Но я вскоре начну работать в цехе синтеза, и, может быть, удастся придумать что-нибудь, чтобы он стал получше на вкус.

Напряжение понемногу спадало. Первые полтора, а то и два часа разговор шел практически ни о чем, не выходя за рамки взаимного вежливого любопытства, но мало-помалу становился все более естественным — все же мы с Викторией не были совершенно чужими друг другу.

В разговоре, разумеется, мы не могли не вернуться к нашей жизни в яслях, и тут я почувствовал, что в глубине души у меня просыпается новая тревога. Пока меня не вывели из Города, я и понятия не имел о том, что там увижу. Уроки в яслях казались мне — как и большинству

— сухими, отвлеченными и оторванными от действительности. В нашем распоряжении было несколько печатных книг, главным образом о жизни людей на Планете Земля, а в основном учителя рекомендовали нам тексты собственного сочинения. Мы узнали — или думали, что узнали, — многое о повседневных обычаях Планеты Земля, но нам сразу же разъяснили, что здесь, на этой планете, мы ничего подобного не встретим. Естественная детская любознательность немедля ставила вопрос, а что же мы встретим, но на сей счет учителя хранили гробовое молчание. И в наших знаниях образовался зияющий разрыв: с одной стороны, мы изучали по книгам жизнь в каком-то ином мире, отличном от нашего, с другой — напрягая воображение, строили догадки о жизни и обычаях Города.

Это противоречие рождало недовольство, подкрепленное избытком нерастраченной физической энергии. Но где, скажите на милость, было искать отдушину? Лишь коридоры да гимнастический зал позволяли нам как-то двигаться, и то со строгими ограничениями. Оставалось бунтовать — кто как мог: младшие ударялись в рев, отказывались повиноваться, старшие дрались, увлекались до фанатизма теми немногими вида-

ми спорта, что были возможны в крохотном зале, а на последних милях перед возрастом зрелости начинали всерьез интересоваться девочками.

Персонал яслей делал символические попытки пресечь непослушание, накинуть на нас узду, но скорее всего учителя знали нашим выходкам истинную цену. Так или иначе, я рос в яслях и принимал во всем этом не меньшее участие, чем остальные. Последние пятнадцать-двадцать ясельных миль я не отказывал себе в удовольствии провести время в обществе девочки, — какой именно почти не играло роли. Виктории среди моих приятельниц не было, но теперь, когда мы с ней готовились пожениться, оказалось, что прежние интрижки имеют значение, да еще какое!

Странно, но чем дольше мы с ней говорили, тем отчетливее мне хотелось похоронить призраки прошлого. Я гадал, не стоит ли исповедаться, рассказать ей о своих приключениях, как-то объяснить прежнее поведение. Однако она взяла инициативу в свои руки и ловко повела разговор так, чтобы он не царапал ни ее, ни меня. Возможно, у нее тоже были свои призраки. Она принялась рассказывать мне о повседневной жизни Города, и я, разумеется, слушал с искрен-

ним интересом.

От нее я узнал, что для женщины занять сколько-нибудь ответственную должность — дело редкое, и не обручись она со мной, ей бы не видать даже нынешней своей работы. Выйди она за негильдиера, участь ее была бы однозначна: производить на свет детей так часто, как только удастся, и отдать все свои дни возне на кухне, шитью и другим незамысловатым домашним заботам. Теперь же она приобрела известную власть над собственным будущим и со временем могла рассчитывать даже на пост старшего администратора. В настоящий момент она проходит обучение, в принципе сходное с моим. Разница только в том, что ее наставники делают упор в первую очередь не на практику, а на теоретические знания. Потому-то ей и удалось выяснить о Городе и о том, как он управляется, куда больше, чем мне.

Мой интерес к рассказу Виктории был тем более неподдельным, что я-то говорить о своей работе вне Города просто не имел права.

По словам Виктории, Город испытывал постоянную нехватку, с одной стороны, воды — это, положим, я уже знал и от Мальчускина, — а с другой — населения.

— Уж народу тут, кажется, пруд пруди, — заметил я.

— Да, но жизнеспособных детей всегда рождалось мало, а теперь и рождений, что ни год, все меньше и меньше. Хуже того, преобладающее большинство новорожденных — мальчики, девочек почти нет. И никто не понимает почему.

— Не иначе, как от синтетической пищи, — съязвил я.

— Может быть. — Она не уловила иронии. — До выхода из яслей у меня было смутное представление о Городе в целом, но я всегда считала, что все, кто живет в Городе, здесь и родились.

— А разве это не так?

— Нет, не так. В Городе есть временные жители, это женщины, их приводят сюда, чтобы повысить рождаемость. Вернее, в надежде, что они произведут на свет девочек.

Я подумал-подумал и сказал:

— А ведь моя мать тоже была не из Города.

— Правда? — Впервые с момента нашей помолвки Виктория казалась встревоженной. — Я и не знала…

— По-моему, это яснее ясного.

— Наверное, только я как-то не задумывалась…

— Да ладно, стоит ли об этом…

Виктория внезапно смолкла. В сущности, личность моей матери меня никогда не волновала, и я пожалел, что вспомнил о ней. Что оставалось делать? Я попросил:

— Расскажи мне про все это поподробнее.

— Стоит ли? Да мне больше почти ничего и не известно. Лучше расскажи о себе. Что делается в твоей гильдии?

— Там все в порядке, — отрезал я.

Мало того, что клятва прямо запрещала мне беседовать на подобные темы, я не испытывал и охоты говорить. Виктория оборвала свой рассказ так неожиданно, что у меня создалось вполне определенное впечатление: он далеко не окончен, но какое-то опасение помешало ей продолжить. В течение всей своей жизни, или, по крайней мере, сколько я себя помнил, отсутствие матери воспринималось мной как нечто само собой разумеющееся. Мой отец, когда ему случалось упоминать о ней, делал это спокойно, между прочим, и мне казалось, что тут нет никакой загадки. Действительно, многие мои однокашники были в таком же точно положении, как и я, а уж что касается девочек, то своих матерей не знали большинство из них. И пока этот вопрос не

вызвал у Виктории такой странной реакции, я о нем, в сущности, и не задумывался.

— Ты у нас исключение, — сказал я, надеясь подобраться к той же теме только с другой стороны. — Твоя мама жила и живет в Городе.

— Угу, — отозвалась она.

На том и пришлось поставить точку. «Ну и пусть», — решил я. В конце концов, я и не собирался обсуждать с Викторией что бы то ни было, кроме наших собственных дел. Короткие два дня в Городе я хотел посвятить тому, чтобы узнать ее поближе, а вовсе не обсуждать проблемы генеалогии.

Но ощущение отчужденности, возникшее между нами, не проходило. Разговор угас.

— А что там? — спросил я, указывая на окно. — Можно туда выйти?

— Если хочешь. Пойдем, я покажу.

Вслед за ней я вышел из комнаты и направился по коридору к двери, выводящей наружу. Ничего интересного я в общем-то не увидел: открытое пространство оказалось всего-навсего узким проулком между двумя жилыми кварталами. Проулок заканчивался возвышением, туда вела деревянная лестница. Но сначала мы дошли до противоположного его конца, где была еще одна

дверь, ведущая обратно в Город; затем, вернувшись, поднялись по ступенькам и очутились на площадке, где стояло несколько скамеек и еще оставалось немного свободного места. С двух сторон площадку ограждали высокие стены, с третьей — там, откуда мы поднялись, — взгляд упирался в проулок, обрамленный крышами жилых помещений. Но с четвертой стороны, где не было никаких построек, открывался вид на окружающую местность. Я испытал некоторое облегчение: условия клятвы вроде бы предполагали, что даже право выглянуть за пределы Города предоставлено лишь гильдиерам.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросила Виктория, опускаясь на скамейку лицом к лесу и холмам.

Я сел с нею рядом.

— Мне нравится.

— Ты был там?

— Был.

Ответ дался мне с трудом, — в самом деле, как ответить, не нарушая клятвы? Как рассказать Виктории о своей работе, не преступая пункт за пунктом взятых на себя обязательств?

— Нам не часто разрешают подниматься сюда, — сказала она. — Мало того, что двери на

замке по ночам, их открывают только в определенное время суток. Иногда вообще не открывают по нескольку дней подряд.

— И тебе неизвестно почему?

— А тебе?

— Ну, быть может, это имеет какое-то отношение к работам, которые ведутся снаружи.

— И о которых ты не хочешь ничего рассказать.

— Не хочу, — признался я.

— Почему не хочешь?

— Не могу.

Она смерила меня взглядом.

— Ты сильно загорел. Работаешь на солнце?

— Бывает и так.

— Когда солнце поднимается над головой, площадку закрывают. Я видела только, как его лучи касаются самого верха зданий.

— Да там и смотреть не на что, — сказал я. — Солнце такое яркое, что глядеть на него в упор просто нельзя.

— Я хотела бы убедиться в этом своими глазами.

Я сменил тему.

— А чем ты занимаешься в настоящий момент? Я имею в виду — у себя на работе?..

— Составлением рационов.

— Это еще что такое?

— Мы разрабатываем сбалансированную диету. Необходимо убедиться, что синтетическая пища содержит достаточно белков и что люди получают все нужные им витамины. — Она запнулась, тон ее выдавал отсутствие интереса к теме. — Ты знаешь, что солнечный свет содержит в себе витамины?

— Серьезно?

— Витамин D. Он вырабатывается в организме, когда солнечные лучи падают на кожу. Это очень полезно знать, если никогда не видишь солнца.

— Но витамины можно синтезировать, — заметил я.

— Можно. Так мы и поступаем. Хочешь, вернемся в комнату и выпьем еще чаю?..

Я промолчал. Трудно сказать, чего я ждал, когда разыскивал Викторию, но такого я, во всяком случае, не предвидел. В тяжкие дни, проведенные с бригадой Мальчускина, я раздразнил себя романтическим идеалом, а время от времени еще и тешил себя надеждой, что, может быть, мы с ней сумеем приспособиться друг к другу; но уж, во всяком случае, мне и в голову не приходило, что с места в карьер возникнут какие-то

тайные обиды. Мне мечталось, что мы рука об руку будем стремиться к тому, чтобы превратить помолвку, решенную за нас родителями, в подлинную близость, придать ей окраску дружбы и, не исключается, даже любви. Чего я никак не предполагал, так это того, что Виктория сможет взглянуть на нас обоих как бы с птичьего полета, что я для нее гильдиер, которому раз и навсегда даны запретные для нее привилегии…

Мы остались на площадке. Предложение Виктории вернуться в комнату было не лишено иронии, и я оказался достаточно восприимчивым, чтобы уловить это. На деле мы оба, я чувствовал, предпочитали площадку комнате, хоть и по разным причинам: я — потому, что работа с Мальчускиным привила мне вкус к свежему воздуху и мне стало теперь тесно и неуютно в городских стенах; Виктория, вероятно, потому, что площадка была для нее единственно возможным способом как бы выйти из Города. И все равно — холмистый пейзаж невольно напоминал нам обоим о той дистанции, которой мы прежде не осознавали и которая вдруг разъединила нас.

— Ты могла бы попросить о переводе в гильдию, — предложил я под влиянием минуты. — Уверен, что…

— Я ношу юбку, — резко перебила она. — Ты что, до сих пор не заметил, что гильдиеры — сплошь мужчины?

— Нет…

— Не нужно долго напрягать мозги, чтобы взять в толк простую истину, — продолжала она с жаром, в котором отчетливо проступала горечь. — Я сталкивалась с этим всю мою жизнь, просто не задумывалась толком: отец вечно в отъезде, мать занята по горло городскими делами — питанием, отоплением, ликвидацией отходов, короче, всем, что мы привыкли получать на дармовщинку. Только теперь до меня наконец-то дошло, что к чему. Женщины для Города — слишком большая ценность, чтобы рисковать ими, выпуская наружу. Они нужны здесь, в этих стенах, потому что они рожают детей и их можно заставить рожать снова и снова. Зато женщины, которых приводят в Город, произведя на свет ребенка, при желании могут потом уйти. — Опять та же скользкая тема, но на сей раз Виктория не запнулась. — Знаю, что кто-то должен работать за стенами Города, знаю, что эта работа связана с риском… но меня же ни о чем не спросили! Лишь потому, что я женщина, я обречена сидеть в этих проклятых стенах, изучать увлекательные секреты изготовления

синтетической пищи и — рожать и опять рожать, как только сумею…

— Ты что, не хочешь выходить за меня?

— У меня нет выбора.

— Большое спасибо.

Она встала со скамейки и гневно шагнула назад к лестнице. Я последовал за ней вниз и дальше по коридору, но в комнату не вошел, а остался в дверях. Она стояла, повернувшись ко мне спиной, и смотрела в окно на узкий проулок между строениями.

— Хочешь, чтобы я ушел?

— Да нет… Войди и закрой дверь.

Я послушался — она не шевельнулась. Наконец, предложила:

— Давай я сварю еще чаю.

— Свари.

Вода в кастрюльке еще не успела остыть и через минуту вновь закипела.

— Нас никто не заставляет жениться, — произнес я.

— Какая разница — не ты, так кто-то другой. — Она обернулась и села подле меня, держа в руках чашку с синтетическим пойлом. — Пойми, Гельвард, я ничего не имею против тебя лично. Нравится нам это или нет, и моей и твоей жизнью

распоряжается система. Система гильдий. Тут уж ничего не попишешь.

— Почему? Систему можно и изменить.

— Но не эту. Она слишком крепко укоренилась. Гильдиеры закрыли Город на замок — по каким причинам, я, наверное, никогда не узнаю. Только сами гильдиеры могли бы изменить систему, а они этого никогда не сделают.

— Ты говоришь очень убежденно, — заметил я.

— А я и впрямь убеждена в том, что говорю. Убеждена по очень простой причине. Ведь системой, которая управляет моей жизнью, в свою очередь управляет жизнь за стенами Города. И точно так же, как я никогда не выйду за эти стены, я никогда не смогу предпринять ничего, чтобы распорядиться собой.

— И все-таки ты могла бы добиться чего-то… через меня.

— Ты же не хочешь говорить о себе.

— Не могу.

— Почему?

— И об этом я тоже не вправе сказать.

— Тайны! Кругом тайны!..

— Если угодно, — согласился я.

— И даже сидя здесь со мной, ты связан этими тайнами по рукам и ногам.

— А что мне делать? — ответил я попросту. — Меня заставили принести клятву…

И тут я осекся, вспомнив, что само существование клятвы оговорено в ней как тайна. Выходит, я уже нарушил ее и нарушил так легко и естественно, что это наверняка случалось не раз и раньше.

Как ни удивительно, Виктория приняла мои слова совершенно спокойно.

— Стало быть, система гильдий сама себя охраняет. Ну что ж, в этом есть свой резон.

Я допил чай.

— Наверное, мне лучше уйти.

— Ты сердишься на меня? — спросила она.

— Да нет. Просто…

— Не уходи. Извини, что я не сдержалась… ты тут ни при чем. Ты сказал недавно, что с твоей помощью я смогу распорядиться своей судьбой. Что ты имел в виду?

— Да в общем-то сам не знаю. Быть может, у тебя как у жены гильдиера — а я рано или поздно стану им — появится больше возможностей…

— Для чего?

— Ну, как бы это сказать… для того, чтобы с моей помощью уловить смысл всей системы.

— Но ты же дал клятву ничего не говорить мне.

— Ах, да…

— Значит, гильдиеры все предусмотрели заранее. Система требует сохранения тайны, иначе ей несдобровать.

Откинувшись на кровать, она прикрыла глаза.

Я был очень смущен и сердит на себя. Прошло всего десять дней ученичества, а я формально уже заслужил смертный приговор. Странную эту логику было трудно принять всерьез, но память подсказывала мне, что в момент принесения клятвы угроза звучала вполне убедительно. Но главное — и это усугубляло мое замешательство, — Виктория невольно усложнила и без того неясные обязательства, принятые нами по отношению друг к другу. Я не мог не посочувствовать ей — и не в силах был ничего изменить. Я еще не забыл свою собственную жизнь в яслях и подспудное раздражение отлученностью от всего остального Города; а уж если позволить человеку участвовать в городских делах, но лишь до определенного предела, который ему никогда не переступить, раздражение не только сохранится, но и неизмеримо возрастет. Однако проблема-то для Города никак не нова — мы с Викторией не первые, кого женят тем же порядком. И до нас были другие, кто наталкивался на ту же преграду.

Неужели все они попросту принимали систему, как она есть?..

Я вышел из комнаты и направился в сторону яслей. Виктория сидела не шевелясь.

Едва я расстался с невестой, как противоречивые чувства, одолевавшие меня в ее присутствии, да и ее заботы, сразу же отошли на задний план, зато, и с каждой минутой сильнее, меня стала терзать тревога о собственном моем положении. Если принимать клятву всерьез, то оброни Виктория одно слово любому встречному гильдиеру — и меня казнят. Мыслимо ли, чтобы мое невольное клятвопреступление оказалось столь ужасным?

Но может ли Виктория передать кому-нибудь то, что я ей говорил? Как только я задал себе этот вопрос, первым моим побуждением было броситься к ней обратно и умолять о молчании — но это значило бы лишь придать и ее негодованию и моему клятвопреступлению еще больший вес.

Остаток дня я провел, лежа у себя на койке и мучительно размышляя о создавшемся положении. Вечером поужинал в одной из городских столовых и был благодарен судьбе, что она уберегла меня от новой встречи с Викторией.

А среди ночи Виктория пришла ко мне в каюту. Сквозь сон я услышал, как скрипнула дверь, а раскрыв глаза, увидел ее темный силуэт подле самой постели.

— Кто тут?

— Тсс… Это я.

— Чего тебе?

Я протянул руку, нащупывая выключатель, но она перехватила мое запястье.

— Не надо света. — Она опустилась на край постели, и я, приподнявшись, очутился рядом с ней. — Извини меня, Гельвард. Вот и все, что я хотела сказать.

— Да ладно, чего уж там…

Она рассмеялась.

— Ты что, еще не проснулся?

— Не знаю. Может, и сплю.

Она склонилась ко мне, слегка подталкивая в грудь, и вдруг, подняв руки, сомкнула их у меня на шее, и я почувствовал на губах ее губы.

— Не говори ничего, — шепнула она. — Просто мне очень жаль, что мы поссорились.

Мы снова поцеловались, и теперь она обняла меня по-настоящему крепко.

— Я чуть было сам к тебе не пришел, — признался я. — Я сделал ужасную, непростительную

ошибку. Я боюсь.

— Чего?

— Я сболтнул лишнего… сказал тебе, что меня заставили принести клятву. Ты была права — гильдиеры опутывают посвященных сетями тайны. Когда меня принимали в ученики, то заставили поклясться во многом и, в частности, в том, что я никому не скажу о существовании самой клятвы. А я сказал тебе — и, значит, нарушил ее…

— Не все ли равно?

— Кара за нарушение клятвы — смертная казнь.

— Но сначала они должны еще узнать об этом.

— А вдруг…

— А вдруг я проболтаюсь? Но с какой стати?

— Ну, откуда я знаю. Ты такое днем говорила, ты оскорблена, что тебе не дали распорядиться своей судьбой. Я думал, ты используешь мою неосторожность против меня.

— До этой самой минуты я и не догадывалась, в чем дело. Да и теперь промолчу. В конце концов, зачем жене предавать собственного мужа?

— Ты все еще не раздумала выходить за меня?

— Нет.

— Хотя наш брак и решен против нашей воли?

— Это хорошее решение, — сказала она.

Потом мы перешли в комнату Виктории, и она спросила:

— Ты расскажешь мне, что делается за стенами Города?

— Да не могу я!

— Из-за клятвы?

— Вот именно.

— Но ведь ты уже нарушил ее. Какая теперь разница?

— Да и рассказывать, в сущности, нечего, — заявил я. — Десять дней надрывался на черной работе, а к чему, зачем — сам толком не знаю.

— А что это была за работа?

— Виктория, не надо… не выспрашивай меня.

— Ну ладно, расскажи мне про солнце. Почему тем, кто заперт в Городе, не разрешают смотреть на него?

— Понятия не имею.

— С ним что-нибудь не в порядке?

— Да нет, не думаю…

Виктория задавала мне вопросы, какие я должен был бы задать себе сам, но не задал. В сумбуре новых впечатлений у меня не оставалось время на то, чтобы запомнить, что именно я видел, не говоря уже о том, чтобы осмыслить увиденное. Но

как только эти вопросы были поставлены передо мной, они потребовали ответа — а был ли у меня ответ? Может, с солнцем действительно что-то не ладно и это угрожает безопасности Города? А если так, то угрозу не следует разглашать? Но я же видел солнце своими глазами, и…

— Да нет, с солнцем все в порядке, — ответил я. — Только выглядит оно не так, как я думал…

— Солнце — шар.

— Ничего подобного. Или, по крайней мере, оно не похоже на шар.

— А на что оно похоже?

— Мне наверняка не следовало бы говорить об этом.

— Раз уж начал, продолжай.

— Да это, должно быть, и неважно.

— Важно.

— Ну, ладно. — Я уже и так сказал слишком много, но что мне оставалось делать? — Днем его как следует не разглядишь, оно чересчур яркое. Но на восходе и на закате на него можно смотреть, хоть и не подолгу. По-моему, оно имеет форму диска. Но это не просто диск, и я не нахожу слов, чтобы описать его. Понимаешь, из центра диска кверху и книзу торчит какое-то острие.

— И острие тоже часть солнца?

— В том-то и штука. Что-то вроде волчка. Только его трудно разглядеть толком — солнце такое яркое даже в эти минуты. В прошлую ночь я вышел на улицу, небо было ясное, светила луна. И представь, луна имеет такую же форму. Но до конца ее было тоже не разглядеть — луна была неполная.

— Ты не шутишь?

— Я видел это своими глазами.

— Ведь нас учат совсем по-другому.

— Знаю, что по-другому, — ответил я. — Но что я видел, то видел.

Больше я ничего не сказал. Виктория так и сыпала вопросами, но я ушел от них, утверждая, что не знаю ответов. Тогда она предприняла еще одну попытку выяснить характер моей работы, но я, сам не знаю как, ухитрился промолчать. Потом я, в свою очередь, стал расспрашивать о ее жизни, и мало-помалу мы ушли от опасной для меня темы. Конечно, ушли не навсегда, но я по крайней мере выиграл время, чтобы подумать.

Поутру Виктория приготовила завтрак, а после завтрака забрала мою форму и унесла в стирку, оставив меня в комнате одного. Воспользовавшись ее отсутствием, я помылся и побрился, а затем завалился на кровать и лежал, пока она не

вернулась.

Я вновь надел форму: она холодила и хрустела на сгибах, будто недавно вовсе и не была закаменевшей вонючей тряпкой, в какую превратилась за десять дней работы вне Города.

Мы провели вместе весь день, и Виктория вызвалась показать мне Город. Он оказался обширнее и запутаннее, чем представлялось. В сущности, до сих пор я видел лишь жилые и административные строения, а оказывается, было еще и множество других помещений. Я поймал себя на мысли, что здесь не трудно и заблудиться, однако Виктория обратила мое внимание на планы, вывешенные в определенных местах на каждом этаже.

Было заметно, что планы не единожды переделывались, а один из них буквально приковал меня к себе. Мы находились на каком-то из нижних уровней — и тут возле новенького, недавно вывешенного плана уцелел старый, прикрытый листком прозрачной пластмассы. Заинтересовало меня прежде всего то, что надписи на плане были сделаны на нескольких языках, из которых, помимо английского, я узнал только французский.

— А остальные что за языки? — осведомился я

у Виктории.

— Вот это немецкий и итальянский. А это, — она указала на необычные вычурные знаки, — китайский.

Я присмотрелся к плану внимательнее, сравнивая его с новым, висящим по соседству. Некоторое сходство прослеживалось, но обращали на себя внимание значительные изменения в планировке Города.

— Но почему так много языков?

— Мы происходим от группы людей разных национальностей. По-видимому, английский стал в Городе общепринятым языком тысячи миль назад — и все же так было не всегда. Моя семья, например, французского происхождения.

— Да, наверное, — отозвался я.

На том же уровне Виктория привела меня на фабрику синтеза. Именно здесь из древесины и растительного сырья получали заменители белков и другие органические вещества. Здесь стоял резкий, неприятный запах, и люди, работавшие на фабрике, были в масках. Мы с Викторией быстро перешли в следующие помещения, где велись исследования по улучшению состава продуктов и их вкуса. Тут-то, как еще раз подчеркнула Виктория, ей и предстояло работать.

Позже она вновь принялась жаловаться на свои разочарования, нынешние и будущие. Но я уже был как-то подготовлен к этому и сумел ее утешить. «Посмотри на свою маму, — говорил я, — она занята с утра до вечера, и кто посмеет утверждать, что ее жизнь лишена смысла…» Пришлось пообещать — под нажимом, — что я буду шире посвящать Викторию в свои дела, и еще, что, став полноправным гильдиером, приложу все силы, чтобы сделать систему в целом более открытой. Все это вместе взятое, видимо, успокоило Викторию, и вечер, а затем и ночь прошли в мире и согласии.

7

Мы с Викторией решили, что поженимся при первой же возможности. Она взялась в течение ближайшей мили выяснить, какие надо выполнить формальности; если удастся, хотелось бы покончить с ними в дни моего следующего отпуска или, на худой конец, еще через десять дней. Но пока мне предстояло вернуться к своей работе у Мальчускина.

Едва я выбрался из-под городских стен, мне бросились в глаза перемены, происшедшие в мое отсутствие. В окрестностях Города не осталось никаких следов работы путевых бригад. Ни одной хижины-времянки, ни одного электромобиля в пунктах перезарядки, — не иначе, все они укатили вперед за гребень. Но самой большой новостью для меня явились пять канатов на земле подле путей: они начинались от северной стены Города и исчезали за тем же гребнем. Пути охранялись: вдоль них выхаживали взад и вперед несколько стражников.

Заподозрив, что у Мальчускина сейчас дел невпроворот, я ускорил шаг. Едва я добрался до вершины, мои подозрения подтвердились: в

отдалении, там, где рельсы обрывались, суетилось множество людей, особенно вокруг правого внутреннего пути. Еще дальше две, если не три бригады рабочих возились у каких-то металлических конструкций, но чем именно они заняты, с такого расстояния не было видно. Я почти бегом устремился вниз под уклон.

Расстояние оказалось даже большим, чем я предполагал: самый длинный из рельсовых путей протянулся теперь на полторы мили с лишним. Солнце уже поднялось высоко, и, прежде чем разыскать Мальчускина с его бригадой, я порядком взмок.

Сам Мальчускин почти не обратил на меня внимания, я просто скинул форменную куртку и присоединился к остальным. Нам предстояло дотянуть правый внутренний путь до той же отметки, что и остальные, но задача осложнялась тем, что нам попался участок с твердой скальной подпочвой. Правда, отпадала нужда в бетонных основаниях, но каждую шпалу приходилось заглублять в грунт с огромным трудом.

Я взял кирку со стоящего рядом грузовичка и приступил к работе. И вскоре запутанные проблемы, с которыми я столкнулся в Городе, отступили куда-то далеко-далеко.

В минуты отдыха я узнал от Мальчускина, что, не считая нашего участка пути, все практически готово к перемещению: опоры установлены, канаты протянуты. Подведя меня к одной из опор, он показал мне стальные балки, вкопанные глубоко в почву как якоря; к балкам крепились толстые канаты. На трех окончательно готовых опорах канаты были уже закреплены, на четвертой все шло к тому же, да и пятая была почти собрана.

Гильдиеры, руководившие установкой опор, казались взвинченными до предела, и я не мог не поинтересоваться у своего наставника, что бы это значило.

— Время не ждет, — ответил он. — С предыдущего перемещения прошло уже двадцать три дня. Если не произойдет ничего непредвиденного, мы проведем новое перемещение завтра. Значит, двадцать четыре дня, так? Город передвинется менее чем на две мили, но оптимум-то переместился за это время на две с половиной! Выходит, даже в лучшем случае мы окажемся еще на полмили дальше от оптимума, чем в прошлый раз.

— И этого нельзя наверстать?

— Наверное, можно, но не сразу. Вчера вечером я толковал с движенцами, — по их мнению,

ближайшее перемещение должно быть совсем коротким, зато потом последуют два длинных. Их беспокоят те дальние холмы…

Он неопределенно махнул рукой в северном направлении.

— А разве холмы нельзя обойти? — спросил я. Мне чудилось, что на северо-западе холмы вроде бы пониже.

— В принципе можно, но кратчайший путь к оптимуму всегда лежит строго на север. Любое угловое отклонение означает, что придется преодолевать большее расстояние.

Я не совсем понял Мальчускина, но чувство безотлагательности нашей работы начало захватывать и меня.

— Одно хорошо, — продолжал наставник. — Завтра мы распростимся с этой бандой мартышек. Разведчики обнаружили на севере крупное поселение, и тамошние жители отчаянно нуждаются в работе. Вот таких я люблю. Чем они голоднее, тем старательнее — в первую неделю по крайней мере.

Работа шла весь день, да и вечером мы вкалывали до самого заката. Мальчускин и другие гильдиеры-путейцы подгоняли рабочих все более злыми и забористыми ругательствами. Признать-

ся, у меня не оставалось ни сил, ни времени хотя бы обернуться на ругань: гильдиеры и сами, и я вслед за ними трудились не покладая рук. К тому часу, когда мы добрались до хижины, я был совершенно измотан.

Утром Мальчускин поднялся ни свет ни заря, наказав мне вывести Рафаэля и всю бригаду на работу так рано, как только получится. Прибыв на место, мы застали Мальчускина и трех других путейцев ожесточенно спорящими с гильдиером, ответственным за канаты. Как мне и было велено, я поставил Рафаэля с его подчиненными работать на путях, хотя спор возбудил во мне любопытство. Но Мальчускин, вернувшись, не обмолвился на этот счет и словом, а с яростью набросился на очередной рельс, покрикивая на бригадира. Пришлось дожидаться неблизкого перерыва, чтобы выяснить, в чем дело.

— Движенцы, черт их побери! — зло сказал он. — Им не терпится начать перемещение прямо сейчас, хотя пути еще не уложены.

— Как же так?

— А вот так. Мол, пройдет не меньше часа, прежде чем Город поднимется на гребень, а за это время можно докончить последний участок. Мы воспротивились их затее.

— Почему? Вроде бы вполне логично.

— Логично-то логично, только нам пришлось бы работать под канатами. А канаты натянуты как струны, особенно когда Город тащат на подъем.

— Ну и что?

— Тебе пока еще не случалось видеть, как лопается канат? — Вопрос был явно риторический: до сей поры я и не ведал, что город тащат на канатах. — Раздается звук, как от выстрела, и тебя перерезает пополам прежде, чем ты этот звук услышишь, — закончил Мальчускин мрачно.

— И что же вы решили?

— Нам дали час, чтобы закруглиться, а потом они начнут перемещения, невзирая ни на что.

Оставалось уложить три плети рельсов. Мы дали людям еще несколько минут отдыха, а затем возобновили работу. Поскольку на небольшом участке теперь сосредоточились усилия четырех гильдиеров и их бригад, дело двигалось быстро, и все равно прошел почти час, прежде чем мы закрепили последний стык. Мальчускин с удовлетворенным видом дал движенцам отмашку, что все в порядке. Мы собрали свои инструменты и отнесли их в сторону.

— Что теперь? — поинтересовался я.

— Теперь будем ждать. Я пойду в Город передохнуть. А завтра начнем все сначала.

— А мне что делать?

— На твоем месте я бы остался здесь посмотреть. Тебе будет интересно. Кроме того, надо заплатить рабочим. Попозже я пришлю сюда кого-нибудь из меновщиков. Пригляди за ними, пока он не подоспеет. Утром я вернусь.

— Хорошо, — сказал я. — Что еще?

— Да в общем ничего. Во время перемещения вся власть здесь принадлежит движенцам, так что, если они прикажут тебе прыгать, прыгай. Может, им понадобится какая-то помощь на путях — будь под рукой. Но, думаю, с путями все в норме. Их уже проверяли.

Покинув меня, он двинулся к своей хижине. Вид у него был очень усталый. Наемные рабочие разбрелись по баракам, и вскоре я оказался предоставленным самому себе. Брошенная Мальчускиным вскользь фраза о лопающихся канатах встревожила меня, и я уселся на землю на расстоянии, какое счел безопасным.

Вокруг опор не осталось почти никого. Канаты, закрепленные на всех пяти опорах, вяло свисая, тянулись по земле параллельно рельсам. Затем к опорам подошли два движенца, видимо, для

последнего осмотра.

Из-за гребня холма появился отряд строем по два, двигавшийся в нашу сторону. С такого расстояния было не разобрать, кто это, но через каждые сто ярдов от него отделялось по человеку, который замирал подле путей. Чуть позже до меня дошло, что это стражники, к тому же при арбалетах. Когда отряд добрался до опор, от строя осталось лишь восемь человек, которые встали вокруг них, изображая полную боевую готовность. Через несколько минут один из стражников направился ко мне.

— Ты кто такой? — рявкнул он.

— Ученик Гельвард Манн.

— Что ты тут делаешь?

— Мне приказано присутствовать при перемещении.

— Ладно, оставайся здесь, только не подходи близко. Много здесь мартышек?

— Думаю, десятков шесть.

— Это те, что работали на путях?

— Те самые.

Он усмехнулся.

— Ну, эти слишком выдохлись, чтобы вредить. Но если они все-таки затеют какую-нибудь пакость, дай знать.

Он отошел и присоединился к своим коллегам. Какую такую пакость могли затеять наемные рабочие, было мне совершенно неясно, но самое большое недоумение вызывало отношение к ним стражников. Оставалось только предположить, что когда-то кто-то из «мартышек» каким-то образом повредил пути или канаты. Но чтобы люди, с которыми мы работали бок о бок, пошли против нас? В это я при всем желании не мог поверить.

Стражники, стоявшие вдоль путей, несомненно находились в опасной близости к канатам, но, казалось, не обращали на это внимания. Они терпеливо вышагивали взад-вперед, и каждый вымеривал свой отрезок рельсов, не заходя на соседний.

Тем временем два движенца, закончив осмотр, укрылись за железными щитами, поставленными позади опор. Один держал в руках большой флаг, другой поднял к глазам бинокль и неотрывно глядел на гребень. Там, у конструкций с колесами-шкивами, появился еще один человек. По примеру движенцев я тоже устремил взор на него. Насколько я мог судить на расстоянии, он стоял к нам спиной — и вдруг повернулся лицом и взмахнул флагом. Его взмахи были широкими и ритмичными, флаг описывал полукруги над

землей. Движенец, тоже с флагом, вышел из-за щита и повторил сигнал.

Еще секунд десять — и я заметил, как канаты медленно-медленно поползли по земле в сторону Города. Шкивы на гребне начали вращаться, выбирая слабину. Потом канаты один за другим напряглись и замерли, хотя почти не приподнялись над почвой. Вероятно, они прогибались под собственной тяжестью — ведь у самых опор они теперь висели в воздухе.

— Даю добро! — закричал человек у опор, и тотчас же его коллега взмахнул флагом над головой. Человек на гребне повторил сигнал, затем стремительно бросился куда-то вбок и пропал из виду.

Я ждал, гадая, что будет дальше… Но, как я ни старался, разглядеть ничего не мог. Стражники все так же вышагивали вдоль путей, канаты все так же оставались натянутыми. Я решил подойти поближе к движенцам: быть может, от опор лучше видно. Но едва я сделал несколько шагов, как человек, прежде державший флаг, отчаянно замахал на меня руками:

— Не подходи!

— В чем дело?

— Канаты под максимальной нагрузкой!..

Я отступил.

Минуты шли за минутами — все без перемен. Потом я вдруг осознал, что канаты натянулись еще сильнее и поднялись над землей почти на всем своем протяжении. Я бросил взгляд на юг — и вовремя: из-за гребня показался Город. С того места где я сидел, виден был лишь уголок одной из головных башен. Но еще минута, и из-за осыпей и раскиданных по гребню валунов выползла вся башня целиком, а за ней и вторая.

Я перебежал по широкой дуге, держась подальше от канатов, и встал за опорами, глядя на Город вдоль рельсовых путей. С мучительной неспешностью он поднимался по скрытому от меня склону, пока расстояние между ним и пятью шкивами, перебрасывающими канаты через гребень, не сократилось до считанных футов. Тогда Город остановился, и движенцы обменялись сигналами еще раз.

Далее последовала долгая, кропотливая операция по демонтажу шкивов: конструкции разбирали поочередно, предварительно ослабив канат. Я следил за демонтажем первого шкива, потом мне это наскучило, к тому же я проголодался и решил, что не пропущу ничего интересного, если отлучусь. Я вернулся в хижину и подогрел

себе еду. Мальчускина не было, хотя почти все его пожитки валялись на обычных местах.

Ел я не торопясь, поскольку рассчитал, что перемещение возобновится не ранее чем через два часа. После напряжения вчерашней, да и утренней работы приятно было побыть наедине с собой и никуда не спешить.

Внезапно я вспомнил опасения стражников и направился к баракам. Большая часть бригады расселась прямо на земле, лениво глазея на суету у шкивов. Несколько человек разговаривали друг с другом, потом громко заспорили о чем-то, размахивая руками, однако, на мой взгляд, стражники усмотрели угрозу там, где ее не было и в помине.

Я вернулся на свой наблюдательный пункт. По высоте солнца я определил, что недалеко и до заката. Вероятно, теперь, как только закончится демонтаж шкивов, перемещение надолго не затянется — оставшаяся часть пути вела под уклон.

Наконец, с разборкой было покончено, все пять канатов вновь натянулись. Еще мгновение — и по сигналу гильдиера у опор Город медленно двинулся через гребень и вниз в мою сторону. Я, собственно, ожидал, что он просто покатится — уклон представлялся вполне благоприятным для этого, — но зрение убеждало меня, что ка-

наты по-прежнему натянуты и что Город все так же вынужден тащить себя. По мере того как он подходил все ближе, движенцы понемногу успокаивались, хотя напряженность все еще чувствовалась. Надвигающаяся на нас громада Города отнюдь не располагала к беспечности.

Наконец, когда эта громада подползла к последнему стыку — оставалось ярдов десять свободного пути, — сигнальщик поднял флаг над головой. Во всю ширину передней башни шло огромное окно, и один из тех, кто стоял за ним, тоже поднял флаг. И через четыре-пять секунд Город остановился.

Прошло еще минуты две, и на площадке передней башни, почти нависшей над нашими головами, появился человек.

— Все в порядке, тормоза закреплены, — крикнул он сверху. — Можно отпускать канаты.

Два движенца вышли из-за железных щитов и дружно потянулись. Что и говорить, последние несколько часов они провели в напряжении, и все же их реакция показалась мне преувеличенной. Один из движенцев направился прямиком к городской стене, ухватился за навесную лесенку и стал карабкаться вверх, пока не добрался до площадки. Его товарищ побрел вдоль канатов, которые опять провисли, и исчез в тени под Го-

родом. Стражники, правда, не покинули своих постов вокруг опор, но и они, казалось, испытывали облегчение оттого, что перемещение уже позади.

Представление окончилось. Признаться, меня охватило искушение самому отправиться в Город, такой заманчиво близкий, но я сомневался, имею ли на это право. К кому, в самом деле, я мог пойти в Городе? Только к Виктории, а она наверняка занята. А кроме того, Мальчускин велел мне присмотреть за рабочими, и вряд ли я был вправе его ослушаться.

Я потащился к хижине — и тут ко мне обратился человек, по-видимому только что вышедший из Города:

— Ученик Манн?

— Я самый.

— Джеймс Коллингс из гильдии меновщиков, — представился он. — Путеец Мальчускин сообщил мне, что тут есть наемные рабочие, с которыми надо расплатиться.

— Совершенно верно.

— Сколько их?

— В нашей бригаде пятнадцать. Но она не одна.

— Жалобы есть?

— Какие жалобы? — не понял я.

— Ну, например, на непослушание, отлынивание от работы.

— Вообще-то они с ленцой, и Мальчускин нередко орал на них.

— Но выходить на работу они не отказывались?

— Нет.

— И на том спасибо. Знаешь ли ты, кто у них бригадир?

— Малый по имени Рафаэль. Он немного понимает по-английски.

— Ну что ж, веди меня к нему.

Мы вместе подошли к баракам. Завидев Коллингса, рабочие разом смолкли.

Я указал на бригадира. Коллингс заговорил с ним на его родном языке, но разговор почти сразу же прервал яростный крик одного из рабочих. Рафаэль, правда, не поддержал крикуна, обращаясь исключительно к Коллингсу, но даже мне стало ясно, что обстановка накаляется. Снова раздался чей-то выкрик, его подхватили все остальные. Вокруг Коллингса и Рафаэля собралась толпа, и кто-то, бросившись в гущу тел, с разбегу толкнул меновщика.

— Вам нужна помощь? — обратился я к Кол-

лингсу, но тот не расслышал. Подобравшись поближе, я повторил вопрос.

— Приведи четверых стражников, — ответил меновщик по-английски. — Только предупреди, чтобы не спешили драться.

Я еще раз взглянул на спорящих и поспешил прочь. Вблизи канатных опор по-прежнему расхаживали несколько стражников, и я направился к ним. Да они и сами, очевидно, заслышали шум — их головы были уже повернуты к баракам. А когда они поняли, что я бегу к ним, то шестеро сами устремились мне навстречу.

— Он просил четверых, — прохрипел я, задыхаясь.

— Четверых будет мало. Предоставь это нам, сынок.

Тот, кто произнес эту фразу, вероятно старший по рангу, громким свистом подозвал подмогу. Еще четверо стражников, покинув свои посты под стенами Города, бросились к нам. К месту столкновения они подбежали вдесятером — я плелся в хвосте.

Без промедления, ни о чем не спрашивая Коллингса, который был все так же в центре толпы, стражники накинулись на рабочих, пользуясь своими арбалетами, как дубинками. Меновщик

обернулся, попытался остановить расправу окриком, но кто-то схватил его со спины и повалил наземь, и толпа надвинулась на него, пиная ногами.

Стражникам, по-видимому, было не привыкать к таким потасовкам — они действовали быстро и умело, орудуя импровизированными дубинками с завидной ловкостью. Понаблюдав за ними, я и сам бросился в гущу схватки в надежде добраться до Коллингса. Но кто-то из рабочих вцепился мне в физиономию, зажав пальцами глаза. Я попробовал высвободиться — не тут-то было: на помощь одному нападавшему пришел другой. И вдруг я почувствовал, что свободен, и увидел обоих своих обидчиков распростертыми на земле. А стражник, который спас меня, будто и не обратив на это внимания, продолжал наносить жестокие удары направо и налево.

Толпа росла — к сражающимся примкнули рабочие из других бригад. Не придав этому значения, я снова ринулся вперед, упорно стараясь пробиться к Коллингсу. Прямо передо мной возникла чья-то узкая спина в белой рубахе — тонкая ткань прилипла к потной коже. Не долго думая, я вцепился в торчащую над спиной шею, оттянул ее вместе с головой назад и с силой стукнул сбоку.

Человек упал. За ним открылась новая спина, и я вознамерился повторить прием, но не успел нанести удар, как меня пнули ногой и я упал.

Сквозь чащу ног я увидел Коллингса, распростертого на земле. Его все еще били, он лежал лицом вниз, защищая руками голову. Я попытался проползти к нему, и тогда принялись бить и меня. Чья-то нога съездила мне по скуле, и я на миг потерял сознание. Правда, в следующее мгновение я снова пришел в себя, вероятно, от зверских ударов, сыплющихся со всех сторон. По примеру Коллингса я прикрыл голову руками и все-таки продолжал ползти туда, где видел его в последний раз.

Вокруг вздымались ноги, валялись тела, голоса слились в сплошной бессмысленный гул. Приподняв на секунду голову, я вдруг буквально рядом увидел Коллингса и, извиваясь, подобрался к нему вплотную. Тут я попробовал встать, но меня опять опрокинули. К величайшему моему изумлению, я понял, что Коллингс в сознании: когда я повалился на него, его рука обхватила меня за плечи.

— По моей команде, — прохрипел он мне прямо в ухо, — вставай! — Прошло еще несколько секунд, и его рука сжала мне плечо сильнее. —

Ну!..

Совместным усилием мы кое-как поднялись на ноги, и тотчас же Коллингс, отпустив меня, взмахнул кулаком и впечатал его одному из противников в челюсть. Я был гораздо ниже меновщика и сумел лишь пихнуть кого-то локтем в живот, но в ответ немедленно получил по шее и снова упал. Кто-то подхватил меня и рывком поставил на ноги. Это оказался все тот же Коллингс.

— Держись! — Он стиснул меня обеими руками и притянул к себе. Я попытался в свою очередь обнять его, но руки не слушались. — Все образуется, — утешал он меня, — только держись…

Мало-помалу потасовка приутихла, а затем и вовсе прекратилась. Нападавшие отступили, и я повис на руках у Коллингса.

Очень кружилась голова. Сквозь застилающий глаза красный туман я еще разглядел, что стражники выстроились полукругом, наведя арбалеты на отступавших рабочих. И все вокруг померкло.

Сознание вернулось ко мне минуту спустя. Я лежал навзничь, и надо мной склонился один из стражников.

— Очухался, — произнес он и отошел прочь.

Преодолевая боль, я перекатился на бок и уви-

дел неподалеку Коллингса вместе со старшим стражником. Они яростно спорили. Остальные стражники стояли ярдах в пятидесяти, окружив кучку наемных рабочих.

Я попробовал встать. Со второй попытки мне это удалось. Спор Коллингса со старшим стражником еще продолжался. Впрочем, через минуту тот направился к арестованным, а Коллингс подошел ко мне.

— Ну, как ты, жив?

Я хотел ответить усмешкой, но моему распухшему лицу сделать это не удалось, у гильдиера скула была украшена огромным синяком, один глаз почти закрылся. Я заметил, что он держится за бок.

— Ничего, — сказал я.

— У тебя кровь идет.

— Где?

Я коснулся шеи, которая саднила больше всего, и ощутил на пальцах что-то теплое и липкое. Коллингс осмотрел меня.

— Просто сильная ссадина. Хочешь, отправим тебя в Город подлечиться?

— Не надо. Но что тут, черт возьми, произошло?

— Стражники перестарались. Мне казалось, я

велел тебе привести четверых.

— Они не послушались.

— Понятно. Это на них похоже.

— Но что же все-таки случилось? Я работал с этими людьми не день и не два, и они никогда нас не трогали.

— И все равно в душе они были озлоблены. Главное, у троих из них жены остались в Городе. Они не хотели уходить отсюда без них.

— Как же так? Эти люди, они что, из Города? — я не мог поверить своим ушам.

— Да ничего подобного. Я сказал только, что их жены в Городе. А сами они местные, из деревушки неподалеку.

— Я так и думал. Но в таком случае, что делают в Городе их жены?

— Мы их купили.

8

Ночь я провел беспокойно. Оставшись один в хижине, я разделся и тщательно осмотрел себя. Грудь с одной стороны была вся в кровоподтеках, а кроме того, я обнаружил несколько глубоких и болезненных ссадин. Рана на шее перестала кровоточить, но я все равно промыл ее и смазал мазью, которую нашел в аптечке у Мальчускина. Оказалось также, что в потасовке я сорвал себе ноготь, да и челюсть побаливала, едва я пытался ею шевельнуть.

Снова мелькнула мысль, не вернуться ли в Город, как предлагал Коллингс, — в конце концов от Города меня отделяли какие-то двести-триста ярдов, — но, поразмыслив, я решил воздержаться от этого. Мне не слишком-то улыбалось появиться в чистоте городских коридоров в таком виде, словно я только что вылез из пьяной драки. В общем, подобное предположение было не очень далеко от истины, но, так или иначе, я предпочитал зализывать свои раны без посторонней помощи.

Заснуть мне толком так и не удалось — стоило задремать на пять-десять минут, как я просы-

пался. Утром я встал пораньше. Я не испытывал никакого желания встречаться с Мальчускиным, пока не почищусь и не приведу себя в порядок. Тело ныло. Каждое движение давалось с трудом.

Наставник мой вернулся в дурном настроении.

— Я уже в курсе, — заявил он с порога. — Не трудись ничего объяснять.

— Я сам до сих пор не понимаю, что случилось.

— Ты способствовал тому, чтобы началась драка.

— Драку начали стражники, — вяло возразил я.

— Да, конечно, но тебе следовало бы уже понять, что стражников к рабочим и близко подпускать нельзя. Миль десять назад наши вояки потеряли несколько человек и теперь рады случаю свести счеты. Дай им любой предлог — и эти идиоты сразу начинают размахивать своим дубьем.

— Коллингс был в беде, — вставил я. — Надо было что-то предпринять.

— Ладно, это действительно не только твоя вина. А теперь твой Коллингс утверждает, что обошлось бы без столкновения, если бы ты не впутал сюда стражников… Впрочем, он признает, что сам велел тебе привести их.

— Вот именно.

— Я сказал — ладно, но впредь думай получше.

— Что же нам теперь делать? — спросил я. — Мы остались без рабочих.

— Сегодня доставят новых. Поначалу они, разумеется, будут ковыряться как черепахи, нам придется учить их каждому пустяку. Зато и бунтовать не станут, и работать будут старательнее. Неприятности начнутся потом, когда они сообразят, что к чему.

— Но почему они нас так не любят? Мы же платим им за их труд.

— Да, платим — когда и сколько хотим. Это нищие края. Земли здесь бедные, еды всегда не хватает. Город проходит мимо, предлагает им то, в чем они нуждаются, и они вынуждены брать. Но долговременной-то выгоды они не получают, да мы, пожалуй, и даем им меньше, чем берем.

— Мы могли бы давать больше.

— Наверное, могли бы. — Мальчускин вдруг потерял интерес к разговору. — Не наша это забота. Наше дело — укладывать рельсы.

Новых рабочих пришлось ждать несколько часов. За это время мы с Мальчускиным осмотрели бараки, покинутые бригадой, и вычистили их. Прежних обитателей стражники выселили еще ночью, хотя и дали им какое-то время на

то, чтобы собрать пожитки. Впрочем, в бараках оставалось немало всякого барахла, превратившейся в лохмотья одежды, мусора. Мальчускин посоветовал мне смотреть в оба, не обнаружится ли где-нибудь в укромном уголке послание новым рабочим: но ни он, ни я ничего подобного не отыскали. А все, что нашли, вытащили из бараков наружу и сожгли.

Примерно в полдень прибыл представитель меновщиков с известием, что в наше распоряжение вот-вот поступят новички. Нам были принесены формальные извинения за вчерашний инцидент, и мы узнали также, что после долгих споров принято решение на ближайшее время усилить охрану. Мальчускин выразил свое неудовольствие по этому поводу, но меновщик и не думал спорить: решение приняли вопреки его мнению.

Мое отношение к такому повороту событий было двойственным. С одной стороны, я не жаловал стражников, а с другой — если их присутствие оградит нас от повторных беспорядков, с ними придется мириться, как с неизбежным злом.

Задержка беспокоила Мальчускина, он не находил себе места. Я подумал было, что его, как обычно, заботит необходимость наверстывать отставание, но оказалось, что дело не только в

этом.

— Оптимум мы начнем догонять уже при следующем перемещении, — пояснил он. — Нас задержала вон та холмистая гряда. Теперь она позади, а дальше на много миль земля почти ровная. Но вот состояние путей позади Города…

— Их же охраняют стражники, — сказал я.

— Никакие стражники не в силах предохранить рельсы от вспучивания. Это главная опасность, и она возрастает с каждой минутой.

— Почему?

Мальчускин бросил на меня пристальный взгляд.

— Потому что мы порядочно отстали от оптимума. Понимаешь, что это значит?

— Нет, не понимаю.

— Ты еще не бывал в прошлом?

— Как это — в прошлом?

— Далеко на юг от Города.

— Нет, не бывал.

— Когда побываешь, сам увидишь, что там творится. А сейчас поверь мне на слово. Рельсы к югу от Города нельзя оставлять на долгий срок, не рискуя привести их в негодность.

Наемных рабочих было по-прежнему не слышно и не видно, и Мальчускин, покинув меня,

отошел побеседовать с двумя путейцами, только что явившимися из Города. Вернувшись, он сообщил:

— Подождем еще час. Если не дождемся, мобилизуем людей из других гильдий и примемся за работу сами. Промедление смерти подобно.

— А разве у нас есть право мобилизовать людей из других гильдий?

— Наемный труд — это роскошь, Гельвард. В далеком прошлом прокладкой путей занимались сами гильдиеры. Перемещение Города — задача номер один, и ее необходимо решать во что бы то ни стало. Если понадобится, мы выведем на пути все население Города до последнего человека.

Неожиданно он успокоился, лег на землю и закрыл глаза. Солнце стояло почти прямо над головой, и было жарче обычного. На северо-западе у горизонта я приметил полоску черных туч, воздух давил безветрием и влажной духотой. Но на солнце не набежало пока ни облачка, тело мое ныло от вчерашних побоев, и мне самому куда приятнее было бы поваляться в безделье, чем опять браться за кирку.

Через пять минут Мальчускин внезапно сел и взглянул на север. Вдалеке показалась большая группа людей во главе с пятью гильдиерами-ме-

новщиками при плащах и регалиях.

— Ну, вот и прекрасно, — провозгласил мой наставник, — теперь за дело!

Он не скрывал своей радости, хотя, прежде чем действительно приступить к делу, нам предстояло еще многое другое. Новичков надо было разбить на четыре группы, найти и назначить бригадиров, понимающих по-английски. В бараках каждый получил по жребию койку и сложил в уголок свое нехитрое имущество. Но, несмотря на эти новые задержки, Мальчускин уже не терял оптимизма.

— Судя по их виду, они здорово голодны, — шепнул он мне. — Ничто в целом свете не может так сплотить их в работе, как надежда пожрать.

Выглядели новички действительно ротой оборванцев. Разномастная одежонка, почти все босиком, волосы и бороды не стрижены месяцами. Глубоко запавшие глаза, раздутые от скверной пищи животы. Двое из новичков прихрамывали, а у одного была изувечена рука.

— Тоже мне работнички, — тихо сказал я.

— Да, — согласился Мальчускин, — не из лучших. Но несколько дней поучим, подкормим, и все придет в норму. Большинство мартышек, попадавших прежде ко мне в руки, не отличались

от этих.

Меня состояние наших помощников повергло в ужас, и я понял, что Мальчускин, описывая условия жизни туземцев, ничуть не преувеличивал. Но если так, то вполне понятно, отчего они с течением времени неизбежно должны возненавидеть нас, горожан. Вне всякого сомнения, в уплату за наемный труд Город предлагал нечто, о чем здесь раньше и представления не имели, а попутно еще и доказывал, что возможна иная, более сытая, более устроенная жизнь. А потом? Город следовал дальше, взяв у этих людей единственное, что они могли дать, а они вынужденно возвращались к прежнему примитивному существованию…

Еще одна отсрочка — людей слегка покормили, однако Мальчускин по-прежнему пребывал в хорошем настроении.

Наконец все было готово. Рабочих разбили на четыре бригады с гильдиерами во главе. Затем их отвели под стены Города, выбрали для них четыре тележки, и все мы бодро покатили по рельсам на юг. По обеим сторонам пути стражники продолжали вымеривать шагами участки, переданным им под охрану, а перевалив гребень, мы сразу же увидели, что внизу, в недавно покинутой нами

долине, стража окружила амортизаторы, замыкающие рельсы, сплошным кольцом.

Четыре команды, работающие на параллельных путях, — такая ситуация создавала явные предпосылки для соперничества, какое мне однажды уже довелось наблюдать. Быть может, сегодня еще слишком рано, но как только новички освоятся, между ними неизбежно начнется соревнование — нам на пользу.

Мальчускин подогнал тележку вплотную к амортизатору и объяснил старшему по бригаде, мужчине средних лет по имени Хуан, что делать. Хуан перевел приказ своим подчиненным, и те согласно закивали в знак понимания.

— Ручаюсь, они не поняли ни шиша, — усмехнулся Мальчускин. — Но ни за что в этом не признаются…

Первая задача была разобрать амортизатор, затем перевезти его на новое место и заново смонтировать под стенами Города. Но только мы с Мальчускиным принялись показывать основные операции при разборке, как солнце скрылось за тучами и повеяло холодком. Мальчускин взглянул на небо и объявил:

— Будет гроза.

После этого заявления он больше не удостаивал

погоду вниманием, и мы продолжали работать как ни в чем не бывало. Через две-три минуты до нас долетели отдаленные раскаты грома, а вскоре на землю упали первые капли дождя. Рабочие с тревогой принялись оглядываться, но Мальчускин не позволил им отвлекаться. Еще несколько минут — и гроза обрушилась на нас во всю мощь: блистали молнии, гром достиг такой силы, что я поневоле испытывал страх. Мы промокли до нитки, но работа не прекращалась, а поднявшийся было ропот удалось — через Хуана — подавить в зародыше.

Когда мы водрузили разобранный амортизатор на тележку и погнали ее обратно к Городу, гроза прекратилась так же внезапно, как и началась. Снова выглянуло солнце, кто-то запел, остальные подхватили песню. Я еще ни разу не видел Мальчускина таким счастливым. Дневное задание завершилось тем, что мы воздвигли новый амортизатор в непосредственной близости к Городу; другие бригады также поставили точку, как только справились с той же задачей.

На следующий день мы начали спозаранку. Мальчускин был по-прежнему в приподнятом настроении, но выразил твердое пожелание, чтобы мы максимально ускорили ход работ. И, едва

мы принялись снимать рельсы с самого южного участка, я убедился, что для такой спешки были серьезные основания. Костыли, крепящие рельсы к шпалам, погнулись, и их приходилось вытаскивать вручную, а значит, уродовать еще больше и выбрасывать. Давление погнутых костылей на шпалы привело к тому, что древесина пошла трещинами, хотя Мальчускин клялся, что шпалы удастся использовать еще раз; потрескались и многие бетонные основания. К счастью, сами рельсы оставались годными к дальнейшему употреблению; опять-таки по словам Мальчускина, они тоже слегка прогнулись, но их можно было выправить без особого труда. После краткого совещания с другими путейцами было решено, повременив с загрузкой тележек, бросить все силы на разборку пути, пока он не пришел в полную негодность. Действительно, нас отделяли от Города без малого две мили, на каждый рейс тележки ушли бы десятки драгоценных минут — нет, положительно такое решение имело смысл.

К концу дня мы, приближаясь к Городу, добрались до точки, где прогибание костылей было уже едва заметным. Мальчускин и его коллеги объявили вслух, что удовлетворены итогами смены, и мы, повалив на тележки столько рельсов и

шпал, сколько те могли выдержать, отправились на отдых.

Так пошло изо дня в день. К тому времени, когда для меня настала пора очередного отпуска, разборка путей продвинулась сверх всяких ожиданий, бригады новичков работали дружно и слаженно и к северу от Города засверкали нити свежеуложенных рельсов. Расставаясь с Мальчускиным, я не чувствовал угрызений совести: он был доволен ходом дел и два дня мог спокойно обойтись без меня.

9

Виктория поджидала меня в своей комнате. Синяки и ссадины — память о потасовке — почти сошли, и я решил, что рассказывать об этом не стану. Виктория, по-видимому, ни о чем не слыхала, во всяком случае, вопросов она не задала.

Я вышел из хижины утром, в тот приятный ранний час, когда солнце еще не начало припекать. До Города было рукой подать, и первое, что я сделал, — предложил Виктории подняться на площадку.

— Боюсь, что в это время дверь на запоре. Впрочем, погляжу…

Она отсутствовала считанные секунды и вернулась с известием, что ее опасения подтвердились.

— Наверное, откроют после полудня, — предположил я, прикинув, что к тому моменту солнце успеет скрыться за окружающими площадку постройками.

— Сними-ка свою форму, — сказала Виктория. — Ее опять придется стирать.

Я начал раздеваться, но тут она стремительно подошла ко мне и обняла. Мы поцеловались,

вдруг осознав, что очень рады видеть друг друга.

— Ты явно поправился, — заявила она, стащив с меня куртку и легонько пробежав пальцами по моей груди.

— Это все от занятий физическим трудом, — ответил я.

Виктория отнесла мою форму в прачечную, оставив меня нежиться в постели.

Когда мы, наконец, позавтракали, выяснилось, что выход на площадку открыт. Мы перебрались туда, но оказались там не одни: туда уже успели подняться два администратора из службы просвещения. Оба они помнили нас по яслям, и нам волей-неволей пришлось поддерживать вежливую беседу о том, как складывается наша жизнь после выпуска. По выражению лица Виктории я понял, что ей это в тягость не меньше, чем мне, но обрывать разговор самим было неловко. В конце концов старшие попрощались и вернулись к своим городским делам.

Виктория подмигнула мне, потом расхохоталась:

— Какое счастье, что мы выбрались из-под их опеки!

— Еще бы! А ведь когда они нас учили, мне казалось, что они интересные люди…

Мы уселись рядышком на скамейке и уставились на открывшийся перед нами ландшафт. С той точки, где мы находились, просматривались только дали, а под стены Города было не заглянуть; я прекрасно знал, что путевые бригады перевозят рельсы с юга на север мимо нас, но сознание этого отнюдь не помогало увидеть их.

— Гельвард, скажи… зачем Город движется?

— Мне это неизвестно. По крайней мере, точно не известно.

— Вам, гильдиерам, наплевать, что мы, остальные, думаем, — взорвалась она. — Никто из вас не обмолвится об этом и словом, а ведь довольно подняться сюда, чтобы убедиться, что Город на новом месте. Но если посмеешь обратиться к кому-нибудь с вопросом, то услышишь, что администраторов это не касается. Мы что, не вправе даже задавать вопросы?

— Вам совсем-совсем ничего не говорят?

— Ни словечка. Пару дней назад я поднялась сюда и вдруг вижу — Город переместился. Правда, до того площадка была заперта два дня подряд и поступило распоряжение убрать или закрепить все мелкие предметы. Отчего, почему — нам не объясняли.

— Слушай, — отозвался я, — ты сказала любо-

пытную вещь. Выходит, когда Город движется, вы этого и не замечаете?

— Нет… вроде бы нет. Учти, я поняла, что Город переместился, уже потом. Я пыталась припомнить, не ощущала ли я чего-нибудь накануне, но так и не вспомнила ничего необычного. Я ведь никогда не выходила из Города и, наверное, пока росла, привыкла к тому, что он время от времени куда-то едет. А как он едет — по дороге?

— По рельсам.

— А зачем?

— Ей-ей, я не вправе отвечать.

— Но ты же обещал! Да и какой, право же, вред от того, что ты сказал, как он движется, — ведь и ребенку ясно, что он не стоит на месте…

Снова все та же дилемма, однако на сей раз возражения Виктории показались мне разумными, хоть и толкающими меня на клятвопреступление. Да, по правде говоря, я и сам стал сомневаться в целесообразности формального соблюдения клятвы — неспроста она была на деле почти невыполнимой.

— Город движется к какой-то точке под названием оптимум, расположенный на севере. В настоящий момент нас отделяют от оптимума три с половиной мили.

— Значит, мы скоро остановимся?

— Нет, не остановимся… это-то мне и непонятно. Город не сможет остановиться, даже достигнув оптимума, потому что оптимум в свою очередь все время уходит дальше.

— Тогда какой же смысл стремиться к нему?

Ответить на этот вопрос я при всем желании не сумел.

А Виктория продолжала напирать, и я не выдержал — рассказал ей о работе на путях. Я старался свести подробности к минимуму и все-таки не мог отделаться от мысли, что беспрерывно нарушаю клятву, если не по существу, то по форме. И вообще я поймал себя на том, что не в состоянии забыть эту чертову клятву, о чем бы мы ни говорили. Кончилось тем, что Виктория сама предложила:

— Знаешь, давай оставим эту тему. Ты же явно не хочешь продолжать.

— Я просто сбит с толку, — ответил я. — Мне запрещено говорить, а ты заставила меня понять, что я не вправе скрывать от тебя свою жизнь, свои наблюдения.

Виктория помолчала минуту-другую.

— Не знаю, как ты, — произнесла она наконец, — а я за последние дни возненавидела всю

эту систему гильдий всерьез.

— Не ты одна. Что-то я не замечал, чтобы у нее было много поклонников.

— Тебе не кажется, что главы гильдий тщатся сохранить систему, которая отжила свое и уже не нужна? Система зиждется на том, чтобы утаивать правду. Не понимаю зачем. Мне это очень не по нутру, и не только мне.

— А может, я и сам примкну к приверженцам системы, когда стану полноправным гильдиером?

— Надеюсь, этого не случится, — сказала она и рассмеялась.

— Есть одно занятное обстоятельство. Когда я задаю Мальчускину — гильдиеру, под началом которого я работаю, — вопросы такого же рода, как ты мне, он отвечает, что я сам все пойму со временем. Звучит это так, словно у системы гильдий есть разумные основания и они каким-то образом связаны с причинами, по которым Город должен постоянно перемещаться. До сих пор мне известно лишь одно — Город должен двигаться. Когда я выхожу наружу, мне надо вкалывать до седьмого пота, и на вопросы просто нет времени. Но ясно, что движение Города воспринимается всеми вокруг как абсолютная необходимость.

— Если ты когда-нибудь выяснишь, в чем дело, ты поделишься со мной?

Я задумался.

— Обещать заранее не могу.

Виктория резко встала и отошла к дальнему краю площадки. Стоя у перил, она смотрела поверх городских теснин на дальние просторы. Я даже не пытался подойти к ней — возникла какая-то неразрешимая ситуация. Я и так сказал слишком много, а она настаивала, чтобы я сказал еще больше, и взваливала на мои плечи непосильную ношу. И все же я не мог порицать ее.

Минуту-две спустя она сама вернулась ко мне и села рядом.

— Я узнала, как нам пожениться.

— Что, еще одна церемония?

— Да нет, все гораздо проще. Мы подпишем заявление в двух экземплярах, а потом каждый передаст экземпляр старшему из своих наставников. Бланки заявлений у меня внизу, разобраться в них легче легкого.

— Стало быть, можно подписать их не откладывая?

— Можно. — Она взглянула на меня пристально. — А ты не раздумал?

— Разумеется, нет. А ты?

— Я тоже нет.

— Несмотря ни на что?

— Как тебя понять?

— Несмотря на то, что мы с тобой то и дело натыкаемся на темы, которые я не могу или не хочу обсуждать, и несмотря на то, что ты порицаешь меня за молчание.

— Тебя это тревожит?

— Очень.

— Можно и повременить с женитьбой, если тебе так больше нравится.

— А что это изменит?

Мне было совершенно неясно, какие последствия могло бы иметь расторжение нашей помолвки. Поскольку мы были обручены при всех и в церемонии участвовали представители гильдий, вправе ли мы теперь заявить, что вовсе не намерены сочетаться браком, и не будет ли такое заявление расценено как вызов? С другой стороны, с того дня, как мы формально стали женихом и невестой, нас никто не торопил. Что разделяло нас? По-видимому, только досада на ограничения, навязанные нам клятвой. Если бы не она, мы превосходно бы ладили.

— Давай пока оставим этот разговор, — предложила Виктория.

Позже, когда мы вернулись к ней в комнату, атмосфера заметно потеплела. Мы толковали о том, о сем, старательно избегая проблем, которые, как мы убедились, могут привести к размолвке — и к ночи от разногласий не осталось и следа. Проснувшись утром, мы без долгих размышлений заполнили заявления и передали их руководителям. Правда, Клаузевица не оказалось в Городе, но я нашел гильдиера-разведчика, который принял заявление от имени главы гильдии. Все вроде бы были довольны нашим решением, а мать Виктории в тот день долго сидела у нас, рассказывая, какими новыми правами мы обладаем теперь как муж и жена.

Прежде чем уйти из города обратно к Мальчускину, я забрал из яслей последние свои пожитки и окончательно перебрался к Виктории.

Мне было шестьсот пятьдесят две мили от роду, и я стал женатым человеком.

10

Еще несколько миль — и в моей жизни установился новый, по большей части вполне определенный порядок. Когда я попадал в Город, моя жизнь с Викторией была полна комфорта, счастья и любви. Она подробно рассказывала мне о своей работе, и благодаря ей я узнал, как организована повседневная городская жизнь. Иногда она возобновляла расспросы о том, что и как я делаю за стенами Города, но то ли ее любопытство приутихло, то ли она научилась сдерживать себя, только ее обиды уже не заявляли о себе с той же настойчивостью, как поначалу.

А ученичество мое шло своим чередом. И чем шире я участвовал в разнообразных трудах гильдиеров вне Города, тем яснее сознавал, что его неустанное движение — результат объединенных усилий всех гильдий.

Когда я завершил третью и последнюю милю с Мальчускиным, меня по приказу Клаузевица перевели к стражникам. Это был неприятный сюрприз: я почему-то вообразил себе, что после стажировки у путейцев сразу же приступлю к работе в собственной гильдии разведчиков бу-

дущего. Оказалось, однако, что мне предстоит провести по три мили с каждой из верховных гильдий.

Мне было жаль расставаться с Мальчускиным: его простодушная преданность тяжкому труду путейца внушала искреннее уважение. Как только мы перевалили тот гребень, класть рельсы стало гораздо легче, новая бригада наемных рабочих не предъявляла пока никаких жалоб, и всегдашнее его ворчливое недовольство жизнью явно смягчилось.

Прежде чем отправиться к стражникам, я разыскал Клаузевица. Я вовсе не жаждал преувеличенного внимания к своей персоне — и все же спросил, в чем смысл принятого решения.

— Это стандартная практика, Манн, — ответил глава гильдии.

— Но, сэр, я полагал, что уже достаточно подготовлен к тому, чтобы встать в ряды разведчиков будущего.

Клаузевиц сидел за столом спокойно, почти расслабленно — мой робкий протест его ни в коей мере не взволновал. Вероятно, в таком протесте и не было ничего необычного.

— Мы должны заботиться о боеготовности наших рядов. Подчас возникает необходимость в

интересах безопасности Города пополнить число наших защитников за счет других гильдий. И тогда уже нет времени на обучение новичков. Каждый полноправный гильдиер отслужил положенный срок у стражников, и теперь твоя очередь.

Спорить было не о чем, и на следующие три мили я превратился в арбалетчика второго класса.

Эти три мили я вспоминал с отвращением и досадой — досаду вызывала и бесполезная трата времени и непомерная тупость тех, с кем меня вынудили общаться. Конечно, моя нелюбовь к стражникам если и повредила кому-то, то только мне самому: не прошло и суток, как я прослыл самым неуживчивым из новобранцев. Единственным моим утешением было то, что рядом со мной стажировались еще два ученика — один от меновщиков, второй от движенцев, — и они, казалось, разделяли мои взгляды. Но при всем при том они, очевидно, способны были легче приспосабливаться к новому окружению, а потому страдали меньше, чем я.

Казармы стражников располагались в самом низу Города, по соседству с конюшней. Казармами именовались две огромные комнаты, где мы жили, ели и спали в тесноте и в грязи. В дневные

часы мы бесконечно тренировались, совершая марш-броски по пересеченной местности; нас учили обороняться без оружия, переплывать реки, взбираться на деревья, питаться травами и корешками и множеству других бесполезных вещей. К концу трех миль я наловчился стрелять из арбалета, а также защищаться голыми руками. Еще я нажил себе изрядное число личных врагов и понял, что разумнее будет в ближайшем будущем не попадаться им на пути. Впрочем, я твердил себе, что время покажет.

После этого меня перевели к движенцам, и мне сразу полегчало. По правде сказать, с этого дня и до последней минуты моего ученичества оно протекало вполне успешно и даже приятно.

Людей, ответственных за движение Города, отличали спокойствие, трудолюбие и рассудительность. Они не выносили спешки, но уж если брались за работу, то выполняли ее на совесть.

Операции, какие мне довелось видеть при перемещении Города, составляли лишь малую долю их обязанностей. Движенцы отвечали еще и за многие внутренние городские дела.

Я узнал, что в центре Города, на самом нижнем уровне, находится ядерный реактор. Именно он дает Городу энергию, и, кроме того, дежурные

у реактора управляют системами связи, водоснабжения и очистки. В гильдии движенцев немало инженеров-сантехников, и не случайно: весь Город пронизывает сложная система труб с насосными станциями, рассчитанная на то, чтобы вода до последней капли использовалась вновь и вновь. В частности, синтезаторы пищи, как я обнаружил не без ужаса, работают на базе очистных устройств, и хотя управляют ими администраторы, количество (а в известной мере и качество) пищи в конечном итоге зависит от работы насосных станций, подконтрольных движенцам. Разумеется, реактор питает энергией и лебедки, наматывающие канаты при перемещении, но эта его функция по сравнению со всеми прочими казалась почти второстепенной.

Лебедок было шесть, они располагались в ряд на массивной стальной раме, пересекающей Город поперек над самым днищем. Правда, включали одновременно только пять лебедок, а шестая, вращающаяся вхолостую, тем временем подвергалась тщательному осмотру. Серьезную тревогу внушало состояние подшипников, которые за много тысяч миль пути были, естественно, сильно изношены. В дни, когда я стажировался у движенцев, среди них развернулась целая дис-

куссия: не стоит ли вести перемещение Города на четырех лебедках, расширяя фронт работ ремонтных бригад, или, напротив, на шести, уменьшая износ? Сошлись, по-видимому, на том, чтобы оставить все как есть; во всяком случае, никаких нововведений не последовало.

Одной из самых изнурительных работ, входивших в программу практики, оказался осмотр канатов. Их осматривали постоянно — они были столь же древними, как и лебедки, и лопались гораздо чаще, чем хотелось (хотелось бы, конечно, чтобы они не лопались никогда). Каждый из шести канатов неоднократно реставрировали, и каждая реставрация множила число истертых и слабых жил. Перед каждым перемещением канаты приходилось проверять фут за футом, чистить, смазывать и латать, сращивая мелкие обрывы и цементируя потертости.

Все разговоры — как в чреве Города, в реакторном зале, так и снаружи — сводились к одному и тому же: как наверстать отставание и приблизиться к оптимуму, как усовершенствовать лебедки, как обновить канаты. Гильдиеры-движенцы так и сыпали проектами и идеями, причем это было отнюдь не пустым прожектерством, оторванным от грешной земли. Они не брезговали

и повседневными бытовыми заботами Города: только в дни моей практики приступили к сооружению дополнительных баков для хранения запасов воды.

Приятной особенностью этой стадии моего ученичества было и то, что все ночи я проводил дома, с Викторией. Правда, я возвращался с работы поздно потный и грязный, однако, пусть недолго, но мог наслаждаться и благами семейной жизни и сознанием, что занимаюсь стоящим делом.

Однажды, когда подошла пора очередного перемещения и электромобили тащили канаты к отдаленным опорам, я осведомился у опекавшего меня гильдиера про Джелмена Джейза.

— Это мой давний друг, ученик вашей гильдии. Вы его знаете?

— Он твой ровесник?

— Чуть постарше.

— Миль десять-пятнадцать назад у нас было двое учеников. Имен я не помню, но могу выяснить, если хочешь.

Я дорого дал бы за то, чтобы потолковать с Джейзом. Мы не виделись уже целую вечность, и как было бы здорово обсудить свои впечатления с кем-то, кто прошел через те же тернии, что и я! Ближе к вечеру мне сказали, что одного из упомя-

нутых учеников действительно звали Джейзом. Я, конечно же, поинтересовался, где его найти.

— Его нет и не будет здесь довольно долгое время.

— Где же он?

— Далеко. Отправился в прошлое.

Практика у движенцев пролетела, как мне почудилось, даже слишком быстро, и на следующие три мили меня передали меновщикам. Я выслушал приказ не без горечи — я ведь уже разок столкнулся с меновщиками и не забыл, что из этого вышло. К своему удивлению, я узнал, что мне предстоит работать под началом Коллингса, и уж вовсе был поражен, когда выяснилось, что он сам настоял на этом.

— Услышал, что тебя направили к нам на три мили, — объяснил он мне при встрече, — вот и подумал: надо бы доказать парню, что миссия меновщика не только в том, чтобы усмирять взбунтовавшихся мартышек…

У Коллингса, как и у каждого гильдиера, была комната в одной из городских башен. Пригласив меня к себе, он вытащил длинный бумажный свиток, на котором был вычерчен какой-то план.

— На большинство обозначений можешь пока не обращать внимания. Это карта местности,

лежащей впереди, ее составили твои коллеги-разведчики. — Коллингс показал мне, как наносятся горы, реки, долины, крутые откосы, — короче, все сведения, жизненно важные для тех, кто выбирает, каким маршрутом двигаться Городу в его бесконечной гонке за оптимумом. — Черными квадратиками обозначены поселения. Вот это уже наша с тобой забота. Сколькими языками ты владеешь?

Я ответил, что в яслях языки мне всегда давались плохо и что я могу, пожалуй, объясниться по-французски, да и то с трудом.

— Ладно, в конце концов, ты в нашей гильдии временно. Способность к языкам — главное оружие меновщика.

От Коллингса я узнал, что местные жители говорят по-испански; поскольку лиц испанского происхождения в Городе не оказалось, ему и его коллегам пришлось выучить язык по книжке, отыскавшейся в городской библиотеке. С задачей этой они кое-как справились, хотя то и дело возникали осложнения, связанные с диалектами.

Еще он рассказал мне, что из шести верховных гильдий лишь путейцы постоянно прибегают к наемному труду. Иногда кратковременной помощи требуют мостостроители, но в общем

и целом задачи меновщиков сводятся к тому, чтобы нанимать рабочих для путевых бригад и еще обеспечивать так называемое «освежение».

— Это еще что такое? — не замедлил поинтересоваться я.

— То самое, из-за чего нас так не любят, — ответил Коллингс. — Город ищет поселения, где голодают и нищенствуют. К нашему счастью, мы идем сейчас по бедным, слаборазвитым районам и можем рассчитывать на выгодные сделки. Мы предлагаем туземцам пищу, технику для сельскохозяйственных работ, лекарства, электроэнергию, а в обмен просим выделить мужчин, способных к физическому труду, и одолжить несколько молодых женщин. Женщины переселяются в Город на тридцать, иной раз на сорок миль — на срок, достаточный для того, чтобы дать жизнь новым горожанам.

— Я слышал об этом, — отозвался я. — Слышал, но не верил.

— Почему же не верил?

— Но разве это… — я запнулся. — Разве это не аморально?

— Что же аморального в том, чтобы Город оставался населенным? Без свежей крови мы бы вымерли за два-три поколения. Ведь в Городе

рождаются почти исключительно мальчики.

Я припомнил, из-за чего началась драка.

— Но ведь случается, что женщины, которых переселяют в Город, уже замужем?

— Ну, и что же? Все, что от них требуется, — родить одного ребенка. Потом они, если хотят, могут вернуться домой.

— А ребенок?

— Если это девочка, она остается в Городе и воспитывается в яслях. Если мальчик, мать может забрать его с собой или оставить здесь, как пожелает…

Только тут до меня дошло, почему Виктория избегала этой темы: моя мать тоже была привезена в Город извне, а потом оставила его, не пожелав взять меня с собой. Она меня бросила. Но осознание этого факта далось мне без горечи.

Меновщики, как и разведчики, выезжали в свои экспедиции на лошадях. Меня никогда не учили ездить верхом, и когда мы с Коллингсом впервые отправились в путь, я шел с ним рядом, держась за стремя. Позже он выучил меня основам верховой езды: ведь мне, пояснил он, все равно не обойтись без этого, когда я попаду наконец в гильдию своего отца. Езда осваивалась медленно — сперва я боялся лошади и никак не

мог совладать с ней. Лишь постепенно до меня дошло, что лошадку мне подобрали кроткую и послушную, я обрел уверенность в себе, и она, словно почувствовав это, начала повиноваться мне.

В первый раз мы не стали отлучаться далеко от Города. К северо-востоку лежали две деревушки, и мы побывали в обеих. Нас встречали с любопытством, но, по мнению Коллингса, ни в той ни в другой жители не так уж и нуждались в товарах и услугах, какие Город мог им предложить, и в переговоры мы не вступали. Да и надобности особой не возникало: наемными рабочими Город был в настоящее время обеспечен, переселенных женщин пока хватало.

Путешествие наше заняло девять дней, и все девять дней мы жили без удобств и ночевали, где придется. А вернувшись, узнали, что Совет навигаторов дал добро на строительство моста. Если я правильно понял Коллингса, Город мог выбрать один из двух маршрутов. Первый отклонялся от прямой на северо-запад, шел в обход глубокой расселины, но затем выводил на резко пересеченную местность с обнажениями скальных пород; второй вел по более ровной местности, но требовал возведения моста через расселину.

Совет проголосовал за второй маршрут, и теперь все трудовые ресурсы временно передавались в распоряжение гильдии мостостроителей.

Поскольку мост превратился теперь во внеочередную проблему, Мальчускин и еще один путеец вместе со своими бригадами были освобождены от обычных работ, им в помощь мобилизовали почти половину стражников, а движенцы выделили контролеров за точностью укладки рельсов на мосту. Ответственность за его конструкцию и надежность, естественно, лежала на самих мостостроителях, и они запросили у меновщиков дополнительно пятьдесят наемных рабочих. Коллингс с коллегами тут же покинули Город и разъехались по деревням; а меня тем временем отправили на север в распоряжение мостостроителя Леру, отца Виктории.

Когда мне довелось взглянуть на расселину своими глазами, я понял, что возведение моста действительно представляет собой серьезную инженерную задачу. Расселина была широкой — в месте, что выбрали для моста, ярдов шестьдесят, — а грунт по краям выветрился и грозил осыпями. По дну расселины бежала быстрая речка. В довершение всех бед северный край расселины был футов на десять ниже южного, и,

следовательно, с северной стороны приходилось пристраивать наклонную эстакаду.

Гильдия мостостроителей приняла решение сделать мост подвесным. На сооружение арочного или консольного моста не доставало времени, а простейший метод — заложить расселину деревянными брусьями-подпорами — исключался из-за непрочности грунта.

Первым делом начали возводить четыре опорные башни — по две на северной и южной стороне. Башни, свинченные из стальных труб, казались неправдоподобно хрупкими. Один из монтажников сорвался с верхушки башни и разбился насмерть. Работы даже не приостановились. Вскоре после этого мне разрешили очередной двухдневный отпуск, и я очутился в Городе в момент перемещения. Впервые я сидел в городских стенах, заведомо зная, что вся исполинская махина ползет вперед по рельсам, и с интересом отметил про себя, что движение в сущности не ощущается, лишь где-то вдалеке чуть слышен легкий шум, наверное, от моторов лебедок.

Именно в дни этого отпуска Виктория сообщила мне, что ожидает ребенка. Ее мать встретила известие с восторгом, да и я обрадовался и едва

ли не впервые в жизни выпил лишнего и начал валять дурака. Впрочем, это никого как будто не обидело и не удивило.

Через два дня, вновь выйдя из городских теснин, я убедился, что укладка путей и протяжка канатов продолжаются, как обычно, невзирая на нехватку рабочей силы, и что до моста, — вернее, до места, где должен подняться мост, — остается всего-навсего две мили. От знакомого из движенцев, с которым мне удалось поговорить по дороге, я узнал, что Город остановился в данный момент в полутора милях от оптимума.

Истинный смысл сказанного дошел до меня не сразу: выходит, все это время мост и я вместе с ним находились к северу от оптимума!

Началась полоса бесконечных проволочек и задержек. Мост поднимался медленно, слишком медленно. После несчастного случая были введены строгие правила безопасности. Леру со своими коллегами без конца проверяли конструкцию на прочность. Правда, нам было известно, что и путевые работы идут черепашьими темпами; с одной стороны, нас это устраивало, поскольку до завершения моста было еще далеко, с другой — внушало серьезную тревогу. Каждая минута, потерянная в нескончаемой гонке за оптимумом,

грозила обернуться бедой.

И вот однажды моих ушей достигла весть, что мост находится в самой точке оптимума. Новость заставила меня оглядеться вокруг с утроенным любопытством, но я так и не обнаружил ничего необычного. Вновь и вновь я раздумывал о роли этой таинственной точки, но по мере того, как оптимум неосязаемо уходил все дальше на север, он постепенно покинул и мои мысли.

Все ресурсы Города были теперь сосредоточены у моста — о продолжении ученической практики обычным порядком не могло быть и речи. Правда, каждые десять дней мне, как и другим гильдиерам, предоставляли очередной отпуск, но о том, чтобы планомерно закончить ознакомление с деятельностью всех шести гильдий, нечего было и мечтать. Мост нарушил все установления, оттеснил все остальное на задний план.

Впрочем, другие работы шли своим чередом. В десяти ярдах к югу от моста возвели канатные опоры и вплотную к ним подтянули рельсы. Пробил час — и Город переместился к самой расселине и встал над нею, выжидая, когда же, наконец, ему откроют дорогу на противоположную сторону.

Самой сложной и каверзной частью задачи

оказалось навешивание несущих цепей между южными и северными башнями, а затем оттяжек, на которых держалось путевое полотно. Шли дни, и Леру, как и его коллеги, откровенно мрачнел: ведь по мере того как оптимум удалялся на север, конструкции моста подвергались все большему риску — они тоже могли вспучиться подобно рельсам, какие показывал мне Мальчускин к югу от Города. Вообще-то, по расчетам, мост мог сопротивляться изгибу, но до определенного предела; оттягивать дело до бесконечности было никак нельзя. Теперь работу продолжали и по ночам при свете мощных дуговых ламп, получающих ток из Города. Отпуска были отменены, ввели систему круглосуточных смен.

Как только к оттяжкам подвесили плиты полотна, Мальчускин с бригадой уложили поверх плит рельсы. Одновременно на северной стороне расселины, сразу же за уже построенной эстакадой, поднялись новые канатные опоры.

Город был так близко от нас, что все мы ночевали у себя в комнатах, и каждый вечер мне бросалась в глаза очевидная разница между нервной, напряженной обстановкой у моста и спокойным, размеренным ритмом повседневной жизни в городских стенах. Мое поведение, надо

думать, отражало тревогу моих наставников, потому что Виктория вдруг возобновила свои вопросы: чем это мы так заняты целые дни напролет?

И вот мост объявили готовым. Еще день, еще отсрочка, пока Леру и другие мостостроители не провели серию скрупулезных испытаний. Лица их продолжали оставаться напряженно сосредоточенными и тогда, когда они сообщили во всеуслышание, что мост выдержит. За ночь Город подготовили к перемещению. И едва забрезжил рассвет, по сигналу одного из движенцев серая громада с беспредельной осторожностью, дюйм за дюймом поползла вперед.

Я выбрал себе наблюдательный пункт на одной из несущих башен с южной стороны расселины; передние колеса Города вкатились на мост, цепи приняли на себя нагрузку, башня завибрировала — и устояла. В слабом свете восходящего солнца я все же не мог не заметить, как под исполинским весом опустились и натянулись цепи, как под чудовищной тяжестью прогнулось само железнодорожное полотно. Я посмотрел на гильдиера из мостостроителей, который притулился на той же башне в двух-трех ярдах от меня. Все его внимание было поглощено прибором, присоединенным

к цепям над нашими головами, который измерял нагрузку. Никто из наблюдавших, что толпились по сторонам, не шевелился и не произносил ни слова, будто малейший звук мог нарушить непрочное равновесие всей системы. А Город все катился вперед, и вскоре мост принял на себя его вес целиком.

Тишина оборвалась внезапно. С оглушительным треском — крутые стены расселины отозвались громоподобным эхом — лопнул один из тяговых канатов. И с дикой силой хлестнул прямо по цепи охранявших мост стражников. По конструкциями моста пробежала крупная дрожь, а из недр Города донесся истошный визг лебедки, вдруг избавленной от напряжения. Визг оборвался: движенцы у пульта управления отключили мотор. Теперь Город продолжал ползти на четырех лебедках, еще медленнее, чем раньше. На северной стороне расселины лежал, свернувшись, лопнувший канат, а под ним — пять убитых стражников.

Наконец, самые рискованные минуты остались позади. Город протиснулся меж северных башен и лениво заскользил по эстакаде к канатным опорам. Затем он затормозил, но никто не нарушил молчания — ни криков торжества, ни вздохов

облегчения. Трупы стражников подняли на носилки и прикрыли, прежде чем унести в Город. Да и Город — был ли он хоть теперь в безопасности? Строительство моста вызвало длительную задержку, и от оптимума нас отделяли четыре с половиной мили. А сколько еще предстояло сделать: снять рельсы, латать разорванный канат, демонтировать несущие башни и цепи и сберечь их для возможных будущих нужд…

Но скоро, неизбежно скоро Город двинется в путь опять — все дальше и дальше на север, вслед за оптимумом, который тем не менее всегда ухитряется ускользнуть от нас, убежав на несколько миль вперед.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Гельвард Манн скакал верхом. Привстав не стременах, склонившись к шее крупной каурой кобылы, он весь отдался скачке: ветер, треплющий волосы, грохот копыт по каменистой почве, дрожь мускулов на боках лошади, подспудная боязнь, что она вот-вот споткнется и выкинет его из седла, — все сливалось в дивное ощущение скорости. Путь лежал на юг, прочь от убогих деревушек, где они только что побывали, через холмы и по равнине обратно в Город. Когда за очередным гребнем он, наконец, показался на горизонте, Гельвард перевел лошадь на легкий галоп и повернул ее по широкой дуге обратно на север. Вскоре она перешла на шаг, а когда солнце стало припекать, он и вовсе спешился и двинулся рядом, держа ее в поводу.

Он думал о Виктории: ее беременность длилась уже более десяти миль. Выглядела она совершенно здоровой и даже похорошевшей, и администратор медицинской службы заверил его, что все протекает нормально. Гельварду теперь разрешали проводить в Городе больше времени, и он иногда целыми днями оставался с

женой. Им повезло — Город опять перемещался по ровной местности. Ведь появись необходимость строить новый мост, возникни любые другие чрезвычайные обстоятельства, и время, какое он мог уделить Виктории, тут же резко сократилось бы.

Ученичество подходило к концу. Он поработал не за страх, а за совесть со всеми гильдиями, кроме одной-единственной — своей собственной гильдии разведчиков будущего. Меновщик Коллингс уже сообщил ему вполне официально, что дело близится к развязке и что сегодня к вечеру его вызовет сам Клаузевиц для подведения итогов практики. Гельвард не мог дождаться этой минуты. Все еще не утратив юношеского пыла и наивности, по меркам Города он уже считался взрослым — и вполне подтвердил это тяжким трудом. Он осознал, что Город должен двигаться вперед во что бы то ни стало — пусть и не вполне еще понял почему, — и готов был принять звание полноправного гильдиера. За последние несколько миль он похудел, но мускулы его набрали силу, а кожа покрылась ровным золотистым загаром. Он больше не падал в изнеможении после каждого трудового дня, напротив, завершение очередной нелегкой задачи приносило ему

удовлетворение и ощущение полноты жизни. Большинство гильдиеров, под началом которых ему довелось работать, относились к нему уважительно и даже тепло, оценив его готовность трудиться честно и без лишних вопросов; семейная жизнь с Викторией тоже складывалась как нельзя лучше, и мало-помалу окружающие признали в нем равного себе, достойного принять на свои плечи заботу о безопасности Города.

Особенно добрые, дружеские отношения установились у Гельварда с Коллингсом. Когда он отслужил обязательные пятнадцать миль — по три с каждой из пяти гильдий, не считая своей собственной, — ему предложили самому выбрать, в какой из них пройти дополнительную пятимильную практику, и он тут же попросился к меновщику. Работа меновщиков привлекала его прежде всего тем, что позволяла узнать кое-что о жизни местного населения.

Район, по которому Город полз в настоящий момент, был голым высокогорьем. Почвы здесь не отличались плодородием, поселения встречались редко, а те, что попадались, представляли собой жалкую кучку хижин вокруг каких-нибудь развалин. Нищета была ужасающей, людей косили болезни. Никакой централизованной власти

здесь, по-видимому, не было — каждая деревушка придерживалась собственных обычаев и правил. Иногда горожан встречали с неприкрытой враждебностью, но чаще — с полным безразличием.

Успех в работе меновщиков во многом зависел от их способности быстро и трезво оценивать по внешнему впечатлению нужды той или иной общины и в зависимости от этого решать, стоит ли вступать в переговоры. Хотя в большинстве случаев такие переговоры, как бы искусно их ни вели, заканчивались безрезультатно: если между деревушками и было что-нибудь общее, то хроническая летаргия. Когда Коллингсу удавалось разжечь в местных жителях искру интереса, их нужды выявлялись в мгновение ока. По большей части Город мог удовлетворить эти запросы без труда. Высокая организованность и техническое развитие горожан позволили им на протяжении сотен миль накопить солидные запасы продовольствия, лекарств и химикалий, а опыт научил предвидеть очередность спроса. И, предлагая антибиотики, семена, химические удобрения, средства для очистки воды, а иногда и прямую помощь в ремонте заброшенных сооружений, меновщики вели дело к тому, чтобы предъявить туземцам свои требования.

Коллингс пытался выучить Гельварда говорить по-испански, но тот оказался неспособным к языкам. Он усвоил десяток расхожих фраз, но стать помощником Коллингсу в переговорах, зачастую длительных и трудных, так и не смог.

В селении, которое они посетили только что, удалось заключить выгодное соглашение. Старейшины обязались выделить двадцать мужчин для путевых работ, а затем добавить к этим двадцати еще десять из какой-то другой деревушки, затерянной глубже в горах. В придачу к этому пять женщин согласились — Гельвард не был уверен, добровольно ли, а Коллингса не спросил — переселиться на время в Город. Теперь они с Коллингсом возвращались, чтобы отобрать обещанные поселянам припасы и предупредить о близящемся пополнении. Меновщик решил, что всех вновь прибывших надо подвергнуть обязательному врачебному освидетельствованию, а значит, следовало предупредить и медицинскую службу.

Гельварду нравилось работать к северу от Города. Придет день, и эта территория станет его профессиональной вотчиной — ведь именно здесь, за оптимумом, делали свое дело его будущие коллеги-разведчики. Нередко он видел

гильдиеров-разведчиков, они ехали верхом на север, в неизвестные дали, куда рано или поздно переместится и Город. Раз-другой он даже встретил отца, и они обменялись несколькими фразами. В глубине души Гельвард надеялся, что теперь, когда он прошел школу ученичества, натянутость, омрачавшая их прежние отношения, рассеется, но отец по-прежнему явно тяготился обществом сына. Очевидно, тому не было каких-то глубинных, тайных причин; неспроста же Коллингс, заведя однажды речь о разведчиках, укоризненно отозвался о Манне-старшем: «До чего же неразговорчив! Неплохой человек, когда узнаешь его поближе, но уж больно замкнутый…»

Через полчаса Гельвард снова сел на лошадь и направил ее шагом по недавнему пути. Вскоре он заметил Коллингса, отдыхавшего в тени под скалой. Гельвард подъехал к наставнику, спешился, и они перекусили. Глава сельской общины в знак доброй воли подарил им большой ломоть свежего сыра, и они отдали ему должное, радуясь нарушению своей повседневной убогой диеты из безвкусной синтетической пищи.

— Если они едят такие вещи, — заявил Гельвард, — на кой черт им наша преснятина?

— Не думаешь ли ты, что они едят сыр изо дня в день? Ломоть, наверное, был одним-единственным, да и то его украли в какой-нибудь другой деревне. Я что-то не видел тут скота.

— Тогда зачем же его отдали нам?

— Мы им нужны.

Еще немного спустя они продолжили свой путь к Городу. Оба шли пешком, ведя лошадей под уздцы. Гельвард испытывал смятение: ему и хотелось вернуться в Город, и неожиданно взгрустнулось по отошедшим в прошлое дням ученичества. К тому же — ведь они с Коллингсом, вероятно, виделись в последний раз — откуда-то вновь поднялось давнее и, казалось, позабытое желание потолковать с ним о том, что время от времени тревожило душу: из всех, с кем привелось общаться за стенами Города, Коллингс был единственным, кому Гельвард мог доверить свой секрет. И все равно он долго обсуждал проблему с самим собой, прежде чем решил, наконец, открыться.

— Что-то ты сегодня какой-то притихший? — вдруг спросил Коллингс.

— Верно. Извините меня. Я все думаю о том, что пришла пора стать гильдиером. И не уверен, что готов к этому.

— Почему же нет?

— Это не просто выразить. Скорее всего смутная догадка.

— Ты хочешь обсудить ее со мной?

— Да. Если вы позволите.

— Почему же я должен возражать?

— Ну… обычно гильдиеры не любят, когда ученики пристают к ним с вопросами. Я был совершенно ошарашен, когда меня впервые вывели из Города, но потом меня приучили держать свои вопросы при себе.

— Все зависит от того, что за вопросы.

Гельвард решил, наконец, что можно и не оправдываться.

— Вопросов два, — сказал он. — Оптимум и клятва. Не могу разобраться ни в том, ни в другом.

— И не удивительно. Я перевидел на своем веку десятки учеников, и всех беспокоило одно и то же.

— Так вы просветите меня?

Коллингс покачал головой.

— Не в том, что касается оптимума. Тут ты должен все выяснить для себя сам.

— Но я знаю лишь, что он всегда движется вперед. Это что, условное понятие?

— Нет, безусловное… но больше я ничего тебе не скажу. Обещаю тебе, что ты узнаешь все, что хочешь знать, и очень скоро. Ну, а с клятвой-то что тебе неясно?

Гельвард помолчал, прежде чем ответить:

— Предположим, вы обнаружили бы — вот сейчас, сию минуту обнаружили бы, — что я нарушил клятву. Вы убили бы меня, так?

— Теоретически так.

— А практически?

— Я бы, конечно, встревожился, обдумал бы все хорошенько, потом, наверное, посоветовался бы с кем-то из друзей-гильдиеров. Но ты же не нарушал клятвы?

— Если бы я был в этом уверен!

— Ну-ка, расскажи мне лучше все по порядку.

Гельвард начал перечислять вопросы, с которыми Виктория приставала к нему с первых дней, пытаясь при этом не уточнять характер своих ответов. Однако Коллингс хранил молчание, и мало-помалу молодой человек стал пересказывать их подробнее, пока не припомнил все, чем поделился с ней, почти слово в слово. Когда он, наконец, выдохся, Коллингс заметил:

— Признаться, не вижу во всем этом беды.

Гельвард испытал мгновенное облегчение, но

расстаться в одну секунду с сомнениями, месяцами терзавшими его душу, было трудно.

— Как же не видите?

— То, чем ты делился с женой, никому не причинило вреда.

Они подошли к точке, откуда Город был виден во весь свой исполинский рост; вокруг, на путях, кипела обычная суета.

— Но это не может быть так просто! — воскликнул он. — Клятва сформулирована очень жестко, и наказание, предусмотренное ею, легким не назовешь…

— Верно… но мы, сегодняшние гильдиеры, унаследовали ее от наших предков. Клятву передали нам наши отцы, а мы передаем ее вам. И вы, придет день, передадите ее своим детям. Это отнюдь не значит, что все гильдиеры согласны с ней, но никто до сих пор не предложил ничего лучшего.

— Значит, гильдиеры, как только смогут, сами отменят клятву? — спросил Гельвард.

Коллингс усмехнулся.

— Этого я не говорил. История Города уходит в глубь времен. Основателем Города был человек по имени Фрэнсис Дистейн, считается, что текст клятвы придумал именно он. Из документов того времени, дошедших до нас, следует, что тогда

сохранение тайны было оправданным и необходимым. Но сегодня… сегодня наша жизнь, надо думать, уже не так сурова.

— Однако клятва существует.

— Да, и, на мой взгляд, в ней по-прежнему есть смысл. В Городе полным полно людей, которые знать не знают, что творится за его стенами, и которым нет нужды это знать. Например, те, кто занят в разных внутригородских службах. Время от времени они встречаются с негорожанами, хотя бы с женщинами-переселенками, и если позволить им трепаться, то мы и глазом моргнуть не успеем, как вся наша подноготная станет известна всей округе. У нас и так хватает неприятностей с местными, с «мартышками», как их называют стражники. Видишь ли, существование Города связано с определенным риском, а этот риск надо уменьшить любой ценой.

— Нам угрожает опасность?

— В настоящий момент особой опасности нет. Но в случае саботажа она возникнет немедленно, и сразу станет неотвратимой. Мы и без того не пользуемся особой любовью, так стоит ли в таких условиях обнаруживать нашу уязвимость?

— Выходит, я могу быть с женой более откровенным?

— Решать тебе. Она ведь дочь мостостроителя Леру? По-моему, девочка с головой. Пока она не делится с другими тем, что ты ей рассказываешь, тревожиться не о чем. Но не вздумай откровенничать направо и налево.

— Чего не собираюсь, того не собираюсь, — заверил Гельвард.

— И не говори никому, что оптимум движется. Это не так.

Гельвард не сумел скрыть удивления.

— Но мне сказали, что он движется!

— Тебя дезинформировали. Оптимум остается на одном месте.

— Тогда почему же Город никак не может достичь его?

— Ну, иногда ему это удается, — ответил Коллингс. — Не удается только задержаться на точке оптимума. Потому что сама почва неуклонно движется на юг.

2

Рельсы уже протянулись на север от Города примерно на милю. Когда Гельвард с Коллингсом подошли поближе, они встретили движенцев, которые везли тяговый канат к заново смонтированным опорам. День-другой — и Город двинется в путь снова.

Поднявшись вместе с лошадьми на полотно, они приблизились к Городу вплотную. Впереди показалась темная дыра — вход в туннель под северной стеной, единственная официально открытая дорога в городские недра.

Гельвард проводил Коллингса до конюшен.

— Всего тебе доброго, Гельвард!..

Гельвард принял протянутую руку, и они обменялись теплым рукопожатием.

— Вы словно прощаетесь со мной навсегда.

Коллингс пожал плечами в обычной своей безыскусной манере.

— Мы теперь долго не увидимся. Желаю удачи, сынок.

— Вы куда-нибудь уезжаете?

— Я-то остаюсь здесь. А вот ты уезжаешь. Будь осторожен и поразмысли над тем, что увидишь.

Прежде чем Гельвард успел найти ответ, меновщик скрылся в конюшне. Гельвард чуть было не бросился за ним, но инстинктивно понял, что это бесполезно. Наверное, Коллингс и так сказал больше, чем полагалось.

Со смятенным сердцем Гельвард направился по туннелю дальше, к лифту, и вызвал кабину. Когда она появилась, он сразу же поднялся на четвертый уровень и стал искать Викторию. Дома ее не оказалось, он спустился на фабрику синтеза. Ее беременность уже насчитывала восемнадцать миль, но она заявила, что будет продолжать работу до последней возможности.

Завидев мужа, Виктория встала со своего рабочего места, и они вместе вернулись в комнату. До свидания с Клаузевицем оставалось еще два часа, которые прошли в разговорах о пустяках. Правда, когда открыли дверь на площадку, они провели какое-то время на воздухе.

В назначенный час Гельвард поднялся на седьмой уровень и был допущен в штаб-квартиру верховных гильдий. Ему доводилось бывать здесь и раньше, однако достаточно редко, чтобы не испытывать в этом святилище старших гильдиеров и навигаторов благоговейного трепета.

Клаузевиц поджидал его в кабинете, отведен-

ном для разведчиков будущего. Когда Гельвард появился на пороге, глава гильдии тепло приветствовал его и предложил вина.

— Вы неплохо зарекомендовали себя, ученик Манн.

— Благодарю вас, сэр.

— Готовы ли вы к тому, чтобы вступить в наши ряды?

— Да, сэр.

— Хорошо… У гильдии нет возражений против вашей кандидатуры. Вы заслужили о себе весьма лестные отзывы.

— Если не считать стражников, — заметил Гельвард.

— Пусть это вас не тревожит. Стиль жизни стражников не всякому по вкусу.

Гельвард вздохнул с облегчением: отношения, сложившиеся у него со стражниками, внушали ему опасение, что те не преминут наябедничать на него разведчикам.

— Цель настоящей встречи, — продолжал Клаузевиц, — в том, чтобы сообщить вам о дальнейшем. Вам еще предстоит трехмильная практика в вашей собственной гильдии, но, насколько я могу судить, для вас это пустая формальность. Прежде вам придется покинуть Город. Это входит

в программу подготовки гильдиеров. Возможно, ваша отлучка будет довольно длительной.

— А разрешите узнать, насколько длительной? — осведомился Гельвард.

— Трудно сказать. Не менее десяти миль. Вернее, бывает по-разному: одни возвращаются через десять-пятнадцать миль, другие отсутствуют миль сто, а то и больше.

— Но Виктория…

— Да, мне известно, что она ожидает ребенка. Когда это произойдет?

— Миль через девять.

Клаузевиц нахмурился.

— Боюсь, что в это время вы будете в отсутствии. Говоря по правде, у нас с вами нет выбора.

— Неужели нельзя подождать до родов?

— К сожалению, нельзя. Вам поручается определенное задание, и его надо выполнить. Вам уже известно, что время от времени Город вынужден пользоваться услугами женщин со стороны. Мы взяли за правило отпускать их как можно раньше, но и при этом условии они живут здесь не менее тридцати миль. Один из пунктов заключаемых нами сделок гласит, что мы обязуемся вернуть их в целости в родные поселения. Вошло в обычай поручать сопровождение этих жен-

щин ученикам, тем более что такое поручение представляется важной частью их подготовки. Сегодня у нас есть три женщины, выразившие желание вернуться домой.

За месяцы практики Гельвард волей-неволей приобрел известную уверенность в себе.

— Сэр, моя жена ожидает своего первого ребенка. Я должен остаться с ней.

— Об этом не может быть и речи.

— А что если я откажусь?

— Вам предъявят копию принесенной клятвы, и вы понесете предусмотренное ею наказание.

Гельвард открыл было рот, чтобы возразить, — и все же сдержался. Для споров о том, сохраняет ли клятва буквальную силу, минута выдалась явно неподходящая. Клаузевиц, по-видимому, с трудом сдерживал себя: едва Гельвард стал отказываться от слепого повиновения, лицо главного разведчика побагровело и он опустился в кресло, положив ладони на край стола. Гельвард проглотил почти сорвавшуюся с языка фразу и вместо нее задал вопрос:

— Сэр, могу ли я апеллировать к вашему сердцу?

— Апеллировать вы можете, только это ничего не изменит. Вы поклялись, что интересы безопас-

ности Города будете ставить превыше личных забот. Неукоснительное выполнение программы вашей подготовки входит в интересы безопасности Города, вот и все.

— Но ведь отъезд наверняка можно и отсрочить! Как только родится ребенок, я выполню любой приказ.

— Нет. — Клаузевиц повернулся и вытащил большой лист бумаги, на нем были карта и какие-то столбцы цифр. — Женщин надо доставить в их родные поселения. Через девять миль, когда ваша жена разрешится от бремени, эти поселения отодвинутся от нас слишком далеко. Они и так уже находятся более чем в сорока милях к югу от Города. Факт остается фактом: настала ваша очередь, и выполнить поручение должны именно вы и никто другой.

— Это ваше последнее слово, сэр?

— Последнее.

Гельвард отставил нетронутый стакан вина и направился к двери.

— Подожди, Гельвард!..

Он задержался на пороге.

— Если я должен уехать, я хочу по крайней мере проститься с женой.

— У тебя еще будет время. Ты отправляешься

через полмили.

Пять дней — это почти ничего.

— Ну?.. — буркнул Гельвард, не ощущая более потребности выказывать собеседнику освященное традициями почтение.

— Садись, сделай милость. — Гельвард неохотно подчинился. — Не обвиняй меня в бесчеловечности: по иронии судьбы предстоящее путешествие как раз и покажет тебе, отчего обычаи Города подчас кажутся бесчеловечными. Таков наш жребий, и мы его себе не выбирали. Понимаю, что ты тревожишься за… Викторию, и тем не менее ты отправишься в прошлое. Поверь, для тебя самого нет лучшего способа разобраться в тех обстоятельствах, в каких находится Город. Именно то, что ты увидишь на юге, раскроет тебе подоплеку клятвы, подоплеку нашей кажущейся жестокости. Ты же образованный человек, Гельвард… Было ли в истории хоть одно цивилизованное общество, на время выменивавшее себе женщин ради единственной незамысловатой цели — осчастливить его одним ребенком?

— Нет, сэр. — Гельвард замялся. — Кроме разве…

— Кроме примитивных кочевых племен, для которых разбой и насилие были средством су-

ществования? Ну что ж, мы, может, ненамного лучше их. Наши меновые сделки преследуют одностороннюю выгоду, пусть внешне это вроде бы и не так. Мы выдвигаем свои условия, платим установленную цену и продолжаем путь. Приказ должен быть выполнен. Ты покинешь свою жену в дни, когда она нуждается в тебе более всего, хоть это и бесчеловечно, но эта бесчеловечность — лишь следствие образа жизни, который бесчеловечен сам по себе.

— Нельзя оправдывать одну жестокость другой, — произнес Гельвард.

— Нельзя… тут я готов с тобой согласиться. Но ты связан клятвой. Клятва сама по себе вытекает из тех факторов, которые продиктовали нам нашу бесчеловечность, и, когда ты принесешь на алтарь Города личную жертву, многое станет тебе яснее.

— Сэр, Город должен изменить свои обычаи.

— Сам увидишь, что это невозможно.

— Совершив путешествие в прошлое?

— Я сказал, тебе многое станет яснее. Хотя и не все. — Клаузевиц поднялся. — Гельвард, до сих пор ты был хорошим учеником. Предвижу, что ты и впредь будешь трудиться на благо Города, не щадя своих сил. У тебя умная и красивая жена,

тебе есть ради чего жить и бороться. Смерть тебе не угрожает, это я тебе гарантирую. Казнь, предусмотренная клятвой, насколько я знаю, никогда не приводилась в исполнение, но я прошу тебя выполнить миссию, возложенную на тебя Городом, и выполнить без проволочек. Я сам в свое время совершил такое путешествие, как и твой отец, как и каждый гильдиер. И сегодня там, в прошлом, находятся семь твоих собратьев-учеников. Им тоже пришлось столкнуться с подобными трудностями личного характера, и не каждый встречал их с большой охотой.

Гельвард пожал Клаузевицу руку и отправился искать жену.

3

Через пять дней он собрался в дорогу. В общем-то, он ни на минуту не сомневался, что придется смириться с судьбой, но объяснить это Виктории было нелегко. Сначала она, естественно, пришла в отчаяние, но потом неожиданно ее настроение изменилось.

— Разумеется, ты должен ехать. Не ищи во мне повода для отказа.

— Но что будет с ребенком?

— Все будет в порядке, — заверила она. — Да и чем ты, в самом деле, мог бы помочь, окажись ты здесь? Приставать ко всем и действовать им на нервы? Врачи позаботятся обо мне. Можно подумать, что мой ребенок — первый, которого им предстоит принять…

— Но разве тебе… не хотелось бы, чтобы я был рядом с тобой?

Она ласково тронула его за руку.

— Конечно, хотелось бы. Но не забывай, что ты сам мне сказал. Клятва вовсе не так жестока, как тебе представлялось. Я знаю, ты обязан уехать, зато, когда ты вернешься, для нас с тобой не останется тайн. Особенно скучать в твое отсутствие

мне будет некогда, а потом, по совету Коллингса, мы обсудим с тобой подробно все, что ты увидел.

Гельварду, правда, осталось не вполне ясно, какой смысл она вкладывает в это «обсудим». Делиться с ней тем, что он видел и делал за пределами Города, уже вошло у него в привычку, и Виктория слушала его рассказы с неослабным вниманием. Он перестал бояться этого — и все же интерес жены к запретной теме продолжал беспокоить его, в особенности потому, что раз от раза приходилось вдаваться во все более мелкие технические подробности.

Но главное — в итоге этих пяти дней у него не осталось личных мотивов увиливать от путешествия в прошлое, больше того, перспектива этого путешествия даже увлекала его. Гильдиеры слишком часто ссылались на почерпнутый в прошлом опыт, по большей части туманно, полунамеками, и вот, наконец, пришла пора пуститься в рискованное предприятие самому. Где-то там, в прошлом, был Джейз — а вдруг они встретятся? Было бы здорово увидеться с давним приятелем. Сколько воды утекло с того дня, когда они попрощались в яслях! Может, они и не узнают друг друга?

Виктория решила не провожать его. Она оста-

лась у себя в комнате, в постели. Он приласкал ее, осторожно и нежно; полушутя, полусерьезно они отметили вслух, что это «в последний раз». Она приникла к нему, когда он поцеловал ее на прощание, и, закрывая за собой дверь, он расслышал сдавленный плач. Он замер в нерешительности, раздумывая, не вернуться ли на минутку, и все же двинулся дальше. Растягивать горестные мгновения не имело смысла.

Клаузевиц поджидал его в штаб-квартире разведчиков. В углу лежала груда снаряжения, а на столе была расстелена крупномасштабная карта. Держался глава гильдии иначе, чем при прошлой встрече. Едва Гельвард вошел в комнату, Клаузевиц пригласил его к столу и без предисловий приступил к делу.

— Перед тобой сводная карта местности к югу от Города. Она выполнена в линейном масштабе. Термин тебе знаком?

Гельвард кивнул.

— Прекрасно. Один дюйм на карте равен примерно одной миле… подчеркиваю, равен линейно. По причинам, которые станут тебе ясны в самом путешествии, масштаб тебе впоследствии не поможет. Город в настоящий момент находится вот здесь, а селение, которое ты должен

разыскать, — здесь. — Клаузевиц показал на кучку черных пятнышек в нижнем углу карты. — Сейчас нас отделяют от этого селения ровно сорок две мили. Впрочем, по мере удаления от Города расстояния станут обманчивыми, направления тоже. Тут я могу дать тебе только один совет, такой же, как всем твоим предшественникам: придерживайся нашего путевого полотна. Когда ты уйдешь далеко на юг, оно останется единственной ниточкой, которая поможет тебе найти дорогу домой. Ямы, выкопанные под основания шпал, сохраняются долго и видны хорошо. Ты меня понял?

— Да, сэр.

— Ты отправляешься в путешествие ради одной главной цели. Ты должен убедиться, что вверенные тебе женщины благополучно добрались до своего селения. Как только это произойдет, ты без задержки вернешься в Город.

Гельвард произвел в уме несложные вычисления. Сколько времени ему требуется, чтобы пройти милю? Минут пятнадцать, не больше. За день, даже в жару, он покроет по крайней мере миль двадцать; с нерасторопными женщинами придется, конечно же, идти медленнее — допустим, наполовину. Ну ладно, пусть не десять, а

шесть миль в день: значит, семь дней на дорогу до селения, три-четыре дня на возвращение. Если повезет, он сумеет вернуться в Город дней через десять, пользуясь принятой среди гильдиеров единицей измерения времени, — через одну милю. Почему же его предупредили, что он не успеет к рождению ребенка? Постой-ка, вспомни поточнее: что говорил Клаузевиц при предыдущей встрече? Что путешественник пробудет в отсутствии миль десять-пятнадцать, а может статься, и сто? Полная бессмыслица…

— Невзирая на все трудности, ты должен как-то вычислять длину пройденного пути, чтобы определить момент, когда вы приблизитесь к цели. Между Городом и тем поселением было установлено тридцать восемь канатных опор. На карте они обозначены как прямые линии поперек полотна. Места установки опор удастся заметить без труда: хотя после их демонтажа по тем же участкам прокладываются рельсы, в почве остаются глубокие шрамы. Придерживайся левого внешнего пути. Иначе говоря, поскольку вы двигаетесь на юг, крайнего справа. Поселение, которое тебе предстоит найти, находится по эту сторону полотна.

— Но ведь женщины узнают родные места, —

вставил Гельвард.

— Справедливо. Ну что ж… теперь о твоем снаряжении. Вот оно. Тебе придется взять всю эту груду. Не вздумай выбросить что-нибудь по дороге — поверь, мы знаем, что делаем. Понятно?

Гельвард кивнул. Вместе с Клаузевицем они осмотрели снаряжение. В одном тюке оказались пакеты с сухой синтетической пищей и две большие фляги с водой. В другом — палатка и четыре спальных мешка. Кроме того, там были моток прочной веревки, стальные крючья, пара ботинок, подбитых железом, и складной арбалет.

— У тебя есть вопросы?

— Кажется, нет, сэр.

— Ты уверен, что нет?

Гельвард смерил груду взглядом. Тащить все это на себе будет чертовски муторно, разве что удастся всучить часть ноши женщинам, а при виде синтетической пищи его чуть не вывернуло.

— А нельзя ли, сэр, подкрепляться тем, что встретится по дороге? — спросил он. — Синтетическая пища уж очень безвкусна…

— Советую тебе не есть *ничего,* кроме взятых с собой продуктов. Можешь, если придется, пополнить запасы воды, но непременно прежде убедись, что она проточная. Что же касается

еды… Как только Город скроется из виду, нельзя есть ничего выросшего на земле, иначе не на шутку заболеешь. Не веришь — попробуй. Я в свое время попробовал и маялся потом добрых два дня. Так что этот совет основан на долгом и горьком опыте.

— Но ведь в Городе мы не отказываемся от местных плодов!

— Да, пока Город вблизи оптимума. А ты удалишься от оптимума на много-много миль к югу.

— И это повлияет на пищу, сэр?

— Да, повлияет. Еще вопросы?

— Все ясно, сэр.

— Хорошо. Тогда тут тебя ожидает кое-кто, кто хотел бы свидеться с тобой перед отъездом.

Он жестом показал на дверь, которая до тех пор оставалась закрытой, и Гельвард отворил ее. За дверью была маленькая комнатка, и там его ждал отец.

Гельвард прежде всего удивился, а затем просто не поверил своим глазам. Он же видел отца немногим более десяти дней назад, когда тот направлялся верхом на север; теперь, за какие-то десять дней, отец внезапно чудовищно постарел. Когда Гельвард вошел, отец попытался встать со стула, но не удержался на ногах и оперся нетвер-

дой рукой о сиденье. Он повернул лицо к сыну, но даже это далось ему с большим трудом. Весь его облик говорил о глубокой старости: он сгорбился, одежда висела на нем мешком, и рука, протянутая навстречу Гельварду, заметно дрожала.

— Гельвард! Здравствуй, сынок.

Поведение отца тоже изменилось неузнаваемым образом: от былой отчужденности, к которой Гельвард так привык, не осталось и следа.

— Отец!.. Тебе нездоровится?

— Да нет, все в порядке. Просто придется поберечься — доктор говорит, я слишком часто бывал на севере. — Он качнулся, и Гельвард инстинктивно сделал шаг вперед, чтобы поддержать его. — Мне сообщили, что ты отправляешься в прошлое. Это верно?

— Да, отец.

— Будь осторожен, сынок. Ты увидишь много такого, над чем придется поразмыслить. Там все иначе, чем в будущем… в будущем я чувствовал себя, как дома.

Клаузевиц вошел следом за Гельвардом и стал на пороге.

— Гельвард, учти, отцу только что сделали инъекцию.

Сын обернулся, словно его ужалили.

— Что случилось?

— Он вернулся в Город ночью, жалуясь на боль за грудиной. Диагноз — ангиоспазмы. Ему дали обезболивающее, и он должен лежать в постели.

— Хорошо, я его не задержу.

Гельвард опустился на колени подле стула.

— Ну, а сейчас… сейчас-то ты чувствуешь себя нормально?

— Я же сказал, все в порядке. Не беспокойся обо мне. Как Виктория?

— Держится молодцом.

— Славная она у тебя девочка, Виктория…

— Я ей передам, чтобы она навещала тебя.

Видеть отца в таком состоянии было больно и страшно. Он и понятия не имел, что отец так состарился… Но ведь всего несколько дней назад тот выглядел куда моложе! Что же могло случиться за эти дни? Они поговорили еще немного, но отец вскоре начал терять нить разговора, потом его веки смежились, и Гельвард встал.

— Я позову врачей, — предложил Клаузевиц и быстро вышел.

Через две-три минуты он вернулся в сопровождении двух администраторов медицинской службы. Они бережно подхватили старика под руки и вынесли в коридор, где уложили на по-

крытую белой тканью каталку.

— Он поправится? — вырвалось у Гельварда.

— За ним будут ухаживать. Это все, что сейчас можно сказать.

— Он стал таким дряхлым, — брякнул Гельвард, не подумав: ведь Клаузевиц и сам был человеком не первой молодости, хотя, конечно, выглядел намного крепче отца.

— Профессиональный риск, — заметил глава гильдии разведчиков.

Гельвард бросил на Клаузевица острый взгляд, но пояснения не последовало. Вместо того гильдиер взял ботинки, подбитые железом, и подтолкнул их к ученику.

— Ну-ка, примерь…

— Но мой отец… вы попросите Викторию присмотреть за ним?

— Не беспокойся, я обо всем позабочусь.

4

Гельвард спустился лифтом на второй уровень — тюки и прочее снаряжение были свалены в кабине рядом с ним. Когда кабина остановилась, он сунул свой ключ в специальную прорезь, чтобы двери не могли закрыться, и разыскал комнату, названную Клаузевицем. Здесь его поджидали четыре женщины и мужчина. Сразу с порога он заметил, что лишь мужчина и одна из женщин принадлежат к городской администрации.

Его представили трем другим женщинам, но они едва удостоили Гельварда беглым взглядом и отвернулись. На их лицах застыло выражение сдержанной враждебности, а может, безразличия, — в конце концов, до этой самой минуты он по отношению к ним тоже ничего, кроме безразличия, не испытывал. Пока он не переступил порог этой комнаты, он и не задумывался над тем, что за женщин ему придется сопровождать, хороши они собой или нет. Ни одной из них он прежде не видел в глаза, но, слушая Клаузевица, поневоле вообразил их похожими на тех женщин, каких встречал, выезжая на север с меновщиком Коллингсом. Те были, как правило,

худыми и бледными, сухорукими, плоскогрудыми, с костлявыми лицами и глубоко запавшими глазами. Да и одеты они были чаще всего в вонючее тряпье, над ними вечно кружились мухи, в общем, деревенские женщины являли собой весьма плачевное зрелище.

Эти отличались от тех, как небо от земли. Аккуратное, ладно пригнанное городское платье, хорошо промытые и подстриженные волосы, округлые налитые тела, ясные глаза… Гельвард едва сумел скрыть удивление, когда понял, что они совсем молоды, его ровесницы или чуть постарше. В Городе о временно переселенных говорили как о зрелых женщинах, но эти-то были по существу совсем девчонки!

Вероятно, он таращился на них до неприличия, но они по-прежнему не удостаивали его вниманием. А ему никак не удавалось сладить со все крепнущим подозрением, что и эти когда-то ничем не отличались от обыкновенных деревенских оборвашек и лишь переселение в Город временно вернуло им здоровье и красоту, которые могли бы быть их неотъемлемым, пожизненным достоянием, не родись они в нищете.

Женщина-администратор коротко описала

Гельварду каждую из них. Их звали Росарио, Катерина и Люсия. Они немного понимали по-английски. Каждая провела в Городе чуть больше сорока миль, и каждая родила по ребенку. Это оказались два мальчика и девочка. Люсия, родившая мальчика, не пожелала взять его с собой, ребенка оставили в Городе и воспитывают в яслях. Росарио, напротив, не захотела расстаться с сыном и забирает его. Катерине выбора не предоставили, разлучив с дочуркой насильно, но ей самой это, казалось, все равно.

Еще администратор предупредила, что, поскольку Росарио кормящая мать, ей следует без ограничений давать сухое молоко. Остальные должны питаться тем же, что и их провожатый.

Гельвард попытался дружески улыбнуться своим подопечным, однако те оставили его попытку без внимания. А когда он дал понять, что хочет взглянуть на малыша Росарио поближе, мать повернулась к нему спиной и демонстративно прижала ребенка к себе.

Говорить было больше не о чем. Три молодые женщины подхватили свои скудные пожитки и тесной группой двинулись по коридору. Кое-как втиснувшись вслед за ними в кабину, Гельвард направил ее вниз.

Женщины продолжали игнорировать его, болтая между собой на родном языке. Когда кабина достигла цели и перед ними открылся выход в темный туннель под Городом, Гельвард чуть не упал, взвалив на плечи всю неподъемную поклажу разом. Ни одна из женщин и не подумала ему помочь, они лишь следили за его усилиями повеселевшими глазами. Пошатываясь под тяжестью ноши, с грехом пополам ухитряясь не выронить то одно, то другое, Гельвард поплелся на свет, к южному выходу.

Яркое солнце ослепило его. Он сбросил тюки на землю и огляделся.

С тех пор как он выходил наружу в последний раз, Город снова переместился, и путевые бригады вовсю выкорчевывали рельсы. Женщины, заслонившись от солнца ладонями, озирались вокруг. Вероятно, они очутились на воле впервые с того самого дня, как попали в Город.

Малыш на руках Росарио залился плачем.

— Вы мне не поможете? — спросил Гельвард, кивая на тюки с пищей и снаряжением. Они уставились на него, то ли не понимая, то ли делая вид, что не понимают. — Хотите не хотите, а груз придется поделить.

Они по-прежнему не отвечали, тогда он присел

на корточки и раскрыл тюк с синтетической пищей. Решив, что Росарио и без того тяжело, он разделил пищу на три части, вручил по пакету каждой из ее подруг, а третий запихал обратно в свой тюк. Люсия и Катерина с неохотой уложили пакеты в свои сумки, потеснив собственное имущество. Самым неудобным из разрозненных предметов была веревка, но ее удалось перемотать потуже и засунуть в тюк на освободившееся место. Стальные крючья и захваты он ухитрился втиснуть в другой тюк, поверх палатки и спальных мешков. Теперь ноша стала ухватистее, хоть и ненамного легче, и вопреки советам Клаузевица Гельвард испытывал искушение просто выкинуть большую ее часть ко всем чертям.

Малыш продолжал плакать, но Росарио это, по-видимому, не тревожило.

— Пошли, — бросил Гельвард, ощущая, что подопечные уже вызывают у него раздражение. Он зашагал на юг параллельно рельсам, и спустя какой-то миг женщины последовали за ним. Шли они все такой же тесной группкой, держась в нескольких ярдах позади него.

Гельвард старался идти широким шагом, но уже через час вынужден был признать, что в своих подсчетах скорости путешествия прини-

мал желаемое за действительное. Три женщины тащились за ним как черепахи, то и дело жалуясь на жару и дорогу. Что и говорить, выданная им обувь была плохо приспособлена для прогулок по пересеченной местности, но уж от жары-то он страдал не меньше их. В форменной куртке, да еще придавленный к земле тяжеленной ношей, он пропотел насквозь буквально за несколько минут.

Они были все еще в виду Города, солнце только подходило к зениту, а малыш орал не переставая. Единственной отрадной минутой была короткая встреча с Мальчускиным. Путеец искренне обрадовался Гельварду, тут же стал, как водится, поносить наемных рабочих, а потом пожелал счастливого пути. Поговорить бы с бывшим наставником подольше, да женщины, разумеется, и не подумали дожидаться его, и пришлось нагонять их.

Наконец он решил объявить привал.

— Ты не могла бы унять своего ребенка? — обратился Гельвард к Росарио.

Она смерила провожатого недобрым взглядом и села на землю.

— Ладно, я его покормлю…

Она продолжала смотреть на Гельварда в упор,

ее подруги стали подле нее, как на страже. Поняв намек, он отошел подальше и подчеркнуто стоял к ним спиной, пока кормление не закончилось.

Потом он открыл одну из фляг с водой и пустил ее по кругу. Солнце пекло немилосердно, и настроение падало по мере того, как нарастала жара. Стащив с себя куртку, он пристроил ее поверх тюков; правда, лямки теперь впивались в плечи еще глубже, зато телу стало чуть прохладнее.

Гельварду не терпелось тронуться дальше. Малыш заснул, его уложили на спальный мешок, и две женщины подхватили этот мешок за углы наподобие гамака. Пришлось взять еще и их сумки; Гельвард был теперь перегружен сверх всякой меры, но в тот момент с радостью принял это в обмен на желанную тишину.

Однако уже через полчаса пришлось сделать новую остановку. Он вспотел, как мышь, и оттого, что женщинам тоже не сладко, ему было не легче.

Гельвард поднял глаза на солнце. Оно стояло точно над головой. Неподалеку из земли торчала небольшая скала, и он, сделав несколько шагов в сторону, сел на землю, силясь вжаться в узкую полоску тени. Женщины не замедлили присоеди-

ниться к нему, не прекращая, впрочем, роптать на родном языке. Гельвард пожалел, что в свое время не приложил стараний, чтобы выучиться испанскому: уловив смысл одной-двух фраз, он понял лишь, что служит основной мишенью их острот и жалоб.

Он раскрыл пакет с синтетической пищей и развел ее водой из фляги. Получился суп, цветом и вкусом напоминающий прокисшую овсянку. Ропот возобновился с еще большей силой, но, как ни странно, даже доставил ему известное удовольствие; жалобы на пищу, безусловно, были не лишены оснований, однако он не собирался потакать женщинам, соглашаясь с ними.

Малыш все еще спал, хотя и беспокойно, — вероятно, из-за жары. Гельвард испугался, что он проснется, едва они снимутся с места, и когда женщины растянулись на земле, намереваясь вздремнуть, не стал им мешать.

Пока они отдыхали, Гельвард смотрел на Город, по-прежнему ясно видимый милях в двух на севере, и пенял на себя, что не обращал внимания на отметины, оставшиеся от канатных опор. Впрочем, за две мили они могли миновать лишь одну такую отметину, и достаточно было подумать об этом, как Гельвард окончательно поверил

Клаузевицу, утверждавшему, что шрамы нельзя не заметить. Он тут же без труда припомнил, что они встретили такой шрам буквально за десять минут до остановки. Основания шпал оставляли неглубокие вмятины — пять футов в длину на двенадцать дюймов в ширину, — а там, где воздвигались канатные опоры, зияли настоящие ямы, обрамленные кучами вывернутого грунта.

Итак, позади осталось первое гнездо опор. Тридцать семь впереди.

Но как бы медленно они ни двигались, Гельвард по-прежнему не видел причин, которые могли бы помешать ему вернуться в Город к рождению собственного ребенка. Только довести бы женщин до их селения — а там, сам себе хозяин, он наверстает любую задержку, невзирая ни на какую погоду.

Он решил дать им отдохнуть еще часок, но как только этот час истек, непреклонно встал над ними.

Катерина открыла глаза.

— Поднимайтесь, — сказал он. — Пора в путь.

— Слишком жарко.

— Ничего не попишешь. Пора идти.

Она поднялась, вызывающе потянулась всем телом и бросила подругам какую-то короткую

фразу. Они подчинились с такой же неохотой, и Росарио подошла к малышу. К ужасу Гельварда, она разбудила его и взяла на руки… но, по счастью, он не заплакал. Не теряя ни секунды, Гельвард сунул Катерине и Люсии их сумки, а сам взвалил на плечи свои тюки.

Едва они вышли из тени, солнце обрушилось на них с беспощадной яростью, и за считанные мгновения силы, казалось, накопленные на привале, улетучились бесследно. Они отошли всего на несколько ярдов, как Росарио вдруг передала малыша Люсии, вернулась к скале и скрылась за нею. Гельвард чуть было не крикнул: «Куда?..» — но тут же понял. Вслед за Росарио удалилась Люсия, а потом и Катерина. Гельвард почувствовал, как в нем опять вскипает гнев: они намеренно тянули время. Признаться, он и сам был бы не прочь последовать их примеру, но гнев и гордость не позволили ему подчиниться зову природы. Он решил потерпеть.

Наконец, они пошли дальше. Женщины сняли куртки — общеупотребительное в Городе независимо от пола верхнее платье — и остались в рубашках, заправленных в брюки. Тонкая, да к тому же взмокшая ткань липла к телам, и Гельвард с унылым удивлением отметил, что при других

обстоятельствах это могло бы, пожалуй, его заинтересовать. В данный момент он не позволил себе никаких сравнений, ограничившись наблюдением, что фигуры у его подопечных полнее, чем у Виктории. У Росарио были в особенности большие покачивающиеся груди. Но тут одна из женщин, видно, перехватила его мимолетный взгляд, и вскоре все три, как по команде, вновь натянули куртки. Положим, Гельварду это было все равно… лишь бы избавиться от них поскорее.

— Дашь нам воды? — обратилась к нему Люсия.

Порывшись в тюке, он протянул ей флягу. Она отпила немного, затем, смочив ладони, плеснула себе на лицо и шею. Росарио и Катерина в свой черед поступили точно так же. Вида и плеска воды Гельвард перенести уже не мог. Он судорожно огляделся. Нигде никакого укрытия. Пришлось просто отбежать на десяток ярдов в сторону и облегчиться прямо на землю. Сзади послышались смешки.

Когда он вернулся, Катерина протянула ему флягу. Не подозревая подвоха, он принял флягу и поднес ее к губам. Но тут Катерина резко ударила по донышку, и вода плеснула ему в нос и глаза. Он поперхнулся, давясь водой и слезами,

а женщины так и покатились от хохота. Малыш заплакал опять.

5

До вечера они миновали еще два гнезда опор, и тогда Гельвард распорядился разбить лагерь на ночь. Площадку для лагеря он выбрал близ рощицы, в двухстах-трехстах ярдах в сторону от шрамов, оставленных железнодорожной колеей. Рядом журчал ручеек, и, проверив воду на вкус — других приборов для определения ее качества у него не было, — Гельвард объявил ее пригодной для питья. Воды во флягах оставалось не так много, ее следовало поберечь.

Поставить палатку было делом относительно несложным, и он начал возиться с нею в одиночку, а под конец женщины сменили гнев на милость и пришли на помощь. Закрепив палатку, как полагается, он забросил туда спальные мешки, и Росарио забралась внутрь первой — покормить ребенка.

Вскоре малыш заснул, и Люсия помогла Гельварду приготовить синтетический ужин. На сей раз из пакета получился суп оранжевого цвета, на вкус ничуть не лучше серого. Пока они ужинали, солнце село, Гельвард разжег небольшой костер, но тут с запада задул резкий холодный ветер, и в

поисках тепла пришлось в конце концов залезть в палатку и в спальные мешки.

Гельвард пытался завязать с женщинами разговор, однако они либо вовсе не отвечали, либо хихикали, либо перебрасывались шуточками по-испански, так что пришлось эти попытки оставить. В тюке со снаряжением отыскался пяток свечей, и Гельвард зажег одну из них. Лежа час-другой без сна, он недоумевал: какую же цель преследовал Город, когда посылал его в эту бессмысленную экспедицию?

Наконец он заснул, но дважды в течение ночи просыпался от плача. Во второй раз он различил на фоне проникавшего снаружи смутного света силуэт Росарио: сидя в спальном мешке, она кормила малыша грудью.

Поднялись они рано и вышли в путь, как только собрали вещи. Гельварду было невдомек, что случилось, но настроение всей компании сегодня решительно изменилось. Катерина и Люсия даже запели, а на первой же остановке, едва он пригубил флягу, опять попытались облить его водой. Он уклонился от удара, но, отступив на шаг назад, поскользнулся и, к великому их восторгу, поперхнулся и закашлялся опять. Только Росарио продолжала держаться особняком, впрочем, не

мешая подругам заигрывать с Гельвардом. И хотя ему не слишком нравилось, что его дразнят, — это все же было куда лучше, чем неприязнь, омрачавшая их первый день.

Утро вступало в свои права, повеяло теплом, а женщины сделались совсем беззаботными. Ни одна из трех и не думала стеснять себя курткой, более того, на следующем привале Люсия расстегнула две верхние пуговицы рубашки, а Катерина так и вовсе распахнула свою, связав полы узлом под грудью и обнажив живот.

Гельвард уже не мог отрицать того, что женщины производят на него впечатление. Спутники привыкали друг к другу, отношения становились все более непринужденными. Даже Росарио уже не отворачивалась от него, когда настала пора кормить малыша.

Жара настигла их возле леса, того самого, который Гельвард в свое время помогал расчищать для путевых работ. Они уселись в тени, под деревьями, пережидая самое пекло в относительной прохладе.

Позади осталось в общей сложности пять гнезд от опор — впереди еще тридцать три. Медлительность, с какой они двигались, уже не вызывала у Гельварда такого раздражения, как накануне:

он осознал, что идти быстрее — затея непосильная, даже если бы он путешествовал в одиночку. Почва была слишком неровной, солнце слишком безжалостным.

Он решил провести под деревьями часа два, не меньше. Росарио в отдалении играла со своим малышом. Катерина и Люсия уселись под ветвистым деревом, сняв ботинки и тихо болтая между собой. Гельвард прикрыл было глаза, вознамерившись подремать, как вдруг его охватило беспокойство. Он вышел из-под деревьев и приблизился к отпечаткам шпал на четырехколейном полотне. Посмотрел влево и вправо, на север и на юг: колеи бежали прямо, как по линейке, слегка прогибаясь вверх и вниз вместе с рельефом, но упорно придерживаясь заданного раз и навсегда направления.

Наслаждаясь одиночеством, он постоял у полотна минут пять-десять. Хоть бы погода переменилась и небо, пусть на денек, затянули облака… А может, лучше днем отдыхать, а двигаться ночью?.. Однако по некотором размышлении он пришел к выводу, что это было бы слишком рискованно.

Он совсем уже надумал возвращаться назад на опушку, как вдруг уловил краешком глаза

вдалеке, примерно в миле на юг, движущуюся точку. Это его насторожило, и на всякий случай он бросился на землю, укрывшись за пнем. Через несколько минут он понял, что кто-то приближается к нему, идя по путям с юга.

Гельвард вспомнил про складной арбалет в багаже, но бежать за ним было уже поздно. В полутора-двух ярдах от пня рос густой куст, и он по-пластунски переполз под его защиту: здесь можно было оставаться незамеченным.

Человек, ни о чем не догадываясь, продолжал вышагивать по полотну прямо к засаде. Через несколько минут Гельвард, к величайшему своему удивлению, разглядел на путнике форму ученика гильдии. Он чуть было не выскочил из укрытия, но вовремя одумался и остался лежать.

Когда расстояние между ними сократилось ярдов до пятидесяти, Гельвард узнал одинокого странника. Это был Торролд Пэлхем, которого вывели из яслей миль за пятьдесят до него самого. Тут уж Гельвард отбросил всякую осторожность и встал.

— Торролд!.. — Тот так и присел от неожиданности. Поднял свой арбалет, нацелил его на Гельварда и… медленно опустил. — Торролд, это я, Гельвард Манн!..

— Черт побери, что ты тут делаешь?

Они расхохотались, одновременно сообразив, что находятся здесь по одной и той же причине.

— А ты подрос, — заявил Пэлхем. — Когда я видел тебя последний раз, ты был еще совсем желторотым.

— Ты побывал в прошлом?

— Да.

Пэлхем смотрел мимо Гельварда, на север вдоль полотна.

— Ну, и что там?

— Совсем не то, что я думал.

— А что же, что? — не унимался Гельвард.

— Так ты и сам уже в прошлом. Ты разве ничего не чувствуешь?

— А что я должен чувствовать?

Пэлхем бросил на него пристальный взгляд.

— Здесь, конечно, еще не так плохо. Но почувствовать можно. Просто, наверное, ты еще не понял, что это такое. Ничего, дальше к югу это быстро нарастает, так что поймешь.

— Что нарастает? Не говори загадками.

— И не собираюсь. Просто этого не объяснишь. — Пэлхем снова посмотрел на север. — Что, Город далеко отсюда?

— Миль шесть-семь. Близко.

— Что случилось? Вы нашли способ перемещаться быстрее, чем раньше? Я отсутствовал всего-то несколько дней, а Город переполз куда дальше, чем я рассчитывал.

— Да нет, перемещение шло с обычной скоростью.

— Я тут недавно пересек речку. Вы там строили мост. Когда это было?

— Примерно девять миль назад.

Пэлхем недоверчиво покачал головой.

— Не может быть!

— Ты потерял чувство времени, только и всего.

— Наверное, так оно и есть, — согласился Пэлхем и неожиданно усмехнулся. — Послушай, ты идешь не один?

— Да, не один. Со мной три женщины.

— Ну и как?

— Да ничего. Сперва было трудновато, но сейчас мы уже попривыкли друг к другу.

— Хорошенькие?

— Ничего.

Пэлхем весело усмехнулся и зашагал дальше на север.

Перед тем как продолжить путь, Росарио покормила малыша, но не прошло и десяти минут, как того внезапно вырвало.

Росарио прижала малыша к себе, лаская и баюкая. Люсия подскочила к ней со словами утешения, но, в сущности, никто ничем не мог помочь. Гельвард не на шутку встревожился: ведь если ребенок заболеет всерьез, единственное, что останется, — это вернуться в Город. К счастью, рвота вскоре прекратилась, малыш еще поревел немного и успокоился.

— Пойдем дальше? — обратился Гельвард к Росарио.

Она беспомощно пожала плечами.

— Si [Да (исп.)].

Они двинулись дальше, стараясь не слишком спешить. Жара не ослабевала, и Гельвард несколько раз спрашивал женщин, не надо ли им передохнуть. Каждый раз они отвечали — нет, но Гельвард явно уловил какую-то перемену в их тоне. Словно приключившаяся с малышом беда сблизила всех четверых.

— Вечером разобьем лагерь, — объявил он, — а завтра весь день будем отдыхать.

Против этого никто не возражал, а попозже Росарио покормила малыша снова, и рвота не повторилась.

Перед заходом солнца они попали в места, более холмистые и скалистые, чем прежде, и

неожиданно вышли к расселине, которая в свое время доставила столько забот мостостроителям. От самого моста не осталось почти ничего, только на месте опорных башен в земле зияли две глубокие ямы.

Гельвард вспомнил, что на северном берегу речки, протекающей по дну расселины, ему когда-то приметилась площадка, которая подошла бы для лагеря, и повел всю компанию вниз.

Пока Росарио с Люсией сюсюкали над малышом, Катерина помогла Гельварду поставить палатку. И в тот момент, когда они раскладывали спальные мешки, она вдруг обняла его за шею и легонько поцеловала в щеку.

— Это еще за что? — усмехнулся он.

— Ты добрый к Росарио…

Гельвард замер, рассчитывая, что поцелуй повторится, но Катерина выкарабкалась из палатки и позвала остальных.

Малышу стало гораздо лучше, и он уснул, как только его устроили в самодельном гамаке внутри палатки. Росарио повеселела, и не составляло труда догадаться, что у нее отлегло от сердца. Быть может, малыша просто продуло.

Вечер выдался куда теплее вчерашнего, и после ужина они еще некоторое время посидели на

воздухе. Люсия жаловалась на ноги, беспрестанно потирая их, и подруги почему-то отнеслись к ее жалобам с преувеличенной серьезностью. В конце концов она показала ноги Гельварду — оба больших пальца с внешней стороны были натерты до мозолей. Тут и две другие женщины признались, что натерли себе ноги, и принялись сравнивать свои болячки.

— Завтра, — подвела итог Люсия, — без ботинок.

На том вроде бы и порешили.

Гельварду пришлось подождать, пока женщины не заберутся в палатку и не устроятся на ночь. Накануне было так холодно, что все они спали не только в мешках, но и в одежде; сегодня, в теплую ночь при высокой влажности, об этом не могло быть и речи. Из застенчивости Гельвард подумал, что ляжет все-таки одетым, хотя и поверх мешка. Кончилось тем, что он полез в палатку, не выждав назначенного себе срока.

Свечи были зажжены. Женщины лежали по своим мешкам. Не говоря ни слова, Гельвард задул свечи и разделся в темноте, не преминув оступиться при этом и неловко рухнуть навзничь. Забравшись в мешок, он долго лежал без сна. Виктория, казалось, осталась где-то за ты-

сячи миль.

6

Когда он проснулся, уже совсем рассвело, и после тщетных попыток натянуть штаны в мешке Гельвард был вынужден вылезти из палатки и торопливо одеться снаружи. Запалив костер, он набрал воды и засыпал в нее синтетический чай.

Здесь, на дне расселины, было уже тепло, и Гельвард задумался: что же все-таки разумнее, двигаться без задержки дальше или отдыхать весь день, как он обещал?

Вода закипела, и он уже прихлебывал чай, когда в палатке зашевелились. Спустя миг оттуда выбралась Катерина и, будто не замечая его, прошествовала мимо, к речке.

Спустившись, она обернулась и, махнув ему рукой, позвала:

— Иди сюда!

Он не заставил себя упрашивать и спустился вслед за ней. В своей форме и подбитых железом ботинках он казался себе неуклюжим как медведь.

— Будем плавать? — спросила она и, не дожидаясь ответа, выскользнула из рубашки и вошла в воду.

Гельвард метнул настороженный взгляд на палатку: нет, остальные не появлялись. В одну секунду он содрал с себя одежду, и взметая тучи брызг, устремился вдогонку.

Когда они наконец вернулись к палатке, Росарио с Люсией сидели в входа и ели желтую похлебку. Никто не проронил ни слова, но Гельвард заметил, как Люсия понимающе улыбнулась Катерине.

Через полчаса у малыша опять началась рвота. Росарио в тревоге взяла его на руки — и вдруг судорожно отдала Люсии, а сама поспешила прочь. Издалека, от речки, донеслись однозначные звуки — ее тоже рвало.

— А тебе как? — спросил Гельвард у Катерины.

— Ничего.

Гельвард понюхал похлебку. Запах был совершенно обыкновенный — не возбуждающий аппетита, но и не затхлый. Еще минуту спустя Люсия в свою очередь стала жаловаться на боль в животе и сильно побледнела.

Катерина встала и куда-то ушла.

Гельвард был в отчаянии: видно, теперь им не оставалось никакого другого выхода, кроме возвращения в Город. Если пища пришла в негодность, просто не удастся довести экспедицию

до конца.

Минут через десять Росарио вернулась к палатке. Ослабевшая, мертвенно бледная, она бессильно опустилась на землю в тени. Люсия дала ей попить из фляги. Она и сама выглядела неважно и держалась за живот, а малыш продолжал орать. К чему-чему, а к такому повороту событий Гельвард никак не был подготовлен и даже отдаленно не представлял себе, что предпринять.

Он отправился на поиски Катерины — единственной, кто как будто не пострадал. Искать долго не пришлось: он встретил ее в сотне ярдов вниз по речке. Катерина возвращалась в лагерь с яблоками в руках — где-то поблизости ей на глаза попалась дикая яблоня. Краснобокие яблоки выглядели вполне спелыми, Гельвард попробовал одно на вкус. Сладкое, сочное… но тут он вспомнил о совете Клаузевица. Логика требовала признать, что Клаузевиц неправ, и тем не менее Гельвард, хоть и с неохотой, отдал яблоко обратно Катерине. Она его и доела.

Еще одно яблоко, самое спелое, они испекли в горячей золе костра, размяли и по капельке скормили малышу. На этот раз пища не принесла вреда, напротив, он загулькал и заулыбался.

Росарио оказалась еще слишком слаба, чтобы подойти к нему; Катерина уложила малыша в гамачок, и он через минуту заснул.

Люсия сумела подавить тошноту, хотя острая боль в животе не проходила все утро. Даже Росарио и та оправилась быстрее и тоже попробовала яблоко.

Гельвард доел желтую синтетическую похлебку… и с ним ничего не случилось.

Немного позже Гельвард вскарабкался наверх и не торопясь пошел по краю расселины. Именно здесь и в общем-то недавно, девять миль назад, Город заплатил человеческими жизнями за то, чтобы пересечь ее. Все вокруг было знакомым, и хотя оборудование, использованное для постройки моста, потом разобрали и увезли, Гельвард живо вспомнил дни и ночи лихорадочной спешки — они были совсем свежи в его памяти.

Он вышел к тому самому месту, где висел мост, и остановился, пораженный: берега оказались вовсе не так далеко друг от друга, как были тогда, да и сама расселина стала не такой глубокой. Не иначе, возбужденное состояние, в каком он находился в те дни, преувеличило размеры препятствия, преградившего путь Городу.

Да нет, пропасть несомненно *тогда* была ши-

ре.

Гельварду вспомнилось, что в момент, когда Город пересекал расселину, рельсы на мосту достигали по крайней мере шестидесяти ярдов в длину. Теперь в том же месте расселина сузилась до каких-нибудь двадцати ярдов.

Он долго стоял, глядя на противоположный берег и недоумевая, откуда взялось столь явное несоответствие между прошлым и настоящим. Потом его осенила идея.

Мост возводили исходя из жестких инженерных требований; Гельвард отработал на строительстве опорных башен достаточно смен, чтобы усвоить крепко-накрепко, что башни по обе стороны расселины ставились на строго определенном расстоянии друг от друга — Город должен был пройти между башнями, не задев их.

Расстояние это равнялось ста тридцати футам, или примерно сорока шагам.

Гельвард отошел к яме, оставленной фундаментом одной из северных башен, и зашагал напрямик к яме-близнецу. Он насчитал пятьдесят восемь шагов.

На обратный путь у него ушло шестьдесят шагов.

Он повтори опыт, стараясь шагать как можно

шире. Пятьдесят пять.

Стоя на краю расселины, он уставился на речку внизу. С предельной ясностью ему помнилась глубина пропасти, которую пересекал мост. Дно расселины казалось отсюда до ужаса глубоким, теперь обрыв опасной крутизны превратился в откос, по которому было нетрудно спуститься к лагерю.

Новая неожиданная мысль заставила его отойти на север, туда, где рельсы, сбежав с эстакады, вновь соприкоснулись с почвой. Следы четырехколейного пути сохранились совершенно отчетливо — параллельные полоски шрамов тянулись до самого горизонта на севере.

Если две башни резко отдалились друг от друга, что же произошло с полотном?

За долгие дни работы с Мальчускиным Гельвард заучил наизусть каждую цифру, имевшую отношение к рельсам и шпалам. Ширина колеи — три с половиной фута, длина шпалы — пять. Довольно было одного взгляда на шрамы в грунте, чтобы заметить, что они превышают норму. Он замерил следы — грубо, на глазок, но и этого было достаточно, чтобы определить длину следа в семь футов минимум; в то же время шрамы оказались значительно мельче, чем им положено

быть. Но как же так: ведь Город использовал шпалы стандартной длины, и ямы под их основания выкапывались одинакового размера…

Для верности он обошел все четыре колеи. Следы от шпал, все до единого, были на два фута длиннее, чем следовало.

И они лежали слишком близко друг к другу. Путейцы укладывали шпалы с интервалом в четыре фута, а отнюдь не восемнадцать дюймов, как здесь.

Гельвард провел немало времени, повторяя свои измерения, потом спустился вниз, перешел речку вброд (она оказалась уже и мельче, чем даже сегодня утром, и взобрался на южный берег. Но и измерения на южном берегу дали тот же результат: шрамы, оставленные Городом, явно не соответствовали норме.

Озадаченный и не на шутку встревоженный, он повернул обратно к лагерю.

Женщины чувствовали себя и выглядели намного лучше, зато малыша вырвало еще раз. Впрочем, женщины, как они сами сказали, не ели ничего, кроме принесенных Катериной яблок. Гельвард разрезал одно яблоко пополам и внимательно осмотрел мякоть. На вид ни малейшей разницы с любым яблоком, какое он когда-либо

ел. Ему снова захотелось отведать свежий плод — и снова он поборол свое искушение, передав яблоко Люсии.

И тут его опять осенила идея.

Клаузевиц предупреждал, чтобы он не пробовал местной пищи: он горожанин, и для него она, надо полагать, вредна. Клаузевиц говорил, что горожане могут употреблять местную пищу лишь вблизи оптимума, а здесь, на много миль к югу, это исключено. Он должен есть только то, что принесено с собой, иначе заболеет.

Но ведь женщины — не горожанки! Что, если они болеют именно от того, что кормятся городской пищей? Что, если для них все наоборот: они могут употреблять городскую пищу только в Городе, близ оптимума, а здесь нет?

Гипотеза выглядела бы достаточно логично, если бы… если бы не малыш. Ведь не считая капельки яблочного пюре, малыш не пробовал ничего, кроме материнского молока. Уж оно-то не могло пойти ему во вред!..

Вслед за Росарио Гельвард пошел взглянуть на малыша. Тот лежал в своем гамачке, обессилевший и побуревший от слез. Теперь он даже не плакал, а только слабо скулил. Гельварду стало от души жаль крошечное существо, но что он мог

тут сделать, чем помочь?

Как Люсия, так и Катерина пребывали в отличном настроении. Обе заговорили с Гельвардом, едва он выбрался из палатки, но он молча прошел мимо и уселся у речки. Ему надо было без помех обмозговать новую идею.

Малыш не пробовал ничего, кроме материнского молока… А что, если здесь, вдали от оптимума, мать стала в чем-то другой? Она не была горожанкой, а малыш родился в Городе. Да, но что из того? Какая разница, кто где родился, — ведь малыш-то, во всяком случае, родился от собственной матери? Все эти рассуждения, должно быть, сплошная чушь, и все-таки… оставалась доля вероятности, что они правильны.

Вернувшись в лагерь, он приготовил чуточку синтетической пищи, развел сухое молоко водой, заведомо принесенной из Города, и предложил Росарио покормить малыша. Она сперва отказалась, потом согласилась. Малыш поел — и не срыгнул, а часа через два уже спал сладким сном.

День тянулся медленно. У речки было безветренно и тепло, но Гельвард опять предался мрачным раздумьям. Ведь если его гипотеза верна, то и женщинам нельзя больше есть городскую

пищу. А впереди еще миль тридцать, не менее, — на яблочках не проживешь…

Рассказав подопечным, что у него на уме, он предложил им на ближайшее время принимать синтетическую пищу самыми малыми дозами и пополнять этот скудный рацион тем, что сыщется по дороге. Они ничего не поняли, но, пожав плечами, согласились.

А знойный день все тянулся… и беспокойное состояние Гельварда мало-помалу передалось женщинам, хотя и очень своеобразно. Они вели себя все более легкомысленно и игриво, без устали высмеивая его форму, действительно неудобную и неуклюжую. Катерина заявила, что намерена искупаться еще раз, и Люсия поддержала ее. Они разделись прямо у него на глазах, ничуть не смущаясь и даже продолжая кокетничать. В конце концов он тоже разделся и плескался с ними до изнеможения, а позже к купальщикам присоединилась и Росарио — ее недоверие к Гельварду растаяло без следа.

Остаток дня они провели, загорая возле палатки.

Поутру Гельвард сразу почувствовал, что между Люсией и Катериной зреет конфликт на почве ревности, и свернул лагерь быстро, как только

мог.

Он повел женщин через речку, вверх по откосу и дальше на юг, придерживаясь, как и раньше, левого внешнего пути. Окружающий ландшафт был ему хорошо знаком: они вступили в район, который Город преодолевал в те дни, когда ученик Гельвард Манн проходил свою первую практику вне городских стен. Милях в двух впереди виднелся тот самый гребень, на который Город тащился при первом перемещении, чему он был свидетелем.

В середине утра они остановились отдохнуть, и тут Гельвард вспомнил, что всего в двух милях к западу расположено небольшое туземное поселение. Если бы там удалось достать еды, проблема питания женщин была бы решена. Но как только он заикнулся об этом, возник вопрос, кому идти. Он бы пошел сам — как-никак, ответственность за успех экспедиции была возложена именно на него, — но он нуждался в помощнице, поскольку не знал языка. Оставить малыша на попечение одной из женщин и уйти втроем — на это он не решался, а если он выберет в спутницы Катерину или Люсию, у оставленной могут появиться основания для ревности. В конце концов после долгих колебаний он взял в сопровождающие Ро-

сарио и по реакции остальных понял, что сделал разумный выбор.

Они двинулись в направлении, указанном Гельвардом, и вскоре вышли к деревне. После долгих переговоров с тремя крестьянами им дали сухого мяса и каких-то зеленых овощей. Все завершилось на удивление гладко — оставалось только гадать, к каким аргументам прибегла Росарио, — и через час они вернулись к своим.

Но по дороге, вышагивая следом за Росарио, Гельвард обратил внимание на некую странность, которой раньше он не замечал.

Росарио была сложена чуть хуже подруг, лицо и плечи у нее казались не просто округлыми, а, пожалуй, тяжеловатыми. Она была определенно склонна к полноте, но полнота эта вдруг показалась Гельварду гораздо более заметной, чем прежде. Он присмотрелся — сначала с мимолетным интересом, потом внимательнее: ткан на спине у Росарио натянулась, будто рубашка стала мала. Но ведь раньше рубашка была ей впору — одежду выдали в Городе точно по размеру… Гельвард перевел глаза на ее брюки. Да, брюки тоже натянулись, но мало того — обе штанины волочились по земле. Правда, Росарио шла босиком, но она разувалась и накануне, и он что-то

не помнил, чтобы брюки были ей настолько длинны.

Он поравнялся с ней и зашагал рядом. И спереди то же самое: рубашка натянулась, сплющивая грудь, а рукава стали несоразмерно длинны. Да и сама Росарио словно потеряла в росте и казалась коротышкой, не то что вечером у речки…

Как только он присоединились к остальным, Гельвард заметил, что и на Катерине с Люсией одежда сегодня сидит иначе. Катерина завязала рубашку узлом на животе, а у Люсии, не пожелавшей расстегнуться, рубашка на груди расползлась между петлями.

Гельвард старался выкинуть эти странности из головы, но чуть ли не с каждым новым шагом на юг они становились все более очевидными, а то и комичными. Росарио наклонилась над малышом — и ее брюки лопнули. Люсия поднесла к губам флягу с водой — и у нее отлетела пуговица, а у Катерины разлезлась по швам рубашка.

Еще миля или даже чуть меньше — и Люсия потеряла сразу две пуговицы. Ее рубашка распахнулась сама собой, и она по примеру Катерины завязала полы узлом на животе. Все три женщины подвернули низки брюк, и тем не менее каждый шаг причинял им явное неудобство.

Миновав гребень, Гельвард выбрал место возле холма и разбил лагерь. Сразу после еды женщины стащили с себя остатки одежды и забрались в палатку. Оттуда они принялись поддразнивать Гельварда: как там твоя форма, скоро ли тоже расползется по швам? Гельвард сидел в одиночестве снаружи, не испытывая ни желания спать, ни охоты коротать вечер в палатке.

Малыш заплакал, и Росарио вышла наружу приготовить ему поесть. Гельвард заговорил с ней, она не ответила. Он наблюдал, как она разводит сухое молоко; даже обнаженная, она не вызывала у него никаких чувств. Он же видел ее нагишом только вчера — неужели она выглядела так же? Конечно, нет — она была почти одного роста с ним, а стала куда приземистей.

— Скажи, Росарио, Катерина еще не спит?

Росарио безмолвно кивнула и удалилась в палатку. Спустя мгновение из-под полога показалась Катерина, и Гельвард поднялся на ноги.

Они смотрели друг на друга при свете костра. Катерина молчала, да и Гельвард не знал, что сказать. Она изменилась тоже. А тут и Люсия вылезла из палатки и встала рядом с соперницей.

Теперь он убедился, что это не мираж. За день, всего за один день женщины стали совершенно

другими. Он оглядел их обеих с головы до ног. Еще вчера стройные и гибкие, их тела сегодня потеряли форму и раздались в стороны, а округлившиеся большие головы вдавались в плечи.

Соперницы подошли к нему вплотную и на миг застыли. Из-под полога выглядывала Росарио, наблюдая за интересной сценой. Он видел влажные, зовущие губы Люсии, но сам словно оцепенел.

7

Наутро Гельвард не мог не заметить, что за ночь женщины изменились еще резче. Ростом ни одна из них не достигала теперь и пяти футов, зато болтали они между собой еще быстрее, чем прежде, и голоса у них стали еще выше.

Ни одна не смогла втиснуть свои телеса в одежду. Люсия попыталась было, но не смогла даже сунуть ногу в штанину и изорвала рукава рубашки. Пришлось женщинам оставить одежду на месте ночевки и отправиться дальше нагими. Каждый час вносил в их облик новые и все более чудовищные перемены. Ноги у них укоротились настолько, что они семенили за ним мелким шажками, и он то и дело вынужден был останавливаться, чтобы они не отстали. К тому же он обратил внимание на необычность их походки: они шли, отклоняясь назад, и это отклонение час от часу становилось все больше и больше.

Они следили за ним с таким же ужасом, как и он за ними, и когда он решил дать им передохнуть и пустил по кругу флягу с водой, над странной группой нависла гнетущая тишина.

Да и вокруг все изменялось стремительно и

необъяснимо. Они по-прежнему придерживались левого внешнего пути, но следы шпал потеряли четкость. Последний отпечаток, который Гельвард еще сумел признать, был не менее сорока футов в длину, а в глубину не достигал и дюйма. Соседний путь, левый внутренний, скрылся из виду: просвет между путям постепенно увеличивался, пока не достиг по меньшей мере полумили — а на таком расстоянии уже ничего не разберешь.

Зато ямы от фундаментов канатных опор попадались все чаще. За одно утро экспедиция миновала двенадцать гнезд, и, по подсчетам Гельварда, от цели их теперь отделяло всего девять.

Но как он найдет эту цель — селение, откуда женщины родом? Окружающий ландшафт был плоским и однообразным. Там, где они присели отдохнуть, почва напоминала застывшую лаву. Он присмотрелся к ней внимательнее, затем с силой провел пальцем, оставив неглубокую бороздку; грунт, песчаный и сыпучий на вид, на поверку оказался плотным и вязким.

Рост женщин теперь не превышал трех футов, а их тела исказились до неузнаваемости. Широченные, плоские ступни на коротких толстых ногах, бочкообразные туловища. Они стали

карикатурно уродливыми; перемены, какие они претерпевали у него на глазах, и невнятное щебетанье, заменившее им голоса, буквально завораживали Гельварда.

Не изменился только малыш. Насколько Гельвард мог судить, ребенок оставался таким же, как и всегда. Но по сравнению с матерью он выглядел теперь непропорционально большим, и раскоряченная фигурка, откликавшаяся на имя Росарио, взирала на него с невыразимым ужасом.

Малыш был и остался горожанином.

Точно так же, как Гельвард был рожден женщиной, временно переселенной из деревни, так и ребенок Росарио оставался порождением Города, его частью. И какие бы метаморфозы ни происходили с женщинами и родным для них пейзажем, ни самого Гельварда, ни малыша это не затрагивало.

Гельвард не имел ни малейшего понятия ни о том, как объяснить невероятные события последних суток, ни о том, что ему теперь предпринять. Его одолевал страх: се, что творилось вокруг, выходило за рамки его представлений о порядке вещей. Глаза свидетельствовали о том, что просто-напросто не укладывалось в сознании.

Он бросил взгляд на юг — там, не слишком

далеко отсюда, тянулась гряда холмов. Вернее, сначала он принял их за холмы, или, быть может, предгорья какой-то более высокой гряды… и вдруг с тревогой заметил, что их венчают снежные шапки. Солнце палило, как обычно, воздух был напоен теплом; логика подсказывала, что в подобном климате снег может уцелеть лишь на самых высоких вершинах гор. А холмы были так недалеко — в миле, от силы в двух милях от Гельварда, — что он никак не мог ошибиться: их высота не превосходила и пятисот футов.

Он встал в полный рост — и вдруг упал.

И упав, словно по крутому склону, против всякой воли покатился на юг. Ему удалось кое-как остановиться, он неуверенно поднялся на ноги, сопротивляясь силе, которая настойчиво тянула на юг. Ощущение было не новым, оно давало о себе знать, все утро, и тем не менее явилось для Гельварда неожиданностью: сила внезапно оказалась могущественнее прежнего. Почему же тогда она почти не влияла на него до этой минуты? Он задумался. С утра ему было не до нее — отвлекали другие события, и все-таки он уже догадывался о ней, ему все время чудилось, что они дут под гору. Он отгонял это наваждение как нелепицу: зрение неустанно подтверждало, что

он находится на плоской равнине. И теперь он стоял подле своих подопечных, стараясь разобраться в необычном ощущении, так сказать, пробуя его на ощупь.

Нет, это не походило ни на давление воздуха, как при ветре, ни на действие силы тяжести, тянущей под откос. Ощущение лежало где-то посередине: на ровной местности при практически полном безветрии он чувствовал, как что-то не то тянет, не то толкает его на юг.

Он сделал несколько шагов на север и почувствовал, что мышцы его ног напряглись, будто он взбирается по крутому склону. Направился на юг — и в явном противоречии с тем, что видели глаза, испугался, что вот-вот покатится под гору.

Женщины с любопытством наблюдали за Гельвардом. Он вернулся к ним.

За те несколько минут, что он знакомился с неведомой силой, они изменились еще страшнее.

8

Когда Гельвард решил, наконец, тронуться дальше, Росарио попыталась заговорить с ним. Ему никак не удавалось понять ее. Она и без того говорила с сильным акцентом, а тут и голос стал чересчур высоким, и темп речи слишком быстрым.

После многих неудач он все же, кажется, уловил суть.

Она и ее подруги боятся возвращаться в свою деревню. Они теперь городские, и их там не примут.

Гельвард ответил, что надо идти, что они сделали выбор и теперь его не изменишь, и тогда Росарио заявила, что не двинется с места. У себя в деревне она была замужем — сперва она хотела вернуться к мужу, а теперь поняла, что муж убьет ее. Замужней была и Люсия, и та разделяет ее опасения. В деревне ненавидят Город, и раз она связалась с горожанами, им не избежать наказания.

Гельвард отказался от попыток вразумить ее. Заставить ее понять что-либо было не легче, чем самому вникнуть в ее щебет. Мелькнула мысль,

что они могли бы передумать и пораньше; да и, в конце концов, не на аркане же их затащили в Город, а по условиям добровольной сделки. Он даже старался втолковать ей это, только она не сумела его понять.

Даже за считанные минуты разговора в облике женщин произошли дальнейшие метаморфозы. Рост Росарио теперь не превышал двенадцати дюймов, а в ширину ее тело, ка и тела ее подруг, раздалось, пожалуй, до пяти футов. Гельвард помнил, что эти чудища совсем недавно были людьми, но сейчас признать их людьми было уже невозможно.

— Ждите меня здесь! — приказал он.

Он встал — и опять упал и покатился. Сила, действующая на его тело, все возрастала, и остановиться удалось с огромным трудом. Кое-как, ползком, он подобрался к сброшенному наземь тюку и подтащил его к себе. Достал веревку, перебросил ее через плечо. И, что есть мочи упираясь ногами в грунт, направился на юг.

На поверхности нельзя было больше различить никаких примет, кроме поднимающейся впереди цепи холмов. Сама поверхность, по которой он шел, превратилась в мозаику каких-то размытых пятен; он приостановился, вглядываясь, но не

смог рассмотреть ничего — ни травы, ни скал, ни даже почвы.

Все естественные черты ландшафта искажались до неузнаваемости, расползались горизонтально на запад и на восток, теряя высоту и глубину.

Крупный камень превращался в темно-серую полоску шириной в сотую долю дюйма и в добрых две сотни ярдов длиной. Невысокий, увенчанный снегом гребень был, по-видимому, горным кряжем; полоска зелени — деревом.

А вот та белесая черточка позади — обнаженной женщиной.

Он достиг возвышенности гораздо раньше, чем ожидал. Сила, тянущая тело к югу, все прибывала, и когда до ближайшего холма осталось ярдов пятьдесят, Гельвард споткнулся и покатился к холмам со все возрастающей скоростью.

Северный склон возвышенности оказался почти вертикальным, как подветренная сторона песчаной дюны, и он налетел на нее, словно на стену. И неведомая сила, бросая вызов законам гравитации, тут же потащила его вверх по этой стене. В отчаянии — ведь если бы его перекинуло через холм, он уже не смог бы сопротивляться, — Гельвард цеплялся ногтями за поверхность,

твердую, как скала. Ему попался небольшой горизонтальный выступ, и Гельвард вцепился в него обеими руками. Бороться с безжалостной силой было невообразимо трудно, его перевернуло и распластало по стене вверх ногами. Ослабь он хватку, сдайся хоть на мгновение — его перекинет через стену и поволочет все дальше и дальше на юг, без возврата…

Пошарив за спиной, он нащупал стальной крюк. Нацепил крюк на выступ, приладил веревку, обмотал другой ее конец вокруг запястья.

Сила, что тянула на юг, набрала над его телом такую власть, что нормальной силы тяжести вроде бы уже и вовсе не существовало.

Но и сам горный кряж под телом Гельварда медленно распрямлялся. Каменная стена, только что почти вертикальная, постепенно расползалась на запад и восток, постепенно разглаживалась, и вершина кряжа как бы спускалась к его ногам. Перед глазами возникла трещина (ущелье? горная долина?), она неуклонно смыкалась, и Гельвард перебросил крюк с выступа в эту щель. Еще миг — и крюк зажало словно клещами.

Вершина кряжа сплющилась и очутилась под Гельвардом. Неведомая сила завладела им и перенесла через гребень. Но чудо — веревка не

лопнула и удержала его в горизонтальном положении.

То, что некогда было кряжем, превратилось в жесткую складку, подпершую ребра, живот попал в долину за цепью гор, а ноги в поисках опоры заскребли по другому, более дальнему кряжу, от которого тоже уже не осталось почти ничего.

Гельвард был распластан над поверхностью планеты, гигантским покрывалом нависнув над целым горным районом.

Пытаясь облегчить свою участь, он приподнялся. И, вздернув голову, вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. С севера задул холодный ветер, но ветер был лишен упругости, лишен кислорода. Гельвард вновь опустил голову, положив подбородок на грунт. На этом уровне воздух был достаточно густой, чтобы дышать.

Ветер принес облака, и они стелились в нескольких дюймах над почвой плотной белой пеленой. Они клубились вокруг Гельварда, обтекая его тело.

Рот оставался ниже облаков, глаза видели их сверху.

Гельвард смотрел поверх облачной пелены. Сквозь жидкую, разреженную атмосферу взгляд проникал далеко-далеко на север.

Гельвард очутился на краю бытия; вся громада мира лежала перед ним, как на ладони.

Он мог бы сейчас объять взглядом весь мир.

К северу от Гельварда земля была плоской, ровной, словно крышка от стола. Но впереди вдалеке она вздымалась вверх, симметрично изгибаясь с обеих сторон и взрезая горизонт исполинским шпилем. Шпиль тянулся в небо, все сужаясь, становясь все изящнее и острее, и невозможно было определить, есть ли у этого острия конец.

Шпиль переливался яркими красками. У основания — обширные коричневые и желтые мазки, переслоенные зеленью. А дальше на север — синева, чистая глубокая синева, от которой становилось больно глазам. И поверх всего этого — облака, тонкие белесые завитки и хлопья, а то и плотные скопления ослепительной белизны.

Солнце садилось. Наливаясь пурпуром, уходило на северо-восток за немыслимый вогнутый горизонт.

Солнце выглядело все так же. Широкий плоский диск, сплющенный по экватору, а к полюсам, вверх и вниз, выгнутый длинными заостренными копьями.

С того дня, как Гельвард впервые вышел из Города, он видел солнце так часто, что облик

светила уже не вызывал у него вопросов. Но теперь он понял: его собственный мир, его планета имеет точно такую же форму.

9

Солнце зашло, и мир окутала тьма.

Сила, тянущая на юг, набрала такую мощь, что тело вроде бы и не касалось подпирающих его складок, некогда бывших горами.

Гельвард висел во мраке на веревке, словно намереваясь взобраться по ней на вертикальную стену или отвесный утес; разум твердил ему, что тело не меняло горизонтального положения, но все его ощущения восставали против разума.

Крепость веревки не внушала больше доверия. Вытянув руку во тьме, Гельвард уцепился кончиками пальцев за какие-то крохотные выступы (не они ли недавно были горами?) и подтянулся вперед.

Поверхность под ним разгладилась, и найти новую опору стоило невероятных трудов. Он бы и не нашел ее, если бы не обнаружил, что способен, напрягая все мышцы, вдавить пальцы в грунт настолько, чтобы продвинуться еще чуть-чуть… на дюймы, но в ином измерении на целые мили. Сила, влекущая на юг, не ослабла ни на йоту.

Он бросил отслужившую свою службу веревку и пополз. Еще дюйм, еще — и ноги нащупали низ-

кий гребешок, что издали прикидывался горой. Упершись хорошенько, Гельвард продвинулся сразу на несколько дюймов.

Постепенно сила начала слабеть, отступать, пока Гельвард не понял, что может удержаться на месте, не взнуздывая себя отчаянием. Он на секунду расслабился, надеясь перевести дух. Однако сила тут же снова принялась за свое, отчетливо нарастая с каждым мгновением, и он снова пополз. Полз до тех пор, пока не сумел подняться на четвереньки.

Назад на юг он не оглядывался. Что осталось там, позади?

Он полз бесконечно долго, потом наконец почувствовал, что можно встать. Идти приходилось резко наклонившись вперед, как против ветра. Но мало-помалу неведомая сила ослабевала, и спустя какое-то время Гельвард поверил, что выбрался из опасной зоны.

Обернувшись назад, он не разглядел ничего: там тоже лежала тьма. Над головой висели облака — те самые, что совсем недавно клубились вокруг лица. За облаками пряталась луна. В своем простодушии Гельвард никогда не задавался вопросом об облике ночного светила — он видел луну много раз и принимал ее как она есть; а ведь

и луна имела ту же странную форму.

Он поднялся и продолжил путь на север — чудовищная сила по-прежнему шла на убыль. Все окружающее во мгле казалось смутным, лишенным примет, да он и не обращал ни на что внимания. Сознанием владела неотвязная мысль: он должен, должен во что бы то ни стало уйти достаточно далеко, чтобы во время сна его не уволокло обратно в зону, где сила станет неодолимой. Теперь он усвоил основополагающую истину этого мира: почва, как и утверждал Клаузевиц, действительно движется на юг. На севере, там где остался Город, это происходит почти незаметно — миля за десять дней. Но чем дальше на юг, тем стремительнее движение, пока ускорение не достигает немыслимых величин. Гельвард видел это своими глазами: за одну ночь ускорение выросло настолько, что тела женщин катастрофически изменились. Пропорции их тел, как и все вокруг, кроме него самого, ответили на изменение ускорения линейным искажением.

Вот почему Городу никогда не видать покоя. Город обречен вечно перемещаться вперед и вперед, — остановка означала бы долгое, поначалу неуловимо медленное сползание к югу, в прошлое, пока ускорение не всех и вся в зону,

где горы превращаются в гребешки высотой в несколько дюймов и где безжалостная сила неизбежно разнесет постройки и людей вдребезги и отправит их в небытие.

Впрочем, в те часы, что Гельвард шагал и шагал на север по странной, погруженной во тьму местности, он и не пытался искать объяснения тому, что только что испытал. Пережитое слишком уж противоречило элементарной логике: почва обязана быть твердью, неспособной к движению. Горы не должны сплющиваться, понижаясь на глазах. Человеческие существа не должны сбавлять в росте вшестеро; пропасти не должны смыкаться; грудные дети не должны захлебываться в крике и рвоте от материнского молока.

Ночь давно вступила в свои права, а Гельвард не ощущал усталости, только легкую боль от перенапряжения в мышцах, выдержавших такую нагрузку там, на изменчивых горных склонах. Мелькнула мысль, что день прошел что-то слишком быстро, куда быстрее, чем он ожидал.

Опасная зона осталась далеко позади, но сила, тянущая к югу, была еще слишком велика, чтобы расположиться на ночлег. Мало радости спать на грунте, который движется под тобой и вместе с тобой, стаскивая тебя туда, откуда ты едва-едва

вырвался…

Он был частицей Города; он, как и Город, не мог позволить себе остановиться.

Наконец, усталость одолела Гельварда, он повалился и заснул прямо на голой земле.

Проснулся он с восходом солнца, и сразу подумал о силе, тянущей на юг: не прибавилась ли она за ночь? Встревоженный, он вскочил на ноги, но равновесия не потерял; сила никуда не делась, он ощутил ее — примерно такой же, как запомнилось перед сном.

Он посмотрел на юг.

И не поверил своим глазам: там высились горы.

Но как же так, не может быть! Он же не просто видел, он *осязал* всем существом, как они сглаживаются в складки высотой в какие-нибудь полтора-два дюйма. И тем не менее вот они, вновь громоздятся у горизонта — отвесные, изузбренные, увенчанные снегами.

Гельвард поднял с земли рюкзачок — все, что осталось от двух объемистых тюков, — и проверил его содержимое. Веревку вместе с крючьями он потерял, большая часть его снаряжения осталась у женщин, когда он их покинул; однако и сейчас в его распоряжении был спальный мешок,

фляга с водой и несколько пакетиков синтетической пищи. Во всяком случае, какое-то время он продержится.

Слегка подкрепившись, он вскинул рюкзачок на плечо.

Взглянул вверх на солнце, твердо решив сегодня не терять ориентации ни во времени, ни в пространстве.

И зашагал на юг, в сторону гор.

Сила медленно нарастала, завладевала им, настойчиво тянула вперед. Горы на глазах понижались, теряя высоту. Почва, по которой он шел, становилась все более вязкой, о окрестный пейзаж сливался в смутные поперечные полосы.

Солнце катилось по небу со скоростью, на какую просто не имела права.

Одолев назойливую силу, Гельвард остановился, как только горы впереди вновь превратились в волнистую гряду невысоких холмов.

Сегодня он не был снаряжен для того, чтобы двигаться дальше. Он повернулся к горам спиной и направился обратно на север. Через час наступила ночь.

Гельвард шел сквозь ночь до тех пор, пока сила заметно не ослабла, затем прилег отдохнуть.

С рассветом на юге вновь поднялись горы…

именно горы, а не холмы.

На сей раз он решил не ходить никуда, а оставаться на одном месте и ждать. С каждым часом сила все возрастала. Его отчетливо сносило на юг, к горам, вместе с почвой, а он сидел и ждал, пока горы не начали потихоньку терять высоту и разъезжаться в стороны.

Тогда он свернул лагерь и тронулся в путь, не дожидаясь прихода новой ночи. С него довольно — пора возвращаться в Город.

Вопреки здравому смыслу, надежда на возвращение не успокоила, а встревожила его. Должен ли он доложить кому-то о том, что с ним случилось? Честно говоря, он был до сих пор не способен вместить увиденное и испытанное в своем сознании, а уж тем более привести все это в какую-то систему и внятно изложить ее другим.

Самым ошеломляющим из все его недавних впечатлений была, конечно же, картина мира, распростертого перед ним и под ним. Доводилось ли кому-нибудь испытать что-либо подобное? Как переварить, как постигнуть явление, которое даже глазу оказалось не дано объять до конца? На запад и на восток — да, насколько он мог судить, и на юг — поверхность планеты, по-видимому, не имела границ. И только на севере,

строго на севере, она обретала определенную, но совершенно невероятную форму закругленного по бокам изящного острия, уходящего ввысь, в бесконечность.

Как солнце, как луна. И как, по-видимому, все небесные тела в окрестной вселенной.

Теперь три человека — что прикажете доложить о них? Мог ли он быть уверен, что они благополучно добрались до своего селения, если их превратило в карикатуры, с которыми было невозможно общаться, а потом и полоски, которые стало не разглядеть? Они перешли в свой собственный мир, полностью враждебный ему.

А малыш — что сталось с малышом? Дитя Города, не подверженное изменениям, как и сам Гельвард, и не способное окарикатуриться подобно всему вокруг… Росарио, вероятно, была вынуждена его оставить, и теперь малыш уже мертв. А если еще и жив, то движение почвы неизбежно вынесет его на юг, в зону, где сила достигнет такой мощи, что убьет его.

Погруженный в мрачные раздумья, Гельвард шагал и шагал, почти не замечая ничего вокруг. И только когда приостановился, чтобы сделать глоток воды, с удивлением понял, что знает, где находится, — среди скальных обнажений к севе-

ру от расселины, через которую строили мост.

Глотнув воды из фляги, он пошел назад по собственным следам. Чтобы отыскать дорогу в Город, надо прежде всего обнаружить колею, а в том районе, где строили мост, шансов на это было больше, чем в любом другом.

И правда, ему вскоре встретилась речка, которую до того он, видимо, пересек в задумчивости, не заметив. Отнюдь не уверенный, что это именно та речка, — ее и речкой-то назвать было трудно, разве что ручейком, — он все же двинулся вниз по течению. Мало-помалу берега ручейка приподнялись, стали круче, но расселины не было и в помине Гельвард взобрался наверх и побрел в обратном направлении, против течения. Ландшафт казался дразняще знакомым, но ручеек поразительно сузился и обмелел, — наверное, это все же другой ручеек…

И тут он приметил внизу, у воды, вытянутое черное пятно, а подойдя ближе, уловил слабый запах гари. Он всмотрелся и понял, что перед ним след костра. Его собственного костра, разожженного всего несколько дней назад.

Ручеек, журчащий теперь совсем рядом, был в ширину не больше ярда, — а ведь когда он купался здесь с женщинами, полоса воды казалась по

крайней мере вчетверо шире. Он опять поднялся наверх и после долгих поисков обнаружил на берегу вмятину — по видимому, яму под фундамент опорной башни.

Расстояние от берега до берега в той точке составляло от силы пять-шесть ярдов. От воды внизу Гельварда отделяли какие-то жалкие несколько футов.

Здесь, на этом самом месте, Город пересек расселину, казавшуюся бездонной.

Гельвард двинулся на север и спустя недолгое время заметил следы шпал. Следы были мелкие, по семнадцати футов в длину, и лежали в трех дюймах друг от друга.

К вечеру следующего дня окружающие предметы приобрели более или менее обычный вид. Деревья выглядели деревьями, а не раскидистыми кустами. Камешки под ногами стали округлыми, а расплывчатые пятна зелени превратились в пучки травы. Правда, колея, по которой он шел, лишь отдаленно напоминала ту, какую клали путевые бригады, да и просвет между путями оставался слишком велик — и все же Гельвард свыкнулся с мыслью, что путешествию скоро конец.

Дни шли за днями, он потерял им счет, зато

местность казалась теперь хорошо знакомой, и кроме того, он не сомневался: сколько бы ни длилось его путешествие, оно все равно оказывалось куда короче, чем предсказывал Клаузевиц. Даже принимая в расчет те два или три дня в зоне предельных искажений, что промелькнул с неправдоподобной быстротой, Город никак не мог переместиться более чем на одну-две мили.

Уверенность в том, что цель близка, подбадривала Гельварда: ведь запасы воды и пищи почти иссякли.

Он продолжал путь, и снова шли дни, а впереди не было заметно никаких признаков Города, и, хуже того, колея упорно не хотела сужаться до заданной ширины. Впрочем, он уже так привык к неизбежности линейных искажений, что не придавал им особого значения.

Но однажды поутру его испугала незваная мысль: на протяжении нескольких суток ширина колеи вроде бы совсем не менялась. Не достиг ли он района, где скорость движения почвы в точности равна темпу его ходьбы? И не означает ли это, что он, как белка в колесе, по существу топчется на месте? На час-другой он даже прибавил шагу, пока испуг не отступил перед доводами разума. В конце концов, он благополучно выбрался из

горной зоны, где сила, тянущая на юг, была неизмеримо мощнее…

Почему же дни бегут, а Город не приближается? Он распечатал два последних пакетика концентрата и дважды наполнял флягу из местных источников. Затем настал день, когда пища подошла к концу — и вдруг Гельварда охватило острое возбуждение. Смерть от голода ему больше не грозила: он узнал, где находится! По этим самым холмам он ездил верхом с меновщиком Коллингсом — в то время эти места лежали в двух-трех милях к северу от оптимума. Учитывая, что он отсутствовал самое большее мили три, до Города теперь рукой подать!..

Полотно со шрамами от шпал перевалило за небольшой гребень, и… Города впереди по-прежнему не оказалось. Шрамы по-прежнему оставались длиннее, чем следовало, и просвет, отделявший Гельварда от соседнего, левого внешнего пути, был явно выше нормы.

Все это, решил Гельвард, могло означать только одно: за время его отсутствия в Городе нашли способ перемещаться много быстрее, чем раньше. Может статься, Город даже опередил оптимум и попал в края, где скорость движения почвы становится ниже. Гельвард начал догадываться,

что за настойчивым стремлением гильдиеров вперед и вперед кроется еще одна причина: они надеются, что там, за оптимумом, есть зона, где почва не движется совсем. И тогда Город сможет остановиться. Исполинское беличье колесо наконец-то затормозит.

10

Гельвард лег на голодный желудок и спал плохо. Утром он промочил горло водой из фляги и сразу отправился дальше. Город должен быть совсем, совсем близко…

Однако в полуденный зной пришлось дать себе передышку. Местность была голой и открытой, нигде ни деревца. Гельвард без сил опустился на край полотна.

Тупо глядя в одну точку перед собой, он внезапно заметил троих людей, которые не спеша шли в его сторону. В сердце затеплилась надежда: эти трое из Города, их послали найти и спасти его. Подпустив их поближе, он попытался встать, но оступился и упал ничком.

— Эй! Ты из Города?..

Гельвард открыл глаза и взглянул на говорящего. Над ним склонился молодой человек в форме ученика гильдии. От изумления у Гельварда отвисла челюсть, и он лишь слабо кивнул.

— Ты болен? Что с тобой?

— Ничего, обойдется. Еда у тебя есть?

— Сначала выпей немного.

Молодой человек протянул Гельварду флягу с

водой, и тот сделал жадный глоток. Вода была затхлая и безвкусная, городская вода.

— Ты можешь встать?

Гельвард поднялся на ноги не без помощи своего спасителя, и они сошли с полотна в ложбинку, где росло несколько чахлых кустиков. Гельвард сел, а молодой человек снял со спины объемистый тюк. Гельвард снова изумился: тюк был точно таким же, какой дали в дорогу ему самому.

— Ты кто? Мы знакомы? — спросил он.

— Ученик Келлен Личен.

Личен! Он же прекрасно помнил Личена по яслям…

— А я Гельвард Манн.

Келлен Личен раскрыл пакет синтетической пищи и капнул в котелок воды. Вскоре перед Гельвардом возникла порция серой каши, привычной с детства, и он набросился на нее с небывалым энтузиазмом.

В отдалении, у полотна, стояли две женщины, пришедшие вместе с Келленом.

— Значит, тебя послали в прошлое, — констатировал Гельвард, глотая кашу.

— Именно.

— Я только что оттуда.

— Ну, и как там?

Неожиданно Гельвард вспомнил, как встретил Торролла Палхема при почти аналогичных обстоятельствах.

— Ты и сейчас уже в прошлом. Разве ты ничего не чувствуешь?

Келлен покачал головой.

— На что ты намекаешь?

Гельвард намекал на силу, тянущую к югу, — слабенький ее отголосок он ощущал при ходьбе до сих пор. Но ведь Келлен наверняка еще и не подозревал о ней. Быть может, ее просто нельзя отделить от других ощущений, пока она не проявит себя во всю мощь.

— Этого не расскажешь, — ответил Гельвард. — Ступай дальше — сам все поймешь. — Он оглянулся на женщин: они присели на землю, подчеркнуто отвернувшись от горожан. По лицу Гельварда скользнула невольная улыбка. — Послушай, Келлен, Город далеко отсюда?

— Не очень. Миль пять, не больше.

Пять миль! Выходит, движенцы с путейцами оставили оптимум далеко позади.

— Не мог бы ты дать мне еды? Совсем немножко… только чтобы добраться до Города.

— О чем речь!..

Келлен вынул и протянул Гельварду четыре пакета. Тот подержал их минутку, потом вернул три из четырех обратно.

— Мне хватит одного. Остальные тебе и самому пригодятся.

— Да нам теперь уже недалеко, — возразил Келлен.

— Знаю. И все-таки они тебе пригодятся. — Он смерил Келлена пристальным взглядом. — Скажи, тебя давно вывели из яслей?

— Миль пятнадцать назад.

Но Келлен был куда моложе Гельварда и его однокашников! С полной отчетливостью припоминалось: Келлен учился на два класса ниже. Что же, выходит, они теперь набирают учеников из воспитанников младших возрастных групп? Однако выглядел Келлен почти ровесником Гельварда, его мускулистое тело не походило на тело подростка.

— Сколько тебе стукнуло?

— Шестьсот шестьдесят пять.

Что за ерунда — Келлен по крайней мере миль на пятьдесят моложе Гельварда, а ему-то самому, по собственному счету, едва исполнилось шестьсот семьдесят миль!

— С путейцам работал?

— Конечно. Каторжная у них работенка…

— Это я и сам знаю. Я другого не понимаю: каким образом Городу удалось перемещаться так быстро?

— Быстро? Это были трудные мили. Пришлось пересекать реку, а теперь Город застрял меж высоких холмов. Мы здорово задержались. Когда я уходил, мы отставали от оптимума на целых шесть миль.

— На шесть миль? Тогда, значит, оптимум стал двигаться быстрее?

— Насколько мне известно, нет. — Келлен смотрел мимо Гельварда на своих подопечных. — Слушай, я, пожалуй, пойду. Тебе стало получше?

— Да, спасибо. Как ты с ними ладишь?

Келлен усмехнулся.

— Да ничего. Конечно, лингвистические барьеры и так далее, но мне сдается, что мы потихоньку находим общий язык.

Гельвард расхохотался и опять вспомнил Пэлхема.

— Поторапливайся, — посоветовал он. А то через пару дней спохватишься, да будет поздно.

Келлен Личен ответил ему недоуменным взглядом, потом решительно поднялся на ноги и направился к женщинам, которые только тут

поняли, что остановка была кратковременной и громко запротестовали. Когда экспедиция тронулась дальше, Гельвард обратил внимание, что одна из женщин расстегнула рубашку донизу и завязала полы узлом.

Поскольку Келлен любезно пополнил его рацион, Гельвард был уверен, что теперь-то уж нагонит Город без труда. По сравнению с расстоянием, оставленным позади, пять миль — совершеннейший пустяк, и он рассчитывал добраться до Города к закату. Путь лежал по местности, совершенно ему незнакомой: что бы там ни говорил Келлен, а Город в отсутствие Гельварда продвинулся далеко вперед.

Наступил вечер, а Города по-прежнему не было видно. Единственный обнадеживающий признак — шрамы от шпал приблизились к нормальным размерам: остановившись хлебнуть оды, Гельвард тщательно промерил ближайший шрам — около шести футов.

Полотно опять шло на подъем и взбегало на гребень. Гельвард не сомневался, что Город в лощине за гребнем, и вновь прибавил шагу: хоть бы увидеть его до прихода ночи…

Солнце уже касалось горизонта, когда подъем наконец сменился спуском и перед Гельвардом

открылась широкая долина. По долине текла полноводная река. Полотно устремлялось вниз, к южному ее берегу… и продолжалось на противоположной стороне. Насколько хватало глаз, оно уходило все дальше на север, пока не терялось в лесу. Города нигде не было.

Растерянный и рассерженный, Гельвард смотрел на долину до глубоких сумерек, потом — делать нечего — разбил лагерь на ночь.

Наутро он поднялся с рассветом и вскоре спустился к реке. Южный ее берег хранил множество следов бурной человеческой деятельности: почва была истоптана и превратилась в грязное месиво, повсюду валялись куски дерева и расколотые основания шпал. Да и из воды торчали шпалы, уложенные штабелями, — очевидно, остатки быков моста, по которому Город переправился на ту сторону.

Придерживаясь за один из таких быков, Гельвард вошел в воду по грудь, потом поплыл. Течение подхватило его и снесло чуть ли не на полмили вниз, прежде чем он нащупал дно и выкарабкался на северный берег.

Он был мокрым до нитки — и тем не менее побрел вверх по течению, пока не вышел обратно к полотну. Рюкзачок, да и форма казались втрое

тяжелее, чем прежде; раздевшись донага, он разложил одежду на солнышке, а рядом расстелил спальный мешок и рюкзак, вывернутые наизнанку. Форма высохла уже через час, и он натянул ее на себя — ему не терпелось двинуться дальше. Правда, спальный мешок был еще сыроват, но Гельвард надеялся досушить его на следующей стоянке.

Он уже вскинул рюкзачок за спину, когда услышал странный дребезжащий свист и что-то больно ударило ему в плечо. Гельвард стремительно обернулся, заметил арбалетную стрелу, упавшую на траву, и, за неимением другого убежища, нырнул в ближайшую яму, выкопанную под основание шпалы.

— Ни с места!

Бросив взгляд в направлении, откуда раздался голос, Гельвард не увидел ничего, кроме густых кустов ярдах в пятидесяти. Он осмотрел плечо: стрела разорвала рукав, но крови не было. Свой арбалет он потерял вместе со всем остальным имуществом и теперь чувствовал себя беззащитным.

— Не шевелись, я подойду сам…

Мгновение спустя из-за кустов поднялся человек в такой же, как у Гельварда, форме ученика

гильдии. Арбалет, зараженный новой стрелой, был направлен в лицо противника. Гельвард отчаянно крикнул:

— Не стреляй! Я тоже из Города!..

Человек ничего не ответил, но продолжал потихоньку двигаться на Гельварда, пока не замер в пяти шагах от него.

— Ладно, можешь встать. — Гельвард подчинился в надежде, что его наконец-то признают за своего. — Кто ты такой?

— Я же сказал — я из Города…

— Какой гильдии?

— Разведчиков будущего.

— Повтори последнюю фразу клятвы.

Гельвард от удивления затряс головой.

— Ты что, рехнулся?

— Ну-ка, не увиливай! Давай последнюю фразу…

— «Принося эту клятву, я отдаю себе полный отчет в том, что нарушение любого из ее пунктов…»

Человек опустил арбалет.

— Ладно, не обижайся. Я хотел убедиться. Как тебя зовут?

— Гельвард Манн.

Нападавший пристально вгляделся Гельварду

в лицо.

— Черт побери, тебя и не узнать! Ты же отрастил бороду…

— Джейз!..

Они всматривались друг в друга еще несколько секунд, затем сердечно обнялись. Действительно, с тех пор, как они виделись в последний раз, много воды утекло, и оба изменились до неузнаваемости. Тогда они были безбородыми сопляками, неспособными приподняться над мелкими обидами и разочарованиями ясельной жизни; теперь они преобразились не только внешне, но и внутренне. В яслях Джелмен Джейз прикидывался удальцом, презирающим вожжи обязательного для всех распорядка, и выдвинулся в лидеры беззаботных и безответственных юнцов, которые «не торопились» взрослеть. Теперь, стоя с заново обретенным другом у реки, Гельвард сразу же убедился, что от былой бравады не осталось и следа. Опыт, приобретенный за стенами Города, не только обветрил Джейзу лицо, но и отшлифовал характер. Ни Джейз, ни сам Гельвард ничем не напоминали теперь выросших в одной каюте мальчишек, бледных, наивных, неразвитых физически; испытания быстро превратили их в загорелых, бородатых,

сильных, закаленных мужчин.

— С чего это ты надумал в меня стрелять? — поинтересовался Гельвард.

— Я принял тебя за мартышку.

— Ослеп, что ли? Ведь на мне форма…

— Форма нынче ничего не значит.

— Как это ничего?

— Видишь ли, Гельвард, многое изменилось. Сколько учеников ты повстречал там, в прошлом?

— Двоих. Ты третий.

— То-то и оно. А известно тебе, что Город посылает экспедиции в прошлое почти каждую милю? Нас должно быть видимо-невидимо. И раз мы се идем одной дорогой, мы должны бы без конца встречаться друг с другом. А на самом деле ничего подобного. Потому что учеников перехватывают мартышки. Их самих убивают, а форму забирают себе. На тебя нападали?

— Нет.

— А на меня нападали.

— Все равно ты мог бы сначала проверить, кто я такой, а уж потом хвататься за арбалет.

— Это был предупредительный выстрел. Я не целил в тебя.

Гельвард показал на порванный рукав.

— В таком случае, ты скверный стрелок.

Джейз сделал два шага в сторону, подобрал упавшую стрелу, и, внимательно осмотрев ее, уложил обратно в колчан.

— Надо бы нам нагнать Город, — заявил он, возвращаясь к приятелю.

— А ты знаешь, где он?

— Сам не могу понять, — признался Джейз встревоженно. — Я уже отшагал черт знает сколько миль! Он что, прибавил скорость?

— По моим сведениям, нет. Я только вчера говорил с учеником, идущим навстречу. Так тот меня уверял, что Город, напротив, замешкался и отстал от оптимума.

— Куда же к черту он запропастился?

— Город где-то там…

Гельвард махнул рукой на север, вдоль железнодорожного полотна.

— Тогда пошли следом.

Но день склонился к закату, а Гельварда они так и не нагнали — хотя колея наконец-то сузилась вроде бы до нормальных размеров — и разбили лагерь в лесочке у веселого, прозрачного ручейка.

Джейз оказался оснащен куда лучше Гельварда. У него был не только арбалет, но даже лишний

спальный мешок и палатка (отсыревший мешок Гельварда пришлось выбросить), а также вдосталь еды.

— Ну, и что же ты обо всем этом думаешь? — спросил Джейз.

— О том, что видел в прошлом?

— Вот именно.

— Все пытаюсь разобраться, и не получается, — признался Гельвард. — А ты?

— Наверное, то же самое. Это противоречит всякой логике, и все-таки я виде это и испытал, а стало быть, так оно и есть.

— Как почва может двигаться, будто вода?

— Ты тоже заметил? — отозвался Джейз.

— А как было не заметить? Почва движется, иначе это необъяснимо.

Позже каждый в свою очередь поведал приятелю о том, что выпало ему на долю после яслей. Рассказы существенно отличались друг от друга.

Джейза вывели из яслей на несколько миль раньше Гельварда, и практика вне Города сложилась у него в принципе очень похоже. Впрочем, была разница, даже довольно значительная — Джейз еще не обзавелся семьей, а потому его приглашали проводить время в обществе переселенных женщин. И когда пришла пора

отправляться в прошлое, выяснилось, что он уже знаком с теми двумя, которых ему отдали под опеку. От них-то он и услышал о том, какие легенды складывают туземцы о людях Города. Города, населенного якобы безжалостными гигантами, которые грабят, убивают и насилуют женщин.

Уже в начальные дни экспедиции Джейз понял, что его подопечные испуганы, и стал допытываться, почему. В ответ он услышал, что женщины боятся объявляться среди своих соплеменников, так как их тут же прикончат, и хотели бы вернуться в Город. Но к этому моменту Джейз уже обратил внимание на первые признаки линейных искажений, и его одолело любопытство. Он отправил женщин назад, полагая, что обратную дорогу они найдут и сами, и решил провести денек в одиночестве, исследуя необычные явления на свой страх и риск.

Он пошел дальше на юг, но за день не случилось ничего, что его особенно бы заинтересовало, и он попытался нагнать женщин. Он обнаружил их на третьи сутки. С перерезанным горлом, висящими на дереве головой вниз. Не успел Джейз оправиться от ужаса, как подвергся нападению толпы туземцев, среди которых некоторые были в форме учеников. Ему удалось ускользнуть, но

его преследовали по пятам. Следующие три дня слились в сплошной кошмар. Удирая о погони, он упал и сильно вывихнул ногу. Дальше бежать он не мог — оставалось только прятаться. Кроме того, преследователи вынудили его уйти далеко от полотна и переместиться на несколько миль южнее. И когда они, наконец, отступились и оставили его в покое, он ощутил постепенное нарастание силы, тянущей к югу. Вокруг расстилалась местность, какой он никогда не видел. Джейз описал Гельварду все, что тот познал и сам: чудовищность неодолимой силы, плоский, бесформенный ландшафт — и немыслимые физические искажения всего вокруг.

Джейз пытался выбраться обратно к полотну — но увечная нога не позволяла ему передвигаться с достаточной быстротой. Кончилось тем, что пришлось приковать себя к земле крюком и веревкой. Он надеялся, что сумеет переждать таким манером день-другой, пока не поправится, но сила все возрастала, он побоялся, что веревка не выдержит, и пополз на север. Это длилось долго, он хлебнул лиха, но все-таки вырвался из самой опасной зоны и пустился вдогонку за Городом.

Однако прошло немало дней, прежде чем ему удалось хотя бы отыскать железнодорожную

колею. В результате своих изысканий он познакомился с географией района куда лучше Гельварда, чьи наблюдения исчерпывались ближайшими окрестностями полотна.

— Известно тебе, что там, — Джейз показал на юго-запад, — есть еще один город?

— Еще один город? — переспросил Гельвард, не веря своим ушам.

— Ну, не совсем такой, как наш Город Земля. Тот город стоит на грунте.

— Что-о?

— Он огромный. Раз в десять, если не в двадцать, больше, чем Земля. Сперва я даже не понял, что вижу. Я думал, это просто еще одно туземное поселение, ну, чуть посолиднее. А это город, понимаешь, Гельвард, такой же, как те, про которые нам рассказывали в яслях… как те, что на Планете Земля. Сотни, тысячи зданий — и все стоят на грунте.

— А люди там есть?

— Есть, но не слишком много. Не знаю, что там случилось, но мне показалось, что город заброшен. Я не мог там задержаться — не хотел, чтобы меня увидели. Но все эти здания… какая красота!..

— Может, сходим туда?

— Нет, не стоит. Повсюду слишком много мартышек. Что-то произошло, обстановка изменилась. Они теперь лучше организованы, наладили связь между собой. Раньше, когда Город подъезжал к какой-нибудь деревушке, мы сплошь и рядом оказывались первыми пришельцами извне, кого там видели за долгие годы. Но по тому, что мне успели рассказать женщины, я понял, что теперь все не так. Слухи о Городе опережают его движение, и мартышки нас невзлюбили. Они никогда особенно нас не жаловали, но прежде они были раздроблены, а теперь, мне сдается, они задумывают разрушить Город.

— И ради этого выряжаются в форму учеников, — съязвил Гельвард, все еще не понимая, что Джейз говорит серьезно.

— Форма — это ерунда. Они убивают учеников и напяливают их форму только ради того, чтобы легче было приблизиться к следующей жертве. Прежде чем напасть на Город, они должны организоваться и набраться решимости… и похоже, что это вот-вот случится, если еще не случилось.

— Никогда не поверю, что они представляют для нас большую угрозу.

— Может, и нет. Но не забывай, что тебе повезло.

Назавтра они вышли с рассветом и спешили изо всех сил. За весь день они ни разу не позволили себе остановится дольше, чем на три-пять минут. Шрамы от шпал и сама колея вернулись к норме, и путников подхлестывала мысль, что идти осталось час, самое большее полтора…

Далеко за полдень они достигли поворота — полотно плавно огибало вершину высокого холма, взбегало по склону… И, добравшись вместе с колеей до седловины, они увидели Город, недвижимый в широкой долине внизу.

Оба замерли как вкопанные.

Город изменился, в его облике появилось что-то новое. И это что-то заставило Гельварда бросится вниз напрямик, не разбирая дороги.

С высоты было видно, что вокруг Города, как обычно, суетится множество людей: позади него четыре путевые бригады выкорчевывали старые рельсы, впереди еще больше народу ставили быки через реку, преграждавшую Городу дальнейший путь. Преобразился сам Город — вся южная часть была изуродована, обуглена…

Охраняли Город еще строже, чем раньше; Гельварда и Джейза остановили и потребовали назвать свои имена. Они кипели от негодования — ведь ясно, что с Городом случилось какое-то

несчастье, а их тут задерживают… Но пришлось ждать, пока из Города не пришлют подтверждение на их счет, а тем временем Гельвард выяснил у старшего стражника, что за последние мили туземцы дважды ходили в атаку. Вторая атака была яростнее первой. Убиты двадцать три стражника, а в самом Городе потерям несть числа.

Радость возвращения в одно мгновение сменилась отрезвляющей горечью. Дождавшись подтверждения, Гельвард и Джейз продолжали путь в молчании.

Ясли сгорели дотла; большую часть погибших составляли именно дети. Эта тягостная новость была не единственной — почти на всех уровнях Города видны были какие-то удручающие перемены, но Гельвард уже не мог реагировать на каждую из них. Новые и новые горькие вести оттесняли зрительные впечатления. Время обдумывать все наступило значительно позже.

Во-первых, Гельвард узнал, что отца нет в живых: не прошло и нескольких часов с минуты их расставания, как его сердце остановилось. Сообщил Гельварду об этом Клаузевиц — и тот же Клаузевиц объявил ученичество законченным.

Во-вторых, Виктория родила ребенка, мальчика, но он оказался в числе тех, кто погиб при

пожаре.

В-третьих, Виктория подписала документ, расторгающий их брак. Теперь она живет с другим и ожидает нового ребенка.

И в-четвертых, — эта новость была, несомненно, связана со всеми остальными событиями, но оттого она не стала менее неожиданной. Центральный календарь поведал Гельварду о том, что за время его отсутствия Город переместился на семьдесят три мили, и, несмотря на это, находится в настоящий момент в восьми милях позади оптимума. А ведь по своей собственной, субъективной оценке Гельвард отсутствовал никак не дольше трех миль.

Он воспринял все это как бесспорные, хоть и жестокие факты. Пережить их предстояло потом, а сейчас Город готовился к отражению новой неизбежной атаки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Долина была погружена во мрак и тишину. Вдалеке, на северном берегу реки, дважды подряд мигнул красный фонарь — и вновь воцарилась тьма.

Но вот секунд десять спустя где-то глубоко в недрах Города заурчали моторы лебедок, и его исполинская туша медленно, дюйм за дюймом поползла вперед. Звук моторов раскатился по долине громовым эхом.

Я и еще два десятка горожан затаились в густом подлеске, укутавшем весь склон холма. На время переправы, одной из самых драматических за всю историю Города, меня сызнова зачислили в стражники. Третья вылазка туземцев ожидалась с минуты на минуту, — но если только Город достигнет северного берега, сам характер окружающей местности позволит ему защищаться достаточно успешно для того, чтобы успеть дотянуть путь до прохода сквозь холмы на севере. А там, у холмов, Город займет опять-таки выгодную для обороны позицию и выстоит до завершения следующего этапа путевых работ.

По нашим сведениям, где-то тут во мраке до-

лины скопились полторы сотни туземцев, и все с ружьями. Грозный враг, особенно если учесть, что Город располагал лишь двенадцатью ружьями, захваченными в предыдущих стычках. К тому же патроны все до последнего расстреляны при отражении второй атаки. Оставалось рассчитывать только на арбалеты — в ближнем бою их стрелки разили насмерть — да еще на точность разведывательных данных. Именно разведчики надоумили наших командиров выделить резерв для внезапной контратаки, и меня отрядили в него.

Еще несколько часов назад, как только спустились сумерки, мы заняли эту позицию, господствующую над долиной. Главные оборонительные порядки, три ряда арбалетчиков, были развернуты вокруг Города. Как только Город вкатится на мост, им предписывалось начать отступление и создать надежный заслон у насыпи на южном берегу. Туземцы, естественно, сосредоточат огонь на арбалетчиках, тут-то мы и ударим по нападающим из засады.

Впрочем, если повезет, до контратаки может и не дойти. Да, разведка доложила, что туземцы готовятся к новой вылазке, но мостостроители справились со своей задачей раньше, чем

предполагалось, и была надежда, что Город благополучно переправится под покровом темноты на другую сторону, прежде чем противник сообразит, что к чему.

Но в тишине долины вой лебедок разнесся на многие мили вокруг. Головные башни Города только-только вползли на мост, как послышались первые выстрелы. Я взвел арбалет, зарядил его стрелой и положил руку на предохранитель.

Ночь выдалась облачная, видимость оставляла желать лучшего. По ружейным вспышкам я догадался, что туземцы расположились неправильным полукольцом примерно в ста ярдах от наших оборонительных порядков.

Ружейный огонь становился все гуще. Туземцы, по-видимому, наступали. Город вкатил на мост уже половину своей неподъемной туши — и упорно двигался вперед.

Откуда-то издали раздалась команда:

— Свет!..

И внезапно над южной оконечностью Города вспыхнуло восемь солнц-прожекторов. Их лучи прошли над головами арбалетчиков и озарили всю окрестную равнину. Туземцы, застигнутые врасплох, не успели спрятаться и были видны как на ладони.

Первый ряд стражников разрядил свои арбалеты в цель и пригнулся, закладывая новые стрелы. То же самое сделали стражники второго, а затем третьего ряда. Только понеся тяжелые потери, нападающие догадались распластаться на земле и открыть стрельбу по силуэтам защитников Города, ясно различимым на фоне прожекторов.

— Потушить свет!..

Тьма показалась кромешной, и под ее прикрытием арбалетчики рассеялись и сменили позицию. Через полминуты свет вспыхнул вновь, и они произвели новый залп. Маневр опять застал нападавших врасплох, и они снова понесли потери. Как только свет выключили, защитники Города вернулись на прежние позиции. Маневр повторился еще и еще раз.

Внизу послышался предупреждающий крик, и когда прожекторы зажглись вновь, мы увидели, что туземцы пошли в атаку. А Город тем временем уже въехал на мост целиком.

Внезапно что-то оглушительно взорвалось, и по борту Города полыхнули языки пламени. Мгновением позже еще один взрыв раздался на самом мосту, и пламя принялось жадно пожирать сухую древесину настила.

— Резерв, к бою!

Я поднялся в ожидании следующего приказа. Страха я не чувствовал, напряжение долгих часов, проведенных в засаде, куда-то улетучилось.

— Вперед!..

Прожекторы над Городом осветили нам всю картину сражения. В большинстве своем туземцы схватились со стражниками врукопашную, но несколько стрелков залегли и стали вести по Городу прицельный огонь. Им удалось поразить два прожектора, и те со звоном погасли.

Пожар на мосту, да и в самом Городе разгорался с каждой секундой все ярче.

У самого берега я вдруг заметил туземца, сжимавшего в отведенной для броска руке металлический цилиндр. Меня отделяли от злоумышленника какие-нибудь двадцать ярдов. Я прицелился и пустил стрелу… она вонзилась ему в грудь. Зажигательная бомба взорвалась в двух шагах от убитого, опалив все вокруг клубами пламени.

Наша контратака, как и предполагалось, оказалась для противника полной неожиданностью. Нам удалось сразить еще троих туземцев, но тут они дрогнули и пустились наутек, один за другим исчезая в ночной тени на западе.

На какое-то время в наших собственных рядах

возникло замешательство. Город горел, да и на мосту были два крупных очага пожара — один под самым Городом, другой чуть позади. Надо было бы немедля броситься сбивать пламя, но кто мог поручиться, что враги отступили все до последнего?

Лебедки продолжали упрямо тянуть Город дальнему берегу, однако настил местами прогорел насквозь, и доски, взметая на лету фонтаны искр, срывались в воду.

Порядок удалось восстановить довольно быстро. Командир стражников отдал приказ, и люди разделились на два отряда. Один отряд занял оборону у въезда на мост, другой, к которому примкнул и я, был послан воевать с огнем.

Впервые горожане столкнулись с зажигательными бомбами еще при предыдущей атаке, и тогда же под днищем Города были установлены пожарные гидранты. К несчастью, ближайший из них сорвало взрывом, и струя воды без толку хлестала вниз, в реку. Второй гидрант уцелел, мы размотали короткий шланг и принялись за дело. Однако пожар на мосту так неистовствовал, что мы оказались почти бессильны с ним справиться. Правда, основная часть Города уже миновала самый опасный участок, но задним па-

рам ведущих колес еще предстояло пройти через пламя; действуя в густом дыму среди языков огня, я заметил, что рельсы предательски оседают и вот-вот не выдержат.

С оглушительным ревом сорвался и рухнул вниз целый прогоревший пролет. Дым был слишком густым, и мы задыхаясь, были вынуждены выбраться из-под днища, так ничего и не добившись.

Пламя, лизавшее стены Города, тоже еще не угасло, но городские пожарные команды, кажется, справлялись со своей задачей успешнее нашего. Лебедки натужно выли — и Город потихоньку сползал с моста на более безопасный северный берег.

2

Наутро Город стал считать свои раны. Людей мы потеряли в общем-то немного. В перестрелке были убиты три стражника и еще пятнадцать ранено. Внутри Города серьезно пострадал лишь один человек — его изуродовало при взрыве зажигательной бомбы.

Зато материальные убытки оказались очень серьезными. Целая секция административного квартала сгорела дотла, многие квартиры, поврежденные огнем и водой из пожарных шлангов, стали непригодны для житья.

Больше всего пострадало днище. Стальная рама — опора всех семи уровней — конечно же, уцелела, но к ней крепились деревянные балки и конструкции — и от некоторых из них просто ничего не осталось. Ведущие колеса на правом внешнем пути сошли с рельсов, а одно даже раскололось. Заменить его было нечем, пришлось попросту снять с оси и выбросить.

Пламя на мосту продолжало бушевать и после того, как Город переполз на северный берег. Мост погиб безвозвратно, а с ним — сотни ярдов драгоценных рельсов, скрученных и деформиро-

ванных огнем.

Я провел два дня вне Города с путевыми бригадами, снимающими уцелевшие звенья рельсов на южном берегу реки, затем меня вызвал Клаузевиц.

В сущности, я не бывал в стенах Города очень давно, час-другой по возвращении из экспедиции не в счет — и даже не успел доложить руководителям гильдии о своих наблюдениях. Насколько я мог судить, чрезвычайное положение перечеркнуло все формальности, и конца ему пока не предвиделось: атаки туземцев повели к серьезным задержкам, оптимум отодвигался все дальше и дальше, — в общем, я никак не ожидал, что меня отзовут с путевых работ по какой-либо причине.

У тех, кто работал на путях, состояние безумной спешки сменялось безысходным отчаянием. Звено за звеном рельсы вытягивались на север, к проходу между холмами. Но куда девалось чувство раскованности и свободы, скрашивавшее мне когда-то первые тяжкие дни практики?! Да, теперь я осознавал мотивы, вынуждающие Город к неустанному перемещению, — но людям было не до мотивов, людям было даже не до туземцев, — они просто стремились выжить,

любой ценой выжить во враждебном окружении. Путевые бригады, стражники, движенцы — все мы боялись новых атак, но никто ни словом не обмолвился о необходимости нагнать оптимум или о страшной опасности, надвигавшейся на нас из прошлого. Город находился в кризисном положении.

В стенах Города также произошли очевидные перемены.

Погасли яркие светильники, исчезли стерильная чистота коридоров и атмосфера всеобщей четкости и порядка.

Лифт вышел из строя. Многие двери были заперты наглухо, в одном из коридоров напрочь обвалилась стена — наверное, после пожара, — и каждый заглянувший сюда мог без помех наблюдать, что творится снаружи. Мне вспомнилось, как возмущал Викторию режим секретности, установленный гильдиерами, — теперь этому режиму, без сомнения, пришел конец.

Мысль о Виктории причинила мне боль: я еще не успел толком разобраться в том, что случилось. За срок, промелькнувший для меня как несколько дней, она предала забыла, забыла, как мы понимали друг друга без лишних слов, и начала новую жизнь, в которой мне уже не было места.

С момента возвращения я еще не встречался с ней, хотя не приходилось сомневаться, что весть обо мне достигла ее ушей. Пока не миновала внешняя угроза, мне все равно было с ней не свидеться, да я, пожалуй, и не хотел этого. Сперва надлежало разобраться в себе. Тот факт, что она ждет ребенка от другого, — мне не преминули сообщить, что он администратор из службы просвещения по фамилии Юнг, — вначале не слишком задел меня просто потому, что я в него не поверил. Уж очень недолго, по собственным меркам, я отсутствовал, а такого рода события требуют времени…

Даже найти дорогу к штаб-квартире верховных гильдий оказалось нелегким делом. Внутренняя планировка Города стала иной, незнакомой.

Повсюду меня окружали толкотня, гвалт и грязь. Каждый свободный квадратный ярд был отдан под временные спальни, и даже в коридорах лежали раненные. Часть стен и переборок была разобрана, а у входа в штаб-квартиру верховных гильдий — там, где раньше размещались удобные, заботливо обставленные комнаты отдыха для гильдиеров, — приютилась построенная на скорую руку кухня.

И над всем этим витал неистребимый запах

горелой древесины.

Город бесспорно стоял на пороге коренных реформ. Сама традиционная система гильдий распадалась на глазах. Многие горожане уже поменялись ролями: в составе путевых бригад мне доводилось сталкиваться с людьми, впервые в жизни оказавшимися за городским стенами, — до начала полосы атак они были инженерами службы синтеза, учителями или клерками внутренней службы. О том, чтобы использовать наемный труд, теперь не могло быть и речи, каждая пара рук ценилась на вес золота. Зачем при таких обстоятельствах я срочно понадобился Клаузевицу, оставалось полной загадкой.

В кабинете разведчиков будущего его не оказалось. Я подождал с полчаса, но тщетно, и, рассудив, что на путевых работах приносил и приношу Городу больше пользы, чуть было не ушел.

Навстречу мне попался разведчик Дентон.

— Вы разведчик Манн?

— Так точно.

— Нам с вами приказано выехать из Города. Вы готовы?

— Меня вызвали к разведчику Клаузевицу.

— Совершенно верно. Он и послал меня за вами.

Верхом ездить умеете?

За время своей экспедиции я и позабыл, что на свете существуют лошади.

— Умею.

— Хорошо. Встретимся на конюшне через час.

С этими словами он скрылся за дверью кабинета. Я оказался на целый час предоставленным самому себе. Мне нечем было заняться, не с кем поговорить. Все мои связи с Городом безвозвратно оборвались, даже облик его не пробуждал воспоминаний — все слишком переменилось после пожара.

Я отправился на южную сторону взглянуть собственными глазами на то, что осталось от яслей, но там не сохранилось ничего, даже пепелища. То ли постройки сразу сгорели дотла, то ли их скелеты впоследствии демонтировали, только на месте классов и кают теперь была видна лишь голая сталь опорной рамы. Я беспрепятственно смотрел отсюда на реку и на южный берег, где мы сражались с туземцами. Рискнут ли они еще раз напасть на нас? Их обратили в бегство, но если Город действительно вызывает у туземцев такую ненависть, они рано или поздно оправятся от поражения и атакуют нас снова.

Только сейчас у руин собственного детства до

меня дошло, насколько же мы уязвимы. Город не был создан для того, чтобы отражать вражеские атаки, — он был медлителен, неповоротлив, построен из легко воспламеняющихся материалов. Пути, канаты, деревянные башни и стены — все это было так легко разрушить и сжечь.

Туземцы, наверное, и не догадываются, как несложно было бы разрушить Город до основания: всего-навсего лишить его способности к перемещению, а потом сидеть сложа руки и ждать, пока движение почвы не снесет его на юг, к верной гибели.

Поразмыслив немного, я пришел к выводу, что местные жители, к счастью для нас, не способны разгадать нашу главную слабость, а узнать о ней им не от кого. Ведь насколько я мог судить, странные превращения, происходившие с моими подопечными в крайней южной зоне, казались превращениями только мне, сами они их даже не замечали.

Здесь, вблизи оптимума, линейные искажения не наблюдались — или наблюдались в самой незначительной степени, — и и мартышки не улавливали разницы между собой и нами. Только если бы им удалось, пусть непреднамеренно, задержать нас настолько, что никакие лебедки

не смогли бы противостоять силе, тянущей к югу, только тогда мартышки сообразили бы, что это смертельно и для Города, и для его обитателей.

Даже при нормальных условиях местность, лежащую впереди, следовало бы оценит как нелегкую: за холмами, закрывшими горизонт на севере, вероятно, прячутся другие холмы, ничуть не ниже. Как прикажете догонять оптимум и мыслимо ли это вообще?

Правда, в настоящий момент Город находится в относительной безопасности. С одной стороны река, с другой — постепенно повышающаяся равнина, где агрессору не найти никакого укрытия. Стратегически мы заняли выгодную позицию, во всяком случае удовлетворительную с точки зрения охраны путевых работ.

Мелькнула мысль, что следовало бы использовать предоставленный мне час для того, чтобы сменить одежду, — ведь я не снимал ее ни днем, ни ночью бог знает как давно. Мысль эта вновь напомнила мне о Виктории: как она, бывало, морщила нос, когда я являлся к ней в форме после долгих дней практики! Лучше бы, решил я, не встречаться с ней до отъезда…

Еще раз посетив штаб-квартиру разведчиков, я навел справки. Да, действительно, форму можно

время от времени менять: мне, ныне полноправному гильдиеру, даже полагался новый комплект, но, как назло, ни одного подходящего не оказалось. Правда, мне пообещали подыскать что-нибудь пристойное к моменту, когда мы вернемся в Город.

Когда я спустился в конюшню, Дентон уже поджидал меня. Мне дали лошадь, и мы без лишних задержек тронулись на север.

3

Дентон оказался спутником не из самых словоохотливых. Он безотказно отвечал на любой мой вопрос, но от ответа до ответа хранил молчание. Я не испытывал большого неудобства: мне хотелось подумать, и Дентон мне не мешал.

Старое правило гильдиеров оставалось в силе — я понял так, что должен, как и прежде, наблюдать и делать собственные выводы, не полагаясь ни на чью помощь.

Мы проехали вдоль намеченной линии полотна, обогнули холм, миновали проход, заметный издали от реки, и поднялись на седловину. Отсюда путь вел вниз вдоль крохотного ручейка. Впереди виднелась роща, а за ней новая гряда холмов.

— Дентон, почему мы покинули Город в такой момент? — спросил я. — Там сейчас каждый человек на счету…

— Работа разведчиков всегда важна.

— Даже важнее защиты Города?

— Несомненно.

Потом, пока мы ехали вдоль ручейка, он пояснил мне, что за последние мили разведка

оказалась запущенной — отчасти из-за стычек с туземцами, отчасти из-за вечной нехватки народу в нашей гильдии.

— Мы обследовали местность только до тех холмов, — сказал он. — Вон та роща, конечно, не вызовет у путейцев восторга, да и мартышкам там легче спрятаться, но Городу нужна древесина. За холмы наши коллеги заезжали примерно на милю, а дальше — дальше начинается неразведанная территория.

Он показал мне карту, начерченную на длинном бумажном свитке, и напомнил значение отдельных символов. Наша работа, как я понял, сводилась к тому, чтобы продолжить карту на север. У Дентона был геодезический инструмент на деревянной треноге, время от времени он слезал с лошади и, установив треногу, вымерял что-то через глазок и делал пометки на карте.

Поклажи у нас была куча, лошадям приходилось несладко. В придачу к большому запасу пищи и спальным принадлежностям каждому из нас полагался арбалет с полным колчаном стрел; кроме того, мы везли лопаты и кирки, походную химико-геологическую лабораторию и видеокамеру с запасом пленок. Камеру Дентон доверил мне, предварительно проинструктировав, как ею

пользоваться.

Обычный метод разведки, по его словам, заключался в том, что в один и тот же отрезок времени гильдиеры поодиночке или группами выезжали на север разными маршрутами. Возвращаясь в Город, каждый представлял детальную карту местности, по которой проехал, и видеозапись основных вех своего маршрута. Все материалы передавались в Совет навигаторов, который, сличив данные из разных источников, и выбирал, каким путем двигаться дальше.

Перед вечером Дентон остановился, наверное, в шестой раз и начал опять возиться с треногой. Вымерил высоту окружающих холмов, затем с помощью гирокомпаса точно установил, где север. И наконец, прикрепил к крючочку на треноге свободно качающийся маятник. Маятник представлял собой грузик с нацеленным вниз острием, и, когда он перестал качаться и замер, Дентон сунул под нашу треногу градуированную шкалу-мишень с концентрическими кругами.

Острие почти точно касалось центра мишени.

— Мы в районе оптимума, — сообщил Дентон. — Вам понятно, что это значит?

— Не вполне, — признался я.

— Вы же побывали в прошлом, не так ли? — Я

подтвердил, что да, побывал. — В этом мире все время приходится бороться с центробежной силой. Чем дальше на юг, тем отчетливее она проявляет себя. Вернее сказать, она присутствует в любой точке к югу от оптимума, но в радиусе двенадцати миль отсюда практически нам не мешает. Вот если бы Город отстал от оптимума больше, чем на двенадцать миль, тогда начались бы настоящие беды. Впрочем, если вы испытали действие центробежной силы на себе, то знаете это и сами… — Он еще повозился со своим инструментом. — Восемь с половиной миль. Таково сейчас расстояние от оптимума до Город, расстояние, которое предстоит наверстать…

— Но как устанавливается точка оптимума? — поинтересовался я.

— По нулевому гравитационному искажению. Оптимум нужен нам как точка отсчета для вычисления скорости движения Города. А вообще-то это не точка, а линия, кольцом опоясывающая мир.

— И оптимум все время смещается?

— Нет. Оптимум неподвижен, это почва непрерывно перемещается с севера на юг.

— Ах, да, верно…

Мы упаковали свое снаряжение и поехали дальше на север. Перед закатом мы не спеша

разбили лагерь на ночь.

4

Рутинная процедура разведки будущего не требовала пока особых умственных усилий. Мы не торопясь продвигались к северу, и единственное, что я делал более или менее постоянно, — озирался по сторонам: не прячутся ли где-нибудь злокозненные туземцы? По мнению Дентона, вероятность нападения на наш отряд была очень мала, и все же мы держались настороже.

Я до сих пор не мог отделаться от благоговейного ужаса тех минут, когда вся планета расстелилась передо мной и подо мной. Да, я пережил это, но пережить — еще не значит понять.

На третий день пути я неожиданно для себя стал припоминать, чему же меня учили в детские и юношеские мили. Сам не знаю, что именно навело меня на такие воспоминания; наверное, целая вереница впечатлений, и не в последнюю очередь — шок, испытанный в те минуты, когда я стоял над голой рамой, не так давно служившей фундаментом для яслей.

С того самого дня, как меня вывели из яслей, я не слишком часто задумывался, какое же образование мне там дали. В свое время, как и

большинство сверстников, я воспринимал все, чему меня учили, как совершеннейшую ерунду, которую можно было одолевать разве что из-под палки. Но теперь, оглядываясь назад, я убеждался, что знания, навязанные нам против нашей воли, на службе интересам Города обретали как бы новую глубину.

К примеру, нам преподавали предмет, нагонявший на нас непроходимую тоску, — учителя называли эту тоску «география». На уроках нам частенько талдычили про технику геодезических и картографических работ; в замкнутом пространстве яслей знания оставались по существу чисто теоретическими. А теперь, спустя мили и годы, эти тоскливые часы оказались вдруг проведенными не без пользы. Немного сосредоточься, чуть покопайся в сравнительно недавней, хоть и не слишком отзывчивой памяти — и все, что мне втолковывал Дентон, усваивалось без труда.

И другие предметы, в свое время казавшиеся теоретическими, на поверку имели практическое применение. Ученику любой гильдии еще до выхода из яслей исподволь давали представление о работе, которая его ожидает, а в придачу и сведения о конструкции Города и деятельности других гильдий. Я был, конечно же, совершенно

не подготовлен к каторжному физическому труду у путейцев, зато без всякого напряжения, почти инстинктивно понял принципы действия механизмов, которые тащат Город по рельсам. Точно так же нашло свое объяснение и то, почему на уроках истории учителя назойливо вдалбливали нам азы военной стратегии и тактики: у меня лично бесконечные тренировки стражников не вызывали ничего, кроме отвращения, но им самим, профессионально посвятившим себя защите Города, эти уроки пошли на пользу.

Подобная логика привела меня к мысли: а не было ли в моем образовании каких-то штрихов, которые исподволь готовили бы меня к восприятию диковинной формы этого мира?

На уроках, специально посвященных астрономии и астрофизике, о планетах всегда говорили как о телах шарообразных. Земля — Планета Земля, а не Город Земля — описывалась как слегка сплющенный у полюсов сфероид, нам даже показывали карты отдельных участков ее поверхности. На этом, впрочем, особенно не задерживались, предоставляя нам расти в заблуждении, что планета, на которой находится Город Земля, — такой же шар, как Планета Земля. Ни один урок, ни одно слово учителей не про-

тиворечили такому допущению; в сущности, природа мира, в котором мы жили, не обсуждалась вообще.

Мне было известно, что Планета Земля входит в состав системы планет, обращающихся вокруг шарообразного Солнца. В свою очередь, вокруг Планеты Земля вращается шарообразный спутник — Луна. Опять-таки, вся эта информация казалась чисто теоретической. Ее практическая неприменимость ничуть не всполошила меня и тогда, когда я попал за стены Города: уж очень отчетливо и сразу выявилось, что мы существуем в ином, несходном мире. Ни солнце, ни луна здесь не были шарообразными, не была шарообразной и планета, на которой мы жили.

Но где же все-таки мы находимся?

Ответ на этот вопрос, вероятно, следовало искать в прошлом.

Что я знал о прошлом? Довольно много, хотя на уроках истории в яслях нам рассказывали исключительно о прошлом Планеты Земля. По преимуществу ее история сводилась к военным походам, возвышению и падению отдельных государств и правительств. Нас просветили, что время на Планете Земля измерялось в годах и столетиях и что достоверно изученная ее история

охватывала период более двух тысяч лет. У меня сложилось прочное, хотя, быть может, и не слишком обоснованное впечатление, что жизнь на Планете Земля была не очень-то привлекательной: сплошные распри, войны, территориальные притязания, экономические кризисы. Была разработана концепция цивилизации: цивилизованные люди, как нам объяснили, стекались в города. Отсюда следовало, что и мы, жители Города Земля, вполне цивилизованны, хотя наша жизнь вовсе не напоминала бытие тех землян. Там цивилизация была насквозь пропитана жадностью и эгоизмом: те, кто жил в цивилизованном состоянии, беспощадно эксплуатировали тех, кто жил по-другому. На Планете Земля не хватало элементарных жизненных благ, и люди из цивилизованных стран монополизировали эти блага, поскольку были экономически сильнее. Экономическое неравенство и лежало в основе всевозможных распрей.

Внезапно мне открылось, что наша цивилизация не так уж отлична от той, земной. Наш Город вышел на военную тропу в результате осложнения отношений с туземцами, которое, в свою очередь, явилось следствием нашей меновой торговли. Мы не оказывали на них прямого эко-

номического давления, но располагали избытком благ — тех же, которых недоставало на Планете Земля: пищи, энергии, сырья. Нам не хватало рабочих рук, и мы расплачивались за них благами, которые имелись у нас в избытке.

Процесс был вывернут наизнанку, опрокинут с ног на голову, но по существу оставался тем же процессом эксплуатации.

Следуя уже проторенным путем рассуждений, я понял, что изучение истории Планеты Земля было особенно полезно тем, кто становился гильдиерами-меновщиками, но к ответу на интересующие меня вопросы этот вывод не приближал ни на шаг. История, преподанная нам в яслях, начиналась и заканчивалась на Планете Земля, и в ней не обнаруживалось и намека на то, каким образом Город очутился в нашем опрокинутом мире, и на то, кто были его основатели и откуда они пришли.

Одно из двух: или об этом сознательно умалчивают, или за давностью лет сами запамятовали все, что знал раньше.

Надо полагать, многие гильдиеры бились над теми же загадками, силясь выстроить какую-то систему представлений, и, по всей вероятности, где-то в недрах Города существовали либо набор

готовых ответов, либо общепринятая гипотеза, с которой я еще не сталкивался. Но я уже усвоил неписаные законы, укоренившиеся в сознании каждого полноправного гильдиера. Чтобы выжить в этом мире, следовало действовать, рассчитывая только на самих себя: в коллективном плане — без устали перемещая Город на север, прочь от зоны жутких линейных искажений, а в личном — приучаясь жить независимо от других. Разведчик Дентон был именно таким независимым, самостоятельным человеком, такими же в большинстве своем были и все другие, с кем мне доводилось общаться. И я хотел быть как все и делать выводы без посторонней помощи. Я мог бы поделиться своими раздумьями с Дентоном, но предпочел промолчать.

Наше продвижение на север никак нельзя было назвать ни быстрым, ни прямым. Вместо того, чтобы ехать строго на север, мы ежедневно отклонялись то к востоку, то к западу. Время от времени Дентон определял наше местонахождение по отношению к оптимуму, и ни разу не случилось, чтобы мы обогнали его больше чем на пятнадцать миль. В конце концов я поинтересовался, что мешает нам забраться еще дальше.

— Вообще говоря, — ответил он, — обычно мы

уезжаем как можно севернее. Но Город в критической ситуации. И мы ищем не просто самый легкий маршрут, но еще и такой, который позволял бы нам успешно защищаться.

Составляемая нами карта день ото дня становилась все полнее и подробнее. Дентон разрешил мне работать с аппаратурой, когда и сколько я захочу, и вскоре я наловчился управляться с ней не хуже, чем он. Я выучился проводить геодезическую съемку местности, замерять высоту холмов, определять положение любой точки относительно оптимума. А более всего мне нравилось возиться с видеокамерой — моему наставнику приходилось даже сдерживать мой энтузиазм, чтобы я не разрядил батареи.

Все вокруг дышало миром и покоем, все было так несхоже с напряженной обстановкой в Городе, да и Дентон, даром что молчун, оказался умным и приятным компаньоном. Беспокоило одно: я уже потерял счет времени — во всяком случае прошло не менее двадцати дней, а он вроде бы и не собирался возвращаться домой.

На всем пути мы повстречали лишь одну деревушку, приютившуюся в неглубокой долине. Подъезжать к ней мы не рискнули — Дентон просто пометил ее на карте, проставив рядом

ориентировочное число жителей.

Ландшафт становился все зеленее, все живописнее. Солнце палило по-прежнему беспощадно, зато здесь чаще выпадали дожди, особенно по ночам, и мы то и дело натыкались на ручейки и речки. Все, на что падал взор: естественные препятствия, особенности местности — Дентон заносил на карту без комментариев. В задачу разведчиков будущего не входило выбирать или рекомендовать Городу дальнейший маршрут; наша деятельность исчерпывалась тем, что мы готовили точный и объективный отчет о том, что таится впереди.

Красота окружающей нас местности успокаивала, расслабляла, притупляла бдительность. Через полтора-два десятка миль Город минует эти места, по существу, не обратив ни на что внимания. Своеобразная эстетика путейцев и движенцев предпочла бы этой цветущей, ласкающей взор природе вытертую ветрами пустыню.

В часы, свободные от замеров и съемок, я по-прежнему предавался размышлениям. Нет, даже при желании я не смог бы вычеркнуть из памяти немыслимую картину мира, распростертого передо мной. Томительно долгие ясельные годы определенно скрывали какой-то момент,

который подсознательно готовил меня к этому зрелищу, — но какой и когда? Мы живем в плену аксиом; если нам исподволь внушали, что мир, по которому перемещается Город, ничем не отличается от любого другого мира, то не логично ли допустить, что нас так же исподволь готовили к догадке диаметрально противоположной?

Подготовка к этому немыслимому зрелищу для меня началась вроде бы в то утро, когда Дентон впервые вывел меня из Города, чтобы я собственными глазами убедился, что солнце похоже на что угодно, только не на шар. И все-таки было и что-то еще… раньше, гораздо раньше.

Я выждал еще два-три дня, вороша память всякий раз, когда выдавалась свободная минута, затем меня осенило. Как-то под вечер мы с Дентоном разбили лагерь в открытой местности неподалеку от широкой, ленивой реки, и тут я, взяв видеокамеру и записывающий блок, в одиночку отправился на пологий холм примерно в полумиле от лагеря. С вершины холма открывался широкий вид на северо-восток.

По мере того, как солнце склонялось к горизонту, атмосферная дымка смягчала его сияние, и, как всегда, стали различимы контуры массивного диска с устремленными вверх и вниз остриями. Я

включил камеру и снял панораму заката. Потом перемотал пленку и убедился, что изображение получилось четкое и устойчивое.

Кажется, я мог бы любоваться закатами без конца. Небо наливалось багрянцем, диск скрывался за горизонтом, а следом стремительно уходило верхнее острие. Еще несколько минут в центре багрового зарева горело как бы оранжево-белое пятнышко, потом оно исчезало, и наступала ночь.

Я снова прокрутил пленку, следя за солнцем на крошечном экранчике. Остановив кадр, я снижал яркость изображения до тех пор, пока контур светила не стал совершенно отчетливым.

Передо мной в миниатюре возник образ мира. Моего мира. И я был уверен, что видел это образ неоднократно — задолго до того, как покинул тесные стены яслей. Странные симметричные изгибы напоминали какой-то чертеж, который мне когда-то показывали…

Я долго вглядывался в экранчик, потом во мне заговорила совесть, и я отключил питание — батареи следовало поберечь. Я даже не сразу вернулся к Дентону, мучительно припоминая, когда же и кто же нарисовал на картоне четыре кривых и поднял листок над головой, чтобы мы

запомнили форму мира, в котором борется за существование неповоротливый Город Земля.

Карта, которую составляли мы с Дентоном, мало-помалу приобрела законченный вид. Нарисованная на свитке плотной бумаги, она смахивала на длинную узкую воронку — острием воронки служила рощица примерно в миле на север от той точки, где мы видели Город в последний раз. Весь наш извилистый путь уместился в границах этой воронки, — таким образом, крупные объекты были обмерены по периметру, и собранные данные мы проверили и перепроверили.

Наконец, Дентон объявил работу законченной, пришла пора возвращаться в Город. Со своей стороны, я отснял видеокамерой разведанную нами местность в разных ракурсах, чтобы Совет навигаторов, если захочет, смог, выбирая маршрут для Города, взглянуть на эту местность своими глазами. Со слов Дентона я знал, что за нами последуют другие разведчики, составители таких же карт-воронок. Вполне вероятно, что их карты начнутся от той же рощицы, но отклонятся от нашей на пять-десять градусов к востоку или западу, или, если навигаторы сумеют наметить достаточно безопасный маршрут в пределах обследованного нами сектора, новые карты примут

старт от какого-то иного пункта и продвинут границы разведанного будущего дальше на север.

Мы тронулись в обратный путь. Я ожидал, что теперь, собрав данные, за которыми нас посылали, мы будем скакать день и ночь, не считаясь с опасностью и пренебрегая отдыхом. Но ничуть не бывало — мы ехали все так же медленно, даже с ленцой.

— Разве мы не должны спешить? — наконец не стерпел я, заподозрив, что Дентон медлит в известной мере из-за меня; мне хотелось показать ему, что я вовсе не прочь поторопиться.

— В будущем спешить некуда и незачем, — последовал ответ.

Я не стал спорить, но ведь наше отсутствие продолжалось никак не меньше тридцати дней! За это время движение почвы снесло бы Город еще на три мили к югу, а следовательно, он должен был переместиться как минимум на три мили севернее, чтобы по крайней мере не очутиться еще ближе к гибели. Неразведанная территория начиналась всего-то в одной-двух милях от места стоянки у реки. Короче, собранные нами данные, как мне казалось, были нужны Городу как воздух…

Обратный путь занял у нас три дня. И на третий

день, едва мы навьючили лошадей и снялись с ночевки, я вдруг припомнил то, что так долго ускользало от меня. Припомнил ни с того, ни с сего, как обычно в тех случаях, когда искомое запрятано глубоко в подсознании. А мне-то думалось, что я исчерпал свою память до самого дна, однако назойливое, бесконечное, насилие над памятью оказалось не более плодотворным, чем зазубривание школьных дисциплин во время оно.

И вдруг я понял, что ответ был дан мне на уроках предмета, который я вовсе не принимал в расчет!

Это было в последние ясельные мили, когда наш учитель завел нас в дебри высшей математики. Все математические дисциплины неизменно вызывали у меня отрицательную реакцию — мне было неинтересно, и моя успеваемость оставляла желать лучшего, — а такое пережевывание абстрактных понятий тем более.

Мы приступили к изучению функций, и нам показали, как чертить графики этих функций. Именно графики и дали мне теперь ключ к ответу: у меня всегда были кое-какие способности к рисованию, и даже абракадабра в ее графическом выражении вызывала у меня известный

интерес. Впрочем, на этот раз интерес угас через пару-тройку дней, как только обнаружилось, что график нужен не сам по себе, а для того, чтобы лучше разобраться в свойствах функции… а я так и не взял в толк, что это за штука.

Один график обсуждали особенно долго и до оскомины детально.

График изображал кривую решений некоего уравнения, где одно решение было обратным, противоположным, другому. Кривая называлась гиперболой. Одна часть графика размещалась в положительном квадранте, другая — в квадранте отрицательном. В обоих квадрантах кривые стремились к бесконечности, как вверх и вниз, так и в стороны.

Учитель принялся рассуждать о том, что произойдет, если вращать этот график вокруг одной из его осей. Мне было непонятно, ни зачем вообще нужен график, ни тем более зачем его надо вращать, и я впал в дремоту. Но все же заметил, что учитель нарисовал на большом листе картона тело, которое могло бы получиться в результате подобного вращения.

Тело было непредставимым: диск бесконечного диаметра с двумя гиперболическими остриями вверху и внизу, сужающимися к бесконечно

далекой точке. Разумеется, сие была математическая абстракция, и я уделил ей внимания не больше, чем она, на мой взгляд, заслуживала. Но эту математическую абстракцию нам демонстрировали не просто так, и учитель рисовал ее не ради любви к рисованию. В окольной манере, в какой велось все наше обучение в яслях, нам в тот день показали мир, где мне суждено жить.

5

Мы с Дентоном проехали рощицу у ручейка. Впереди открылся тот самый проход между холмами.

Я невольно натянул поводья и остановил лошадь.

— Город! — воскликнул я. — Где же Город?..

— Надо думать, по-прежнему у реки.

— Тогда, выходит, Город разрушен!..

Я не видел никакого другого объяснения. Город за все эти тридцать дней не сдвинулся с места. Что могло задержать его? Только новая атака туземцев. В противном случае он по меньшей мере достиг бы прохода, лежащего перед нами.

Дентон наблюдал за мной, еле сдерживая улыбку.

— Вы, наверное, прежде не бывали далеко на север от оптимума? — осведомился он.

— Нет, не бывал.

— Но вы путешествовали в прошлое. Что случилось, когда вы вернулись?

— На Город напали туземцы.

— Да, конечно, но сколько миль прошло за время вашего отсутствия?

— Семьдесят три.

— То есть гораздо больше, чем вы ожидали?

— Много больше. Я же отсутствовал всего несколько дней, две-три мили от силы.

— То-то и оно. — Дентон тронул поводья, и мы двинулись дальше. — А на север от оптимума все наоборот.

— Что наоборот?

— Вам никогда не говорили о субъективном восприятии времени? — Мой взгляд, тупой и недоуменный, был красноречивее ответа. — К югу от оптимума субъективное время замедляется. Чем дальше на юг, тем заметнее. А в Городе, пока он находится вблизи оптимума, время течет более или менее нормально, и когда вы возвращаетесь из прошлого, вам представляется, что Город переместился куда дальше и быстрее, чем вы ожидали.

— Но мы сейчас ездили на север…

— Да, и добились прямо противоположного эффекта. На севере наше субъективное время ускорилось, и нам кажется, что Город застрял на месте. По опыту предполагаю, что, пока мы с вами прохлаждались на севере, в Городе прошло дня четыре. Точнее сказать не могу, поскольку сам Город в настоящий момент отстал от оптимума и

находится южнее, чем обычно.

Я довольно долго молчал, стараясь переварить услышанное. Потом спросил:

— Значит, если бы Город обогнал оптимум, ему не пришлось бы гнаться за милями с той же скоростью? Он мог бы остановиться?

— Нет. Город остановиться не может.

— Но как же? Если время на севере течет иначе, Город мог бы выгадать на этом.

— Нет, — повторил он. — Разница в субъективном восприятии времени относительна.

— Ничего не понимаю, — признался я.

Мы подъезжали к проходу. Коль скоро Город действительно там, где предсказывал Дентон, то через какие-нибудь десять минут мы увидим его.

— Взаимодействуют два фактора. Один фактор — движение почвы, второй — субъективные изменения в восприятии времени. Оба фактора безусловно реальны, но, по нашим данным, не обязательно прямо связаны между собой.

— Тогда почему…

— Постарайтесь понять. Почва движется — в прямом физическом смысле слова. На севере она движется медленно — и чем дальше на север, тем медленнее, на юге скорость ее движения возрастает. Если бы мы могли забраться очень далеко

на север, то в конце концов, вероятно, нашли бы точку, где почва не движется совсем. И напротив, на юге, как мы себе представляем, скорость движения почвы непрерывно возрастает, пока у самых дальних пределов этого мира не достигает бесконечно больших величин…

— Я побывал там, — вставил я, — у самых дальних пределов.

— Вы побывали… где? На сколько миль вы удалились от Города — примерно на сорок? Или, по стечению обстоятельств, чуть-чуть дальше? Ну что ж, этого довольно, чтобы ощутить возрастание скорости на себе… но поверьте, это только цветочки. Мы говорим сейчас о расстояниях в миллионы миль. Да, да, миллионы. А иные полагают, что и миллионы — еще не то слово. Основатель Города, Дистейн, считал, что этот мир велик бесконечно.

— Но ведь Город мог бы переместиться всего-то на восемь-десять миль и очутился бы к северу от оптимума.

— Да, и наша жизнь сразу стала бы намного легче. Город по-прежнему пришлось бы перемещать, но не так часто и не так быстро. Корень зла в том, что мы должны всеми силами держаться вровень с оптимумом.

— Да что, этот ваш оптимум медом помазан, что ли?

— Оптимум — это полоса, где условия максимально близки к условиям жизни на Планете Земля. У самой линии оптимума субъективное восприятие времени свободно от искажений, день равен ровно двадцати четырем часам. В любой другой точке этого мира дни субъективно растягиваются или укорачиваются. Почва в районе оптимума движется со скоростью примерно миля за десять дней. Оптимум важен для нас потому, что в мире, где все переменчиво, нам нужно хоть что-то постоянное. Не путайте мили расстояний с милями времени. Мы говорим, что Город переместился на столько-то миль, а на самом деле имеем в виду, что прожили столько раз по десять дней продолжительностью по двадцать четыре часа. В общем, заберись мы на север от оптимума — реального выигрыша мы все равно не получим.

Мы доехали до седловины — и перед нами выросли канатные опоры. Город находился в процессе перемещения. Куда ни глянь, повсюду стояли стражники — и вокруг самого Города, и вдоль путей. Мы решили, что скакать вниз нет резона, и спешились у опор, поджидая, пока пе-

ремещение не закончится.

— Вы читали Директиву Дистейна? — вдруг спросил Дентон.

— Нет, не читал. Но слышал о ней. Она упоминается в клятве.

— Совершенно верно. У Клаузевица есть копия. Теперь, раз вы стали гильдиером, вам надо с ней познакомиться. Дистейн разработал основные правила, как выжить в этом мире, и никто с тех пор не выдвинул против них разумных возражений. Прочтите Директиву, она поможет вам разобраться в окружающем чуть получше.

Миновал еще час, прежде чем перемещение было завершено. Туземцы на Город не нападали, да, по правде сказать, их было не видно и не слышно. Зато иные стражники теперь обзавелись ружьями, вероятно трофейными, подобранными на поле брани подле поверженных врагов.

Когда мы попали в Город, я первым делом направился к центральному календарю и выяснил, что за время нашего отсутствия здесь прошло всего-навсего три с половиной дня.

После короткого совещания у Клаузевица нас с Дентоном повели на аудиенцию к навигатору Макгамону. Мы довольно подробно описали местность, которую изъездили вдоль и поперек,

указывая главные ориентиры на карте. Дентон изложил свои соображения о том, какой маршрут можно было бы наметить для Города, деловито перечисляя естественные препятствия и обходные пути, позволяющие их миновать. В общем и целом, разведанный нами сектор был благоприятным. Правда, холмы не позволяли двигаться строго на север, зато на всем пути почти не встречалось крутых уклонов, и, более того, дальний край сектора лежал на несколько сот футов ниже, чем наша нынешняя стоянка у прохода.

— Немедленно пошлите на север две новые разведывательные группы, — распорядился навигатор, обращаясь к Клаузевицу. — Одну на пять градусов восточнее, другую на пять градусов западнее. Люди у вас найдутся?

— Да, сэр.

— Я сегодня же соберу Совет, и мы утвердим предложенный вами маршрут как временный. Если новые разведгруппы отыщут что-либо более привлекательное, мы успеем пересмотреть наши планы. Как скоро вы предполагаете наладить работу разведчиков по нормальному графику?

— Как только нам вернут гильдиеров, мобилизованных в стражу и на путевые работы, — ответил Клаузевиц.

— Это пока не представляется возможным. Придется ограничиться посылкой двух групп. Возобновите ваше ходатайство, как только положение станет спокойнее.

— Слушаюсь, сэр.

Навигатор забрал нашу карту и видеозаписи, и мы удалились из его покоев. Не теряя времени, я обратился к Клаузевицу:

— Сэр, разрешите мне отправиться с одной из двух новых групп.

Глава гильдии покачал головой.

— Нет. Вам положено три дня отпуска, затем вы вернетесь в путевую бригаду.

— Но, сэр…

— Таковы правила, продиктованные спецификой гильдии.

Клаузевиц повернулся и вместе с Дентоном направился обратно в кабинет разведчиков. Формально этот кабинет был теперь и моим, но я вдруг ощутил себя здесь лишним. Оказалось, что мне в буквальном смысле слова некуда деться. В течение тех нескольких дней, что я по возвращении с юга работал вне Города, я спал в одной из казарм рядом со стражниками; ныне, получив непрошеный отпуск, я вдруг спросил себя: а где мне, собственно, жить? В кабинете разведчиков

вроде бы были выдвижные койки, и, наверное, я мог бы там переночевать, но первым делом следовало бы повидаться с Викторией. Я и так откладывал объяснение слишком долго, — срочные задания за стенами Города давали мне для этого удобный повод. Я даже не пытался представить себе, к чему поведет такое объяснение, но, так или иначе, встреча стала неизбежной. Я получил обещанную мне новую форму и принял душ.

6

За три с половиной дня особых изменений в Городе не произошло; администраторы внутренней и медицинской службы все так же ухаживали за раненными перестраивали помещения под спальни, — в общем, были заняты по горло. Лица встречных, пожалуй, слегка просветлели, в коридорах поубавилось мусора, и все же момент для выяснения семейных дел выдался, видно, не самый подходящий.

Разыскать Викторию оказалось не так-то просто. Наведя справки у администратора внутренней службы, я спустился в одну из временных спален на втором уровне, но жену не застал. Пришлось обратиться к дежурной.

— Вы ее бывший муж?

— Как будто так. Где она?

— Она не желает вас видеть. И кроме того, она занята. Она сама свяжется с вами, когда сможет.

— Но я хочу ее видеть, — настаивал я.

— У вас ничего не получится. Извините, меня ждут дела.

Дежурная повернулась ко мне спиной и углубилась в какие-то бумаги. Я осмотрелся: в одном

углу спали работники, свободные от вахты, в другом на грубых койках метались раненные. Между койками ходили два-три человека, но Виктории среди них действительно не было.

Оставалось одно — подняться обратно в кабинет разведчиков. Правда, я не успел придти к определенному решению: слоняться по Городу без цели не имело ни малейшего смысла, лучше уж не медля присоединиться к одной из путевых бригад. Но сначала следовало все-таки взять у Клаузевица и прочесть пресловутую Директиву Дистейна.

В кабинете не оказалось никого из знакомых; единственный гильдиер, который сидел там, представился мне как разведчик Блейн.

— Вы ведь сын старика Манна?

— Да.

— Рад познакомиться. Уже побывали в будущем?

— Да, — вновь односложно ответил я.

Блейн мне понравился. Он был ненамного старше меня, и у него было свежее, открытое лицо. Он откровенно радовался тому, что нашел собеседника; по его словам, ему предстояло несколько часов спустя отправиться по одному из альтернативных разведывательных маршрутов,

а следовательно, провести в одиночестве десятки дней подряд.

— Мы что, обычно ездим в будущее в одиночку? — спросил я.

— Обычно да. Разрешается работать парами, если Клаузевиц даст добро, но большинство разведчиков предпочитают разъезжать где вздумается на собственный страх и риск. Я-то ка раз не принадлежу к их числу, мне скучно без компаньона. А вам?

— Я пока что был в будущем только однажды. С разведчиком Дентоном.

— Ну и как вы с ним ладили?

Беседа текла дружески, без той подчеркнутой сдержанности, какая осложняла разговор почти с любым гильдиером. Я и сам невольно перенял эту суховатую манеру и поначалу, наверное, показался Блейну застенчивым дурачком. Однако минут через десять его откровенность заразила и меня, я нашел ее очень привлекательной, и вскоре мы болтали как старые друзья.

Оттого-то я и признался ему, что сделал видеозапись заката.

— Надеюсь, вы стерли ее?

— Что значит — стер?

— Использовали этот кусок пленки повторно?

— Нет… а что, надо было использовать?

Он рассмеялся.

— Ну, если навигаторы увидят вашу запись, вы схлопочете хороший нагоняй… Не полагается тратить пленку ни на что, кроме контрольных съемок местности.

— А навигаторы непременно заметят это?

— Может, и нет. Может, их удовлетворит составленная вами карта и они просмотрят лишь отдельные кадры. Вряд ли они станут прогонять пленку из конца в конец. Но если вздумают прогнать…

— Но что я сделал плохого?

— Это запрещено. Пленка — штука ценная, и ее нельзя тратить как попало. Да в общем-то не расстраивайтесь. Но зачем вам понадобилось снимать закат, если не секрет?

— Хотел проверить одну занимающую меня мысль. У солнца такая интересная форма.

Блейн взглянул на меня с удвоенным любопытством.

— Ну, и к какому выводу вы пришли?

— Опрокинутый мир.

— Верно. Но как вы догадались? Кто-нибудь подсказал вам?

— Нет, просто вспомнил кривую, про которую

нам толковали на уроках. Гиперболу.

— А каковы следствия? Вы продумали их до конца? Например, что можно сказать о поверхности планеты?

— Разведчик Дентон говорил, что она очень велика.

— Это неточно, — поправил Блейн. Не очень велика, а *бесконечно* велика. К северу от Города поверхность прогибается до тех пор, пока не становится — почти — и все же не вполне вертикальной. К югу от Города она становится почти — но не вполне — горизонтальной. А поскольку планета вращается вокруг своей оси, то, обладая бесконечным по величине радиусом, она на экваторе вращается с бесконечно большой скоростью.

Он произнес все это ровным голосом, без всякого выражения.

— Вы шутите! — воскликнул я.

— Если бы шутил! Я говорю всерьез. Тут, вблизи оптимума, вращение планеты вокруг оси влияет на нас примерно так же, как если бы мы жили на Планете Земля. Дальше на юг, хотя угловая скорость вращения неизменна, влияние ее стремительно нарастает. Там, в прошлом, вы ведь испытали действие центробежной силы на себе?

— Испытал.

— Попади вы хоть немного дальше, мы с вами сегодня не беседовали бы. Центробежная сила — жестокая и неоспоримая реальность.

— Нас учили, — сказал я, — что ни одно тело не может достичь скорости большей, чем скорость света.

— Опять верно. Ни одно материальное тело. Теоретически окружность планеты по экватору бесконечно велика, и любая точка на экваторе движется с бесконечной скоростью. Но с другой стороны, есть, или по крайней мере должен быть, предел, где материя перестает существовать, и этот предел можно рассматривать как экватор. На экваторе этой планеты скорость ее вращения фактически равна скорости света.

— Значит, планета все-таки не бесконечна?

— Почти бесконечна. Во всяком случае, невероятно велика. Посмотрите на солнце.

— Смотрел. Часто смотрел.

— С солнцем то же самое. Если бы оно не вращалось, оно было бы бесконечно огромным.

— Но позвольте, — возразил я, — теоретически оно все равно бесконечно. Как может во всей вселенной найтись место для множества тел, если каждое из них бесконечно велико?

— Есть ответ и на этот вопрос. Только этот ответ вам не понравится.

— Откуда вы знаете? Сперва ответьте.

— Пойдите в библиотеку и возьмите какую-нибудь книгу по астрономии, безразлично какую. Все они написаны на Планете Земля, а потому исходят из одних и тех же посылок. Если бы мы находились на Планете Земля, то жили бы в бесконечной вселенной, на одном из множества заполняющих ее тел, каждое из которых, даже самое крупное, имеет конечные размеры. Здесь все наоборот: мы живем во вселенной, которая при всей своей необъятности имеет конечные размеры, однако эта конечная вселенная заполнена множеством бесконечно больших тел.

— Бессмыслица какая-то…

— Не спорю. Я же сказал, что ответ вам не понравится.

— Но как мы сюда попали?

— Это никому не известно.

— И куда делась Планета Земля?

— Это тоже никому не известно.

Я сменил тему:

— Там, в прошлом, на моих глазах стали твориться странные вещи. Со мной были три женщины. Когда мы ушли далеко на юг, их тела

начали изменяться. Они…

— А на севере, — перебил меня Блейн, — вы туземцев не встречали?

— Нет, мы… нам встречались поселения, но мы старались не подходить к ним.

— К северу от оптимума туземцы тоже физически изменяются. Они становятся очень высокими и тощими. Чем дальше на север, тем это заметнее.

— Мы ушли за оптимум миль на пятнадцать.

— Что же, тогда вы, наверное, еще не заметили ничего необычного. Уйди вы миль на тридцать пять, все вокруг изменилось бы до неузнаваемости.

Позже я задал Блейну еще один вопрос:

— Почему почва движется?

— Точно не знаю.

— А кто-нибудь знает?

— Думаю, что нет.

— Но куда она движется?

— Интереснее было бы спросить, не куда она движется, а *откуда*.

— А это известно?

— Дистейн считал, что движение почвы носит циклический характер. В своей Директиве он говорил, что на северном полюсе почва практиче-

ски неподвижна. Южнее она начинает медленно смещаться в сторону экватора. Чем ближе к экватору, тем выше скорость движения, как круговая, вследствие вращения планеты, так и линейная. На экваторе и та, и другая скорости достигают бесконечно больших значений… И не забывайте — у планеты есть еще и южная половина. Если бы это был шар, правомерно было бы говорить о полушариях, но Дистейн применял термин не в его прямом физическом смысле, а просто удобства ради. Так вот, в южном полушарии все наоборот. Почва движется от экватора к южному полюсу, постепенно теряя скорость. На южном полюсе скорость опять падает до нуля.

— Вы так и не сказали, откуда же эта почва берется.

— Дистейн предположил, что северный и южный полюса идентичны. Другими словами, как только какая-то частица почвы достигает южного полюса, она тут же появляется на северном.

— Что за чушь!

— По Дистейну, никакая не чушь. Он учил, что твердое тело гиперболической формы бесконечно велико как по экватору, так и по оси вращения. Если вы способны вообразить себе что-либо подобное, то при этих условиях противоположные

величины приобретают одинаковые характеристики. Отрицательные бесконечности переходят в положительные, наоборот.

— Вы цитируете его дословно или упрощаете?

— Думаю, что дословно. Но почему бы вам самому не заглянуть в оригинал?

— Так я и сделаю.

Прежде чем Блейн уехал из Города, мы договорились, что как только чрезвычайное положение будет отменено, мы станем ездить в разведку вместе.

Оставшись один, я внимательно прочел Директиву Дистейна — взял для меня экземпляр у Клаузевица.

Директива представляла собой два десятка страничек убористого текста, большая часть которого показалась бы мне полной абракадаброй, познакомься я с ним до того, как попасть за пределы Города. Теперь, пережив все, что мне довелось пережить, осмыслив собственный опыт и слова Блейна, я усмотрел в Директиве прежде всего подтверждение собственным выводам. Наконец-то передо мной отчасти раскрылся смысл системы гильдий: горький опыт позволил мне теперь охватить проблему в целом.

Страницы математических выкладок, пе-

ресыпанные уравнениями, я проглядывал по диагонали. Наибольший интерес вызывали абзацы, напоминавшие торопливые дневниковые записи. Иные из них мне запомнились:

«Мы чудовищно далеки от Земли. Сомневаюсь, увидим ли мы вновь родную планету, но если мы хотим выжить, мы должны вести себя как микрочастица Земли. Большего одиночества, большего отчаяния нельзя себе и представить. Вокруг нас враждебный мир, угрожающий нашему существованию ежедневно и ежечасно. Человек уцелеет здесь лишь до тех пор, покуда целы возведенные нами постройки. Главная наша задача — сберечь и защитить наш общий дом.»

Далее Дистейн писал:

«Я измерил скорость регрессии: она равна одной десятой статутной мили за двадцать три часа сорок семь минут. Дрейф почвы на юг медлителен, но неумолим; следовательно, надо передвигать платформу как минимум на милю каждые десять дней. Ничто не должно остановить нас. Мы уже встретили одну реку и пересекли ее с немалым риском. Несомненно, в предстоящие годы и мили мы столкнемся и с другими препятствиями, и к этому надо готовиться заранее. Надо сосредоточить усилия на поисках природных

материалов, которые можно было бы хранить длительное время, а затем по мере надобности использовать как строительный материал. Даже мост можно возвести без особого напряжения, если подготовиться к этому заранее.

Стернер ездил вперед и предупредил, что в нескольких милях отсюда лежит топкое болото. Мы уже выслали разведчиков на северо-восток и на северо-запад, чтобы определить, насколько оно обширно. Если топь не слишком широка, можно и отклониться на время от прямой, ведущей на север, а впоследствии вернуться прежний курс.»

За этим отрывком следовали две страницы теории, которую Блейн уже попытался мне втолковать. Я перечитал эти страницы дважды, и с каждым разом они становились чуть яснее. Потом я оставил теорию и двинулся дальше. Дистейн поднимал новые темы:

«Чен представил мне список расщепляющихся материалов, который я у него просил. Какие бессмысленные расходы! С пуском транслатерационного генератора в них больше не будет нужды. Говорить об этом с Л. я не стал. С ним так интересно спорить, зачем же лишать себя этого удовольствия? Грядущие поколения будут

обеспечены энергией и теплом!

Наружная температура сегодня — 23 гр. С. По-прежнему движемся на север.»

И далее:

«Опять порвалась одна из гусениц. Т. посоветовал мне отказаться от них совсем. Рассказывает, что Стернер обнаружил на севере заброшенную железнодорожную колею. Разработан невероятный проект передвигать платформу по рельсам. Т. утверждает, что проект вполне разумен.»

И далее:

«Решено основать систему гильдий. Милый архаизм, снискавший общее одобрение. А главное — хороший способ придать нашей организации определенную структуру, не ломая уже сложившихся установлений, и я лично полагаю, что система гильдий создаст условия, при которых наше дело переживет нас самих. Демонтаж гусениц продвигается вполне успешно. Правда, переход на новую систему тяги вызвал значительные задержки. Надеюсь, мы сумеем их наверстать.

Натали сегодня родила ребенка. Мальчик.

Доктор С. прописал мне новые таблетки. Утверждает, что я слишком много работаю и обязан отдохнуть. Сейчас об этом не может быть и речи.»

Ближе к концу в Директиве стал все отчетливее проступать менторский, поучающий тон:

«Эти мои записки должны стать достоянием тех и только тех, кто выходит наружу; тем, кто постоянно пребывает в стенах зданий, незачем знать о каждодневно висящей над нами угрозе. Мы неплохо организованы, у нас достанет энергетических ресурсов и воли на то, чтобы продержаться в этом вероломном мире по крайней мере еще какое-то время. Те, кто придут нам на смену, должны постичь на собственном горьком опыте, что случится, если мы хоть на миг утратим энергию или волю, и если их опыт будет выстрадан, он послужит достаточным стимулом для того, чтобы работать с предельным напряжением сил.

Когда-нибудь, бог даст, нас отыщут посланцы Земли. До тех пор наш девиз неизменен: выжить *любой ценой*.

Отныне решено и подписано:

Высшая ответственность за судьбу нашего наследия лежит на плечах Совета. Члены Совета определяют курс перемещения колонии и носят звание навигаторов. Навигаторы, число которых ни при каких обстоятельствах не должно быть менее двенадцати, избираются из самых заслу-

женных представителей следующих гильдий: гильдии путейцев, ответственной за прокладку путей, по которым движется платформа; гильдии движенцев, ответственной за подержание и обслуживание энергетического хозяйства платформы и возведенных на ней построек; гильдии разведчиков будущего, ответственной за разведку местности, по которой платформе предстоит пройти; гильдии мостостроителей, ответственной за преодоление естественных препятствий, если обойти их не представляется возможным.

В дальнейшем, если возникнет необходимость в создании новых гильдий, таковые могут быть созданы не иначе как единогласным решением Совета. Фрэнсис Дистейн»

Основная часть Директивы состояла из коротких отрывочных записей, датированных последовательно от 23 февраля 1987 года до 19 августа 2023 года. Под подписью Дистейна стояла дата 24 августа 2023 года.

Далее следовали еще два листка. Первый — записка без даты, информирующая о создании гильдии торговцев-меновщиков и гильдии стражников. На втором листке была нарисована гипербола, выражаемая математической зависимостью y = 1/x, а под ней тянулась цепочка

математических символов, которые я при всем желании понять не мог.

Такова оказалась Директива Дистейна.

7

За стенами Города путевые работы шли полным ходом. К тому моменту, как я вновь примкнул к путевым бригадам, рельсы позади Города были выкорчеваны едва ли не до последнего звена, и бригады одна за другой переселялись на северные участки, настилая полотно сквозь проход и далее — по долине вдоль ручейка к рощице у новых холмов. Люди заметно приободрились — ведь как ни кинь, а перемещение от реки прошло вполне успешно и на нас никто не напал. Да и путь на новом участке вел под уклон, хотя это и не избавляло нас от того, чтобы тянуть канаты и воздвигать опоры: уклон был все же недостаточно крут и не позволял обойтись без лебедок — воздействие центробежной силы сказывалось даже здесь, у городских стен.

Странное это было ощущение — стоять на земле рядом с Городом и, зная все, что я знал теперь, видеть, как он распластан на рельсах — прочно и безусловно горизонтально. Я же понимал, что горизонтальность обманчива, что в точке оптимума, лежащей от нас в двух шагах, почва на самом деле наклонена на сорок пять градусов по

отношению к истинно горизонтальной плоскости. А впрочем, разве мои ощущения отличались от ощущений человека, живущего в сферическом мире, например, на Планете Земля? Вспомнилась книжка, читанная в яслях, про страну с названием Англия. Книжка была написана для детей, и в ней шла речь о семье, задумавшей переехать в другую страну, которая называлась Австралия. Дети в книжке всерьез беспокоились о том, что там, на другом конце света, им придется ходить вверх ногами, и автор натужно растолковывал, отчего на поверхности шара сила гравитации всегда направлена вниз и только вниз. Нечто подобное происходило и здесь. Побывав и к северу и к югу от оптимума, я убедился, что поверхность планеты неизменно кажется горизонтальной.

Работать на путях было для меня истинным удовольствием. Славно было нагружать мышцы, напрягать все тело — и не иметь времени ни на какие горькие мысли.

Но одна мысль упрямо возвращалась снова и снова — Виктория… Я не мог не повидаться с Викторией; какой бы тягостной ни оказалась наша встреча, я не хотел откладывать ее на неопределенный срок. Пока я не выясню отношений с бывшей женой — к чему бы мы ни пришли, — я

не буду знать покоя…

Да, теперь я понял и даже принял окружающий нас физический мир. Неясностей в этом мире для меня почти не осталось. Я понял, как перемещается Город и почему он должен перемещаться, я осознал опасности, подстерегающие нас в случае, если Город вдруг прервет вековечное свое движение на север. Я постиг, что Город уязвим, а в настоящий момент еще и подвержен угрозе новых атак, — но эту угрозу, как я полагал, в недалеком будущем удастся отвести.

Однако все эти знания, по отдельности и вместе, никак не смягчали мою личную боль: за ничтожное время — субъективно за какие-то несколько дней — женщина, которую я любил, успела забыть меня.

Как полноправному гильдиеру, мне разрешалось присутствовать на заседаниях Совета навигаторов. Права голоса я не имел, но мог наблюдать и слушать, сколько мне заблагорассудится. И как только Совет собрался в очередной раз, я такой возможности не упустил.

Навигаторы заседали в небольшом зале, непосредственно примыкающем к отведенным им покоям. Подкупало отсутствие каких-либо формальностей: я поневоле ждал пышного цере-

мониала, торжественных речей, но только тут до меня дошло, что принимать решения, от которых зависит жизнь всего Города, можно и нужно в деловой обстановке. Навигаторы вошли в зал с самым обыденным видом и без суеты расселись за круглым столом. Их оказалось пятнадцать; двоих, Олссона и Макгамона, я знал по именам.

Первым пунктом повестки дня было положение Города с военной точки зрения. Один из навигаторов встал, представился как навигатор Торенс и кратко обрисовал ситуацию. Стражники установили, что в окрестностях Города до сих пор слоняется не менее сотни туземцев, и почти все с винтовками. По данным военной разведки, их боеготовность после понесенных тяжелых потерь оставляет желать лучшего; как заявил навигатор, моральное состояние наших защитников несравнимо выше — мы приобрели боевой опыт и уверенность в своей способности отразить новый натиск. В нашем распоряжении также есть двадцать одна трофейная винтовка, и хотя патронов маловато, гильдия движенцев нашла способ, как изготовлять их, правда, небольшими партиями. Другой навигатор поспешил заверить, что за движенцами дело не станет.

Следующее сообщение было посвящено состоя-

нию городских построек. Последовали довольно длительные прения о том, какие постройки необходимо восстанавливать, в какой очередности и как срочно. От имени внутренней службы было заявлено, что ее администраторы сбились с ног, пытаясь создать людям мало-мальски сносные условия для отдыха, и навигаторы согласились прежде всего возвести новый жилой корпус.

От вопросов строительства дискуссия сама собой перекинулась к проблемам общего характера и стала теперь уже по-настоящему интересной.

Насколько я мог судить, мнения навигаторов разделились. Одни были убеждены, что необходимо как можно скорее вернуться к прежней политике «замкнутого в себе Города». Другие полагали, что подобная политика отжила свой век и с ней следует покончить раз и навсегда.

По-видимому, заседание действительно достигло некой критической точки — ведь речь по существу зашла о коренном пересмотре социального устройства Города. И в самом деле, это была борьба взаимоисключающих тенденций: отменит «замкнутую» политику — значит, каждый выросший в стенах Города постепенно должен усвоить правду об условиях его существования. Следовательно, надо реформировать всю систему

образования, а это, в свою очередь, повлечет за собой медленную, но неизбежную реорганизацию системы гильдий.

После жарких споров, обсуждения частностей и внесения поправок настал момент окончательного голосования. Большинством в один голос Совет решил не возрождать политику «замкнутого Города», по крайней мере на ближайшее время.

Еще одно новшество. Согласно оглашенному списку, в Городе на текущий момент находилось семнадцать переселенных женщин. Что с ними делать? Все они поселились здесь еще до первой атаки туземцев и все изъявили желание остаться и не возвращаться домой. Высказывалось предположение, что самые атаки на Город предпринимались прежде всего с целью с целью отбить этих женщин. Итоги голосования: женщинам разрешалось остаться в Городе на срок, какой они пожелают.

Было решено также не восстанавливать практику путешествий в прошлое как итоговый этап подготовки учеников. Я понял так, что путешествия были практически отменены после первой же атаки, а теперь часть навигаторов подумывала, не возобновить ли их снова. Между тем Совету было достоверно известно, что из отправленных

в прошлое учеников двенадцать погибли, а о пяти до сих пор нет никаких вестей. Голосование: путешествия пока не возобновлять.

Честно признаться, услышанное удивило и обрадовало меня. Я и не подозревал, что навигаторы так подробно и заинтересованно вникают в самые практические вопросы. Об этом не говорили вслух, но сред гильдиеров бытовала уверенность, что Совет — это кучка бранчливых старикашек, начисто утративших контакт с действительностью. Да, бесспорно, иные из навигаторов были в летах, но остроты мышления отнюдь не потеряли. Вероятно, скептикам из нашей среды просто следовало бы чаще бывать на заседаниях Совета: как я убедился, места, предназначенные для гильдиеров, оставались по большей части незанятыми.

Один пункт повестки сменялся другим. Навигатор Макгамон доложил о результатах разведки местности, проведенной нами с Дентоном, и добавил, что в настоящую минуту разведываются смежные секторы с отклонением от нашего маршрута на пять градусов в обе стороны и что результаты станут известны через день-два. Совет согласился с предложением, чтобы впредь до выявления лучших возможностей Город при-

держивался в своей погоне за оптимумом наших рекомендаций.

Последним выступил навигатор Льюкен, поднявший вопрос об изменении принципов перемещения Города. Льюкен сообщил, что гильдия движенцев предлагает вести перемещение немного быстрее. Приближение к оптимуму, — добавил он, — немаловажная предпосылка для возвращения Города к нормальной жизни. С этим, естественно, никто не спорил.

Суть предложения, по словам Льюкена, сводилась к тому, чтобы вести перемещение ежедневно, по четкому графику. Это потребует постоянного взаимодействия с путейцами и, быть может, повысит риск обрыва канатов. Однако Город так или иначе вынужден укоротить дистанцию перемещения, поскольку значительная часть наших бесценных рельсов погибли вместе со сгоревшим мостом. Предложение движенцев — сделать плечи перемещения на север совсем короткими и тянуть Город лебедками на пониженной скорости, зато без перерывов. Разумеется, то одну, то другую лебедку придется отключать для осмотра и ремонта, но с учетом благоприятного рельефа местности, в основном идущей под уклон, средняя скорость будет доста-

точной, чтобы догнать оптимум на протяжении двенадцати — двадцати пяти миль.

Серьезных возражений против предложения движенцев ни у кого не возникло, хотя председатель и распорядился представить Совету подробный проект с расчетами и обоснованиями. Провели голосование: за — девять, против — шесть. Выходит, как только будет готов требуемый проект и проведена необходимая подготовка, лебедки станут крутиться день и ночь.

8

Мне предстояла новая поездка на север. Утром меня отозвали из путевой бригады, и Клаузевиц провел краткий инструктаж. Выехать надлежало на следующий день; задание заключалось в том, чтобы разведать местность на глубину двадцать пять миль за оптимумом и уточнить расположение и характер поселений. Памятуя о недавнем и таком приятном знакомстве с Блейном, я попросил разрешения выехать вместе с ним.

Уезжал я с охотой. Я больше не чувствовал себя обязанным тратить силы на работу с путейцами: те, кого впервые выпустили за стены Города, пообвыклись, сдружились и добивались таких успехов, какие и не снились бригадам, составленным из наемных рабочих.

Последняя ночная атака туземцев казалось, ушла далеко в прошлое. Все были веселы: мы благополучно миновали проход между холмами и впереди лежал длинный путь под уклон вдоль ручья. Погода стояла прекрасная, и настроение было таким же безоблачным, как небо.

Вторично в этот день я вернулся в Город уже

под вечер. Мне хотелось потолковать о предстоящей разведке с Блейном, а потом переночевать в кабинете разведчиков чтобы выехать на заре.

И вдруг, шагая по коридору, я увидел Викторию.

Она сидела одна в крохотной комнатушке: возилась с какой-то писаниной, роясь в толстой кипе бумаг. Повинуясь мгновенному порыву, я переступил порог и прикрыл за собой дверь.

— А, это ты, — тихо сказала она.

— Не возражаешь?

— Я очень занята.

— Я тоже.

— Тогда не беспокой меня и занимайся своим делом.

— Нет, — заявил я. — Нам надо поговорить.

— Как-нибудь в другой раз.

— Не можешь же ты прятаться от меня до бесконечности!

— А сейчас нам говорит не о чем.

Я выхватил у нее перо, точнее, выбил его у нее из пальцев. Бумаги посыпались на пол. У Виктории от изумления перехватило дыхание.

— Что случилось, Виктория? Почему ты не дождалась меня? — Она смотрела на бумаги, разбросанные на полу, и молчала. — Ну, не молчи

же, ответь…

— Это было так давно. Разве это еще имеет значение?

— Для меня имеет.

Теперь она взглянула на меня, а я на нее. Да, она изменилась, стала гораздо старше. Она казалась более уверенной в себе, более независимой… и все же я нет-нет да и узнавал милые прежние привычки — чуть склонить голову набок, сжать кулачок, но не до конца, а оттопырив два пальца…

— Гельвард, поверь, мне очень жаль, если я сделала тебе больно, но, поверь, мне и самой пришлось многое пережить. Теперь ты удовлетворен?

— Нет, и ты прекрасно знаешь, что нет. А как же все, о чем мы с тобой говорили?

— Например?

— Все, что не предназначалось для посторонних.

— Твоя клятва не пострадала, можешь не волноваться.

— Да я вовсе не об этом! — вскипел я. — Было же и другое, что касалось только тебя и меня…

— Сладкие шепотки в постели?

Я поморщился.

— Хотя бы и они.

— Это было давно, — повторила она. Видимо, мне не удалось скрыть, что ее безразличный тон причиняет мне боль: она внезапно смягчилась. — Извини, я вовсе не хотела тебе грубить.

— Да что там! Говори, что тебе вздумается.

— Нет, нет… все в сущности очень просто. Я вообще не чаяла увидеть тебя снова. Тебя не было так долго! Я думала, что ты погиб, и никто, ну никто не хотел даже говорить со мной о этом!

— К кому ты обращалась?

— К твоему начальнику, Клаузевицу. И все, что он соизволил ответить, — что ты уехал из Города.

— Но я же говорил тебе, куда меня посылают! Говорил, что отправляюсь далеко на юг…

— И что вернешься через несколько миль.

— Я и вправду так думал. Но я ошибся.

— Что же произошло?

— Я… меня задержали.

Объяснять что-либо было бесполезно. Я и не пытался.

— И только-то? Тебя задержали, и все?

— Это оказалось гораздо дольше, чем я ожидал.

Она принялась рассеянно перебирать бумаги, наводя какое-то подобие порядка. По существу

это было бесцельное движение: броня самообладания треснула.

— Ты так и не видел Дэвида…

— Дэвида? Ты назвала его Дэвидом?

— Он был… — Она подняла на меня глаза, полные слез. — Пришлось отдать его в ясли, на меня навалили так много работы. Я навещала его каждый день, но тут на нас напали. Меня поставили на пост у гидранта, и я не могла, я не успела… Потом мы побежали туда…

Я отвернулся к стене и зажмурил глаза. Она закрыла лицо руками и зарыдала. Через несколько секунд не выдержал и я.

В комнатушку заглянула какая-то женщина, увидела нас и отпрянула, притворив дверь за собой. Я подпер дверь плечом, чтобы нас больше не беспокоили.

Потом Виктория сказала:

— Я решила, что ты уже не вернешься. В Городе была полная неразбериха, но я разыскала кого-то из твоей гильдии. Он отказался откровеннее и проболтался, что там, на юге, убили много учеников. Я рассказала ему, когда ты уехал и как долго тебя нет, он не стал меня разуверять. Ведь я же ничего не знала, кроме одного: когда мы виделись в последний раз и когда ты обещал вернуться. А

прошло целых два года…

— Меня предупреждали. Только я не мог в это поверить.

— Отчего же?

— Мне предстояло пройти всего-то миль восемьдесят в оба конца. Я был убежден, что обернусь в несколько дней. И никто из гильдиеров не объяснил мне, почему это невозможно.

— А они знали?

— Без сомнения.

— Могли бы по крайней мере подождать до рождения ребенка.

— Меня вынудили подчиниться приказу. Это расценивалось как важная часть моей подготовки.

Виктория понемногу совладала с собой, слезы полностью смыли ее первоначальную и, быть может, напускную антипатию ко мне, и мы обрели способность говорить, не теряя логики. Она подняла рассыпанные бумаги и убрала их в ящик. Я опустился на стул у стены.

— А знаешь, системе гильдий скоро конец, — заявила она.

— Ну уж, не преувеличивай.

— Систем разваливается. И ее надо сломать до конца. Да оглянись вокруг — сам видишь,

насколько все изменилось. Каждый волен выйти за пределы Города когда угодно. Ясное дело, навигаторы будут цепляться за старое, потому что живут в прошлом, но мы…

— Не такие уж они твердолобые, — возразил я.

— Можешь не сомневаться, они постараются вернуться к секретности и угнетению, как только сумеют.

— Ты ошибаешься, — произнес я тихо и твердо. — Точно знаю, что ошибаешься.

— Допустим, ошибаюсь. И все равно нужны и другие перемены. В Городе не осталось никого, кто бы не понимал, что наша жизнь под угрозой. Мы крадемся по земле исподтишка, как воры, и тем самым лишь умножаем угрозу. Пришла пора, наконец, остановиться.

— Виктория, ты просто не…

— Ты только взгляни на разрушения! Убито тридцать девять детей! А убытков и не сосчитать!.. Неужели ты веришь, что мы способны уцелеть, если местные будут нападать на нас снова и снова?

— Все улеглось. Мы контролируем обстановку.

Она покачала головой.

— Не так уж важно, как обстоит дело сию минуту. Я говорю о перспективе. Все наши беды

оттого, что Город перемещается. Это само по себе чревато опасностями. Мы вторгаемся на земли, принадлежащие другим, мы покупаем рабов, чтобы они настилали рельсы, мы вымениваем женщин и заставляем их спать с людьми, едва им знакомыми. И все ради того, чтобы Город двигался, двигался, двигался…

— Город не может остановиться, — заявил я.

— Вот-вот! Ты уже стал частью системы. Всегда одно и то же, всегда это тусклое, сухое заявление, и никто даже не пытается взглянуть на вещи шире. Город должен перемещаться, Город должен перемещаться… Почему? Разве движение может быть аксиомой?

— Это аксиома, Виктория. Мне известно, что будет, если Город остановится.

— И что же такое будет?

— Город будет разрушен, и мы все погибнем.

— А чем ты это докажешь?

— Ничем. Но мне известно, что это так.

— Убеждена, что ты заблуждаешься, — ответила Виктория. — И не я одна. Буквально вчера и позавчера я слышала, и не раз, как о том же говорили другие. Люди умеют думать сами, без подсказки. Они побывали за Городом, осмотрелись вокруг. Мы жили бы в мире и покое, если бы

не риск, который мы навлекаем на себя сами.

— Но послушай, — вставил я, — зачем нам рассуждать о таких общих проблемах? Я хотел поговорить о нас с тобой.

— Одно вытекает от другого. То, что случилось с нами, неразрывно связано с обычаям Города. Не будь ты гильдиером, мы с тобой могли бы ладить и по сей день.

— Как ты думаешь, есть еще хоть какая-нибудь надежда?..

— А ты бы хотел?

— Не уверен, — честно признался я.

— Это попросту немыслимо. Для меня, по крайней мере. Я не могу примирить свои убеждения с твоим образом мыслей. Мы ведь пробовали, но система разъединила нас. И кроме того, я теперь живу с…

— Что-что, а это я знаю.

Она бросила на меня пристальный взгляд, и в ее глазах, как в зеркале, я увидел всю глубину пропасти, что пролегла между нами.

— Ты во что-нибудь веришь, Гельвард?

— Прежде всего в то, что система гильдий, при всех ее недостатках, в основе своей разумна.

— И ты хочешь, чтобы мы снова жили вместе? Жили наперекор тому, что наши убеждения ис-

ключают друг друга? Из этого просто ничего не получится.

Да, мы действительно изменились — не она одна, а мы оба. Она была права: гадать, что могло бы произойти при каких-то иных обстоятельствах, не имело смысла. И не было способа наладить наши отношения.

Но я все равно предпринял еще одну попытку, силясь объяснить ей, что для меня все случилось слишком внезапно, подыскивая магические слова, которые хоть отчасти вернули бы нам былое взаимное влечение. По правде говоря, Виктория не осталась равнодушной к моим стараниям, и все же мы, вероятно, пришли к одинаковым выводам, хоть и с противоположных сторон. После разговора с ней мне стало легче, и когда я расстался с бывшей женой и поднялся наверх в кабинет разведчиков, то понял, что последняя из мучивших меня проблем разрешена к обоюдному удовлетворению.

9

На следующий день я отправился на разведку на север в паре с Блейном, и этот день знаменовал собой начало длительного периода в истории Города, вернувшего нам всем уверенность в своей безопасности и вместе с тем внесшего в нашу жизнь коренные перемены.

Я наблюдал за этим процессом как бы в замедленной съемке: мое собственное восприятие времени искажалось частыми отлучками на север. По опыту я установил, что милях в двадцати на север от оптимума мой день равен всего-навсего часу городского времени. Но до поры я старался следить за развитием событий в Городе, посещая все заседания Совета навигаторов, на какие только успевал.

Размеренность городской жизни — основная ее отличительная черта, поразившая меня, едва я вышел из яслей, — восстановилась быстрее всяких ожиданий. Туземцы на нас больше не нападали, хотя один из стражников, посланных в разведку, был захвачен ими в плен и убит. Вскоре после этого руководители гильдии стражников оповестили, что противник рассеялся и послед-

ние группы «мартышек» разбрелись по своим деревням. Правда, военное положение сохранялось еще долгое время, а точнее сказать, никогда уже не отменялось официально, но мало-помалу гильдиеры, мобилизованные в стражу, стали возвращаться к своей основной работе.

Как я узнал еще на том, первом для меня заседании Совета, принципы движения Города были изменены. Движенцы сумели преодолеть начальные неполадки и с помощью хитроумной системы сменных канатов перевели Город на режим непрерывного перемещения. В конце концов, одна десятая мили в день — не бог весть какое большое расстояние, и спустя недолгий срок Город очутился на точке оптимума.

Это, в свою очередь, повлекло за собой небывалую свободу выбора дальнейших маршрутов. Стало возможным обходить препятствия, отклоняясь от строго северного направления, если надо, на многие мили в сторону.

К тому же рельеф был в общем и целом выгодным для нас. Как и следовало из докладов, представленных мной и другими разведчиками, местность постепенно понижалась, встречные уклоны попадались все реже. Правда, частенько приходилось пересекать реки — в этом районе их

было больше, чем хотелось бы навигаторам, — и мостостроители не сидели без дела. Но, поскольку Город вышел на точку оптимума и при желании мог перемещаться быстрее, чем двигалась почва, оставалось довольно времени и на то, чтобы принять наилучшее решение, и на то, чтобы возвести прочный мост.

Хоть и не без колебаний, Город вернулся к практике меновой торговли. Меновщики сделали выводы из печального опыта прошлого и вели переговоры скрупулезно, как никогда ранее. За наемный труд — нужда в нем все же не отпала — Город платил с подкупающей щедростью и старался как можно дольше не выменивать новых женщин.

Регулярно посещая заседания Совета, я был хорошо осведомлен обо всем. Семнадцать переселенных женщин, что остались с нами после первых атак, по-прежнему не выражали ни малейшего желания вернуться домой. Но мальчики среди новорожденных по-прежнему преобладали, и многие гильдиеры настаивали на «притоке свежей крови». Как, почему возникало неравенство в распределении полов, никто не ведал, однако факты — упрямая вещь. За последние несколько миль разрешились от бремени три

женщины из семнадцати, и все трое новорожденных оказались мальчиками. Высказывалась догадка, что вероятность появления на свет мужского потомства прямо пропорциональна времени, проведенному переселенками в стенах Города. И опять-таки никто не понимал почему.

По недавним данным среди детей младшего возраста — до ста пятидесяти миль — насчитывалось семьдесят шесть мальчиков и только четырнадцать девочек. Диспропорция неуклонно возрастала, прибавилось и приверженцев «теории свежей крови», и наконец меновщики получили приказ вступить в переговоры со старейшинами попутных поселений.

Именно этот приказ и оказался лакмусовой бумажкой, выявившим необратимость происшедших в Городе перемен. Политика «открытых дверей» неизбежно повела к тому, что разрешение посещать заседания Совета в качестве зрителей было распространено и на негильдиеров, и не произошло и часа после голосования, как распоряжение набрать новых переселенок стало известно всем и каждому и послышались голоса протеста. Тем не менее Совет оставил распоряжение в силе.

Как я уже говорил, путейцы вновь использова-

ли наемный труд, пусть и в меньшей мере, чем когда-то, — однако и в путевых бригадах и на протяжке канатов хватало коренных горожан. Неучей, не имевших представления о работе гильдиеров вне Города, можно считать, не осталось совсем, хотя общая осведомленность об особенностях окружающего мира была по-прежнему невысока.

И вот однажды на очередном заседании я впервые услышал о терминаторах. Мне пояснили, что так называют себя люди, возражающие против перемещения Города на север и требующие остановить его. Терминаторы не проявляли излишней воинственности и не предпринимали пока активных действий, но пользовались среди негильдиеров довольно широкой поддержкой.

Совет решил разработать программу просветительных мероприятий, которая разъяснила бы настоятельную необходимость неустанного перемещения. Но на следующем же заседании произошло неожиданное: в зал ворвалась группа людей и потребовала слова. Я не очень-то удивился, когда увидел среди возмутителей спокойствия свою бывшую жену. После бурного спора навигаторы вызвали на подмогу стражников, и заседание было закрыто.

Происшествие, как ни странно, лишь сыграло терминаторам на руку. Заседания Совета стали вновь закрытыми для широкой публики. Расслоение среди негильдиеров углублялось день ото дня. Терминаторы снискали себе популярность, хоть реальной власти и не приобрели.

Затем один за другим последовали неприятные сюрпризы. То при загадочных обстоятельствах оказался перерезанным один из канатов, то кто-то пытался выступить перед наемными рабочими, убеждая их разойтись по своим деревням… но в общем-то терминаторы были для Совета не более чем досадной занозой.

Просветительная программа пользовалась успехом. Был прочитан курс лекций о странностях и опасностях опрокинутого мира, и на посещаемость жаловаться не приходилось. Знак четыреххвостой гиперболы был утвержден в качестве эмблемы Города, и гильдиеры стали носить его на груди как украшение и отличительный знак.

Не знаю, все ли поняли на лекциях рядовые наши сограждане, но нечаянно услышанные разговоры на эту тему убедили меня, что влияние терминаторов доверия к лекторам не прибавляло. Слишком долго горожан воспитывали в

убеждении, что мы живем в мире, во всем подобном Земле, если не на самой Планете Земля. И реальность оказалась слишком жестокой, чтобы безоговорочно принять ее. Они слушали лекторов, им даже казалось, что они понимают услышанное, — но терминаторы-то взывали не к разуму, а к чувствам…

И все-таки несмотря ни на что Город продолжал медленно продвигаться вперед. В недолгие часы досуга я предавался мыслям о его судьбе, судьбе пылинки, занесенной на поверхность огромного чуждого мира, искорки жизни из одной вселенной, которая напрягает все свои силы, чтобы не угаснуть в другой. Передо мной вставала страшная картина: полный людей жалкий городишко, прилепившийся на сорокапятиградусной крутизне, пытается удержаться там на трех-четырех ниточках ветхих канатов.

С возвращением Города к более или менее размеренному существованию разведка будущего превратилась в рутинную процедуру. Местность к северу от Города была поделена нами на секторы по пять градусов с общей вершиной в точке оптимума. Как правило, Город избегал маршрутов, отклоняющихся от направления строго на север более чем на пятнадцать градусов, однако

теперь благоприобретенные скоростные качества придали ему большую маневренность и позволили выбирать самый удобный маршрут независимо от величины отклонения.

Мало того, что при разведке мы следовали раз и навсегда заведенному шаблону, сам по себе и шаблон этот был очень несложен. Мы разъезжались по своим секторам в одиночку или парами и представляли навигаторам исчерпывающие отчеты. Нас не ограничивали временем. Все чаще и чаще в поездках на север меня охватывало ощущение полнейшей свободы, и, по словам Блейна, это была болезнь, общая для всей гильдии. Какой прок был спешить, торопиться обратно, если целый день, праздно проведенный где-нибудь у реки, обходился на поверку в десять-пятнадцать минут по городским часам?

Но за время, проведенное на севере, приходилось платить; цена казалась несущественной, но лишь до тех пор, пока я не заметил последствий на себе. Любой день, самый праздный, был тем не менее днем моей жизни. За пятьдесят дней я старел, как если бы прожил в Городе пять миль, тогда как в Городе мои пять миль составляли каких-то четыре дня. Поначалу я не обращал на это внимания: с точки зрения горожан, мы возвращались

чуть ли не поминутно, и я не улавливал разницы между собой и ими. Но шли дни за днями, и все, кого я знал: Виктория, Джейз, Мальчускин, — казалось, не изменялись вовсе, а о себе, заглянув в зеркало, я сказать этого уже не мог.

Связывать свою судьбу с какой-либо женщиной мне не хотелось. Виктория заметила как-то, что обычаи Города разорвут любую привязанность, и это ее замечание с каждым днем представлялось мне все более здравым.

Когда в Город доставили новых переселенок, мне, как и другим холостякам, предложили выбрать себе подругу.

Мне приглянулась девушка по имени Дорита, и вскоре нам с ней выделили комнату. Общего между нами было немного, но ее попытки говорить по-английски представлялись мне просто восхитительными, да и я ей был как будто небезразличен. Вскоре она уже ожидала ребенка. Мы виделись после каждой моей поездки на север. И как медленно, как невероятно медленно — в моем восприятии развивалась беременность.

Но вот черепашьи темпы движения Города раздражали меня сверх всякой меры. По моей субъективной оценке прошло уже сто пятьдесят, а может, и двести миль с тех пор, как я стал

полноправным гильдиером, однако на южном горизонте все еще высились те самые холмы, которые Город преодолел вскоре после ночной атаки.

Я подал ходатайство о временном переводе в другую гильдию: как ни блаженны были ленивые деньки в будущем, я вдруг почувствовал, что время скользит мимо, словно вода меж пальцев.

Десятка два миль я сотрудничал с движенцами, и именно в этот период Дорита родила близнецов — мальчика и девочку. Мы отпраздновали событие, как полагается, но тут я понял, что городская жизнь мне тоже не в радость. Я работал с Джейзом, который некогда был на несколько миль старше меня. Теперь он оказался гораздо моложе, и у нас не осталось общих интересов.

Вскоре после рождения близнецов Дорита покинула Город, а я вернулся к коллегам-разведчикам. Так же как и те из них, кого я помнил с детства и кого встречал в ученичестве, я стал ощущать себя чужим в Городе. Лучше всего я чувствовал себя теперь в одиночестве, упивался часами, украденными у Города на севере, и ежился, попав в теснину городских стен. Во мне заново пробудилась любовь к рисованию, но я никому о ней не говорил. Быстро и тем не менее добросовестно

справившись с очередным заданием, я разъезжал по лесам и долам будущего, делая зарисовки и силясь передать на бумаге душу мест, где время почти замерло.

Я наблюдал за Городом издали, и он казался мне теперь чуждым не только этому миру, но и мне самому. Миля за милей Город тащился вперед и вперед, не находя нигде, да и не ища покоя.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Женщина замерла в дверном проеме церкви, внимательно наблюдая за разговором на противоположной стороне площади. За ее спиной священник с двумя помощниками усердно трудились, стараясь восстановить гипсовый лик девы Марии. Из церкви тянуло прохладой; несмотря на просевшую крышу, там было чисто и тихо. Женщина сознавала, что ей здесь не место, но какой-то инстинкт толкнул ее сюда в ту же минуту, как на площади появились два незнакомца.

Сейчас они терпеливо втолковывали что-то Луису Карвальо, самозваному сельскому старейшине, и десятку других мужчин. В иные времена главенство в общине, естественно, принадлежало бы священнику, но отец Дос Сантос, как и она, чувствовал себя здесь новичком.

Незнакомцы въехали в селение верхом со стороны высохшего ручья, и теперь их лошади лениво пощипывали травку. А разговор на площади все продолжался — женщина была слишком далеко, чтобы расслышать, о чем беседа, но ей показалось, что речь идет о сделке. Селяне старались не выказывать особой заинтересован-

ности, но разговорились против обыкновения, и она-то знала, что не будь у них какой-то корысти, они давно уже разошлись бы по домам.

Однако ее внимание занимали двое неизвестных. С первого взгляда было очевидно, что они не местные. Внешне они разительно отличались от селян: они носили черные накидки, хорошо пригнанные брюки и высокие кожаные ботинки. Их лошади были неплохо ухожены и оседланы, и хотя каждая, помимо седоков, несла большой вьюк с каким-то снаряжением, ни одна не понурилась и не упала от усталости. Местные лошади такой выносливостью обычно не отличались.

Любопытство все же оттеснило осторожность, и она шагнула из тени вперед, надеясь что-нибудь узнать. И именно в этот момент переговоры, по-видимому, завершились: селяне разбрелись, а незнакомцы, вернувшись к своим лошадям, вскочили в седла и умчались в том же направлении, откуда появились. Ей осталось лишь, досадуя, проводить их взглядом.

Когда они скрылись за деревьями, уцелевшими по берегам высохшего ручья, женщина выскочила на площадь, проскользнула между строениями и взбежала на холм, невысокий, но крутой. Спустя мгновение она увидела всадников

на пустоши за околицей. Натянув поводья, они остановились там, видно, чтобы посовещаться, но то и дело оглядывались назад. Она старалась не попасться им на глаза, прячась в кустарнике. Внезапно один из всадников приветственно вскинул руку и, развернув лошадь, пустил ее галопом в сторону дальних высоких холмов. Второй не спеша двинулся в противоположную сторону, его лошадь шла легкой, ленивой рысцой.

Вернувшись в селение, женщина разыскала Луиса.

— Что им надо было? — спросила она без обиняков.

— Просили дать им людей. Им нужны люди для какой-то работы.

— И вы согласились?

Луис замялся.

— Сказали, что вернутся завтра.

— А чем заплатят?

— Хлебом. Гляди-ка…

Старейшина протянул ей кусок хлеба. Она бережно приняла его на ладонь — хлеб был темный, но свежий и душистый.

— Откуда они его взяли?

Луис пожал плечами.

— И у них есть еще другая еда. Какая-то осо-

бенная.

— А ее они не дали?

— Пока нет.

Женщина нахмурилась, мучительно размышляя, что же это за люди и откуда они взялись.

— Больше они ничего не предлагали?

— Предлагали. Вот. — Он показал ей небольшой мешочек. Она развязала тесемки — внутри оказался белый кристаллический порошок без запаха. — Они сказали, чтобы мы посыпали этим землю и соберем большой урожай.

— И много у них такого порошка?

— Сколько угодно.

Она вернула мешочек Луису и поспешила обратно в церковь. Обменявшись несколькими фразами с отцом Дос Сантосом, она бросилась на конюшню и, оседлав свою лошадь, выехала из селения по сухому руслу в ту сторону, куда отправился второй незнакомец.

2

За околицей тянулась пустошь, кое-где поросшая кустарником и низкорослыми деревцами. Минут пять спустя женщина завидела впереди всадника — тот неспешно ехал к лесу, темневшему вдали. За лесом — это ей уже было известно — протекала река, а за рекой начинались новые холмы.

Она старалась не приближаться к незнакомцу — не хватало только, чтобы он заметил ее раньше, чем она выяснит, куда он держит путь. Как только всадник достиг опушки, она потеряла его из виду и спешилась. Ведя лошадь под уздцы, она настороженно вглядывалась и вслушивалась в полутьму леса: не выдаст ли себя тот человек движением или звуком? Но различила, и то не вдруг, лишь журчание воды: река за лесом в разгар лета обмелела и перекатывалась по камушкам.

Сначала она увидела чужую лошадь, привязанную под деревом. Она тут же остановилась и, привязав свою, крадучись двинулась дальше. Под деревьями было сумрачно и душно, и она ощутила, что вся в пыли после погони. Что заставило ее броситься вдогонку за этим человеком?

Даже ребенку ясно, что это рискованно. Но незнакомцы держались со спокойным достоинством и явились в селение явно с мирной, хотя и таинственной миссией…

На опушку у реки женщина вышла едва ли не на цыпочках. И застыла, глядя с пологого берега вниз на воду.

Да, незнакомец был здесь, но вел себя как-то непонятно. Сбросив накидку и ботинки подле сложенного кучкой снаряжения, он забрел в воду по щиколотку и наслаждался прохладой, по-мальчишески дрыгая ногами и вздымая тучи сверкающих брызг. Потом он наклонился и, зачерпнув воды в ладони, окатил себе лицо и шею. А еще через минуту, выбравшись из воды, подошел к оставленному на берегу снаряжению и достал из черной кожаной сумки портативную видеокамеру. Закинув ремень на плечо, соединил сумку и камеру коротким проводом в яркой, вероятно, пластмассовой оболочке. Потом задумался, покрутил какую-то ручку и, опять спрятав камеру, развернул прежде скатанную в рулон бумагу. Долго в задумчивости разглядывал расстеленный на траве лист и, вновь подхватив камеру, вернулся к воде.

Не спеша, точно рассчитанным движением он

поднял объектив и начал снимать: местность вверх по течению, затем противоположный берег, затем — женщина сжалась от испуга — нацелил камеру прямо на нее. Она невольно пригнулась, но по отсутствию реакции с его стороны поняла, что он ее не заметил. Когда она рискнула выглянуть из своего укрытия, камера была направлена вниз по течению реки.

Вновь вернувшись к листу бумаги, он с величайшей аккуратностью что-то пометил на ней. Потом осторожно уложил камеру обратно в сумку, скатал рулон и опять водворил все в общую кучу. Потянувшись и как бы сызнова впав в апатию, он уселся на берегу, погрузив ноги в воду. Еще мгновение, и он откинулся на спину, закрыв глаза.

Теперь она могла рассмотреть его. Вид у него в самом деле был безобидный. Крупный, мускулистый, лицо и руки покрыты ровным загаром. Грива светло-каштановых волос, пожалуй, длинноватых — не мешало бы постричь. Борода. Ему было, на ее взгляд, лет тридцать пять, и он казался моложавым и привлекательным. Насколько она могла судить, это был мужественный, закаленный человек, не утративший мальчишеской способности ценить простые человеческие ра-

дости, вроде прохладной воды в безжалостно знойный день.

Над ним кружились мухи, и он изредка отгонял их ленивым взмахом руки.

Поколебавшись еще немного, женщина выбралась из своего укрытия и почти скатилась с берега, послав вниз небольшую лавину камушков и песка.

Реакцией он обладал молниеносной. Мгновенно сел, обернулся, вскочил на ноги. Но ему не повезло — движение оказалось слишком резким для взрыхленной почвы и он упал ничком, опять вспенив воду ногами. Она не смогла удержаться от смеха. Он тут же вскочил, метнулся к своему снаряжению — и в руках у него появилось ружье.

Смех замер… но он не поднял ружья. Он произнес какую-то фразу по-испански, однако его испанский был так плох, что она ничего не поняла. Да и сама она знала по-испански лишь несколько слов и ответила на местном наречии:

— Простите, я не хотела смеяться…

Он непонимающе качнул головой и смерил ее внимательным взглядом. Она развела руки в стороны, показывая, что безоружна, и улыбнулась. Он вроде бы успокоился и отложил ружье. Снова

попытался заговорить с ней на своем кошмарном испанском — и вдруг пробормотал что-то себе под нос явно по-английски.

— Вы знаете английский? — удивилась она.

— Да. А вы?

— С детства. — Она опять рассмеялась и предложила: — А что если я присоединюсь к вам?

Она имела в виду реку и пояснила свои намерения жестом — но он словно онемел, уставившись на незваную гостью с тупым изумлением. Она сбросила туфли и вошла в воду, подобрав подол. Вода оказалась обжигающе холодной, пальцы ног свело судорога — и все же ощущение было приятным. Она присела на бережке, оставив ноги в воде. Он приблизился и сел рядом.

— Простите, что схватился за ружье. Вы меня испугали.

— А вы не сердитесь на меня за вторжение? Вы так блаженствовали, что мне стало завидно.

— По-моему, в такой жаркий день лучше ничего не придумаешь…

Они сидели, уставясь в воду. Водная рябь искажала очертания ног.

— Как вас зовут? — поинтересовалась она.

— Гельвард.

— Гельвард? — она повторила непривычное

имя, будто пробуя его на вкус. — Это что, фамилия?

— Нет. Если полностью, то меня зовут Гельвард Манн. А вас?

— Элизабет. Элизабет Хан. Я не люблю, когда меня называют Элизабет.

— Очень жаль.

Она вскинула на него глаза, удивленная странным ответом, но он был, по-видимому, совершенно серьезен. Непонятным оставался и его акцент: он безусловно не был уроженцем здешних мест, говорил по-английски свободно, без усилий, но все его гласные звучали как-то необычно.

— Откуда вы? — спросила она.

— Тут неподалеку, — ответил он невпопад и неожиданно встал. — Извините, мне надо напоить лошадь…

Взбираясь на берег, он вновь оступился, но на этот раз она удержалась от смеха. Он направился прямо к опушке, даже не подходя к куче снаряжения и оставив безнадзорным ружье. Правда, один раз он оглянулся через плечо, но Элизабет отвела глаза.

Вскоре он вышел из леса, ведя в поводу обеих лошадей. Пришлось встать и помочь ему спустить их к воде. Очутившись между двумя жи-

вотными, она не удержалась и потрепала лошадь Гельварда по холке.

— Хороша лошадка, — похвалила она. — Это ваша?

— Ну, не совсем моя. Просто я предпочитаю ее другим.

— А как ее зовут?

— Ее… я не давал ей имени. А разве надо?

— Нет, это не обязательно. У моей вот тоже нет определенной клички.

— Мне нравится ездить верхом, — внезапно признался он. — Самая приятная особенность моей профессии.

— Не считая возможности шлепать босиком по воде. Чем вы вообще занимаетесь?

— Я… на это трудно ответить в двух словах. А вы?

— Я медицинская сестра… Во всяком случае согласно диплому. А на деле за что только не приходится браться!

— У нас тоже ест медицинские сестры, — заявил он. — Там, где я живу.

Она взглянула на Гельварда с новым интересом.

— Это где же?

— В Городе. Отсюда на юг.

— Как он называется?

— Земля. Но мы чаще всего называем его просто Город.

Элизабет нерешительно улыбнулась, не уверенная, что правильно расслышала название.

— Расскажите не про свой город.

Он покачал головой. Лошади напились и теперь обнюхивали друг друга.

— Мне пора ехать.

Он поспешил к куче снаряжения и принялся второпях навьючивать лошадь. Элизабет с недоумением следила за ним. Кое-как распихав снаряжение по седельным сумкам, он повернул лошадь и вывел ее на берег. На самой опушке леса он оглянулся.

— Извините меня. Я, наверное, кажусь вам грубияном. Все дело… все потому, что вы так не похожи на остальных.

— На остальных?

— На жителей этих мест.

— Это что, плохо?

— Нет, конечно. — Он обвел взглядом оба берега, словно надеялся найти там повод задержаться. И вдруг вообще раздумал уезжать и привязал лошадь к первому же дереву. — Могу я попросить вас об одном одолжении?

— Разумеется.

— Вы не будете возражать… Не позволите ли мне нарисовать вас?

— Нарисовать?..

— Ну да… Я сделаю беглый набросок. Боюсь, я не слишком хороший художник, не очень-то опытный. Но когда я бываю здесь, на севере, я люблю делать зарисовки того, что вижу.

— Именно этим вы и занимались, когда я подошла к вам?

— Да нет. То была карта. А я имею в виду зарисовки, настоящие зарисовки.

— Будь по-вашему… Вы хотите, чтобы я позировала?

Он порылся в одной из седельных сумок и извлек на свет пачку разношерстных листков. Элизабет успела заметить, что на каждом листе был какой-то карандашный рисунок.

— Нет, нет. Просто оставайтесь там, где стоите. Только повернитесь чуть иначе, пожалуйста… ближе к лошади.

Гельвард присел на берегу, пристроив листки на коленях. Элизабет была сбита с толку неожиданным поворотом событий и даже как-то оробела, что вообще-то было ей отнюдь не свойственно. Мужчина время от времени бросал на

нее цепкие взгляды. Чтобы лошадь не беспокоилась, Элизабет обняла ее снизу за шею.

— Вы не можете держаться прямее? — вдруг спросил Гельвард. — Повернитесь ко мне… вот так…

Элизабет оробела еще больше — и внезапно поняла, что ей навязали неестественную, крайне неудобную позу. Он рисовал и рисовал, хватая один листок за другим. Она понемногу расхрабрилась и перестала обращать на него внимание, лаская лошадь. Потом он попросил ее сесть в седло, но ей это уже порядком надоело.

— Можно мне посмотреть, что у нас получилось?

— Я никому не показываю свои рисунки.

— Ну пожалуйста, Гельвард. Меня еще никогда не рисовали.

Он порылся в пачке листков и отобрал три из них.

— Не знаю, понравится ли вам…

Приняв листки, она невольно воскликнула:

— Боже, неужели я такая тощая!

— Отдайте обратно! — вспылил он.

Она отбежала на несколько шагов и быстро просмотрела все рисунки. Нетрудно было догадаться, что изображенная на них женщина именно она,

но пропорции были какими-то необычными. И она сама, и лошадь выглядели очень высокими и худыми. Это производило впечатление не то чтобы отталкивающее, но, за неимением более точного слова, странное впечатление.

— Прошу вас… отдайте.

Она вернула рисунки, он присоединил их к пачке и, резко повернувшись, зашагал к опушке, туда, где привязал свою лошадь.

— Я вас обидела? — спросила Элизабет.

— Не обидели, просто не надо было вам их показывать.

— По-моему, они превосходны. Только… только это, оказывается, нелегко — увидеть себя как бы чужими глазами. Я же говорила вам, что меня никогда не рисовали.

— Вас трудно рисовать.

— А можно взглянуть на другие рисунки?

— Вам будет неинтересно.

— Послушайте, я делаю это вовсе не для того, чтобы погладить вас по шерстке. Мне и вправду хочется взглянуть.

— Ну, что с вами поделаешь…

Он отдал ей всю пачку, а сам отошел к своей лошади и притворился, что поправляет сбрую. Именно притворился: просматривая рисунок за

рисунком, Элизабет краешком глаза следила за Гельвардом и видела, что он поглядывает на нее, стараясь угадать ее оценку.

Сюжеты рисунков были самыми разными. Значительная их часть была посвящена лошадям, скорее всего, одной и той же, его лошади: вот она пасется, а вот стоит, гордо откинув голову. Вся эта серия была поразительно реалистичной — скупыми штрихами он сумел передать характер существа послушного, но гордого, приручeнного, но все-таки себе на уме. Как ни удивительно, во всей серии пропорции оставались абсолютно верными. Попадались и портретные зарисовки — то ли автопортреты, то ли изображения мужчины, с которым Элизабет видела Гельварда в селении. Мужчина был нарисован в плаще, без плаща, подле лошади, с видеокамерой в руках. И опять чувство пропорции художнику почти не изменяло.

Гораздо труднее давались Гельварду пейзажи — деревья, река, загадочное сооружение на веревках на фоне отдаленных холмов. Что-то у него тут не получалось: иногда пропорции оставались жизненными, но чаще всего странно искажались. Она никак не могла разобраться, в чем дело: быть может, у него не ладится с перспективой?

Ответа она не нашла за недостатком специальных знаний.

Последними в пачке оказались зарисовки, сделанные здесь у реки. Первые эскизы были не слишком удачными — те три, что он отобрал сам, намного превосходили их. Озадачивала лишь явная удлиненность силуэта — и у нее, и у лошади.

— Ну что? — не выдержал он.

— Я… — Она не смогла подобрать нужного слова. — По-моему, они хороши. Только необычны. Вы очень наблюдательны.

— Вас очень трудно рисовать, — повторил он.

— Мне особенно понравился вот этот, — она вытащила из пачки рисунок лошади с откинутой, развевающейся гривой. — Совсем как в жизни.

Он усмехнулся.

— Мне и самому этот нравится больше всех.

Она перебрала рисунки снова. На некоторых из них присутствовала одна и та же непонятная ей деталь. Вот, например, на этом мужском портрете: в верхнем углу таинственное четырехконечное пятно. И такое же — на каждом рисунке, сделанном у нее на глазах.

— Что это? — спросила она, указывая на пятно.

— Солнце.

Она нахмурилась, но решила не продолжать

эту тему. И без того она, по-видимому, нанесла его художническому самолюбию чувствительный удар. Тогда она взяла из трех рисунков, отобранных Гельвардом поначалу, тот, который посчитала лучшим.

— Вы не подарите мне его?

— Я думал, он вам не понравится.

— Напротив. По-моему, этот рисунок очень удачен.

Он бросил на нее проницательный взгляд, вероятно, решая, искренна ли она в своей похвале, потом забрал у нее всю пачку.

— А не хотите ли взять еще и этот?

И протянул Элизабет рисунок лошади с развевающейся гривой.

— Как я могу! Нет, только не этот…

— Мне хочется оставить его вам на память. Вы ведь первая, кому я его показал.

— Я… большое спасибо.

Он уложил остальные рисунки в седельную сумку и бережно застегнул ее.

— Вы сказали, что вас зовут Элизабет?

— Я предпочитаю, чтобы меня называли Лиз.

Он кивнул с серьезным видом.

— Прощайте, Лиз.

— Вы уезжаете?..

Не ответив, он отвязал лошадь и вскочил в седло. Потом, тронув поводья, направил ее вниз к реке и вброд через мелководье, затем дал шпоры, выбрался на противоположный берег и спустя мгновение скрылся за деревьями.

3

Вернувшись в селение, Элизабет призналась себе, что работать ей сегодня больше не хочется. Вот уже больше месяца, как ей обещали прислать партию медикаментов и врача. Она следила как могла за питанием селян, хотя продовольственная помощь тоже была скудной, да более или менее успешно лечила немудреные сельские болячки, ссадины и нарывы. Правда, на прошлой неделе ей довелось принять роды — до того она и сама не могла с уверенностью сказать, приносит ли ее деятельность ощутимую пользу.

Теперь она решила отправиться в базовый лагерь немедля, пока подробности странной встречи у реки не начали стираться из памяти. Впрочем, перед отъездом она успела разыскать Луиса.

— Если эти люди появятся снова, — внушала она ему, — постарайся выяснить поточнее, что им надо. Я вернусь обратно утром. Если они прискачут раньше меня, постарайся задержать их до моего возвращения. Спроси, откуда они.

До базового лагеря было почти семь миль, и она добралась туда только вечером. Ей не повезло

— в лагере не осталось практически ни души: почти для каждого сотрудника любая отлучка затягивалась на много дней. Но Тони Чеппел, как на беду, был тут как тут и перехватил ее на полдороге к жилому корпусу.

— Ты сегодня свободна, Лиз? Мы не могли бы с тобой…

— Я очень устала и хочу лечь пораньше.

В первые дни Элизабет потянулась было к Чеппелу и совершила роковую ошибку, не утаив этого. Женщины в лагере были наперечет, и он с готовностью стал оказывать ей ответные знаки внимания. Очень быстро она поняла, как он самовлюблен и скучен, но Тони упорно не желал оставить ее в покое, а ей никак не удавалось вежливо остудить его пыл.

Вот и сейчас он не отставал от нее до тех пор, пока она кое-как не проскользнула к себе в комнату. Швырнув на кровать дорожную сумку, она разделась и долго нежилась под душем. Потом у нее разыгрался аппетит, и пришлось выйти поесть; Тони, разумеется, не замедлил присоединиться к ней, но во время ужина она подумала, что в данных обстоятельствах он может оказаться даже полезным.

— Ты не знаешь, есть ли в этой стране город под

названием Земля?

— Земля? Как и наша планета?

— Звучало это именно так. Но, может, я ослышалась.

— Не знаю ничего похожего. А где он расположен?

— Где-то здесь неподалеку.

Он покачал головой.

— Земля? А может, Марс? Или Венера? — Он расхохотался, довольный собственным остроумием, и выронил вилку. — Ты правильно разобрала?

— Да не то чтобы… Наверное, я все-таки ошиблась.

Верный своей неподражаемой манере, Тони продолжал скверно каламбурить до тех пор, пока ей не удалось избавиться от его общества. В одном из кабинетов висела крупномасштабная карта всего района, но, исследовав карту вдоль и поперек, Элизабет не обнаружила ни одного названия, хотя бы отдаленно напоминавшего произнесенное Гельвардом. Более того, он твердо заявил, что его город лежит на юге, а в том направлении по меньшей мере на шестьдесят миль крупных поселений не было вообще.

Утомленная, она вернулась к себе в комнату. Уже раздеваясь, достала подаренные ей рисунки

и прикрепила их над кроватью. Тот рисунок, что изображал ее, был таким необычным…

Она присмотрелась повнимательнее. Рисунок был выполнен на очень старой бумаге, пожелтевшей по краям. И тут до нее дошло, что вверху и внизу бумага по линии отрыва иззубрена. Проверяя себя, она провела по краю пальцем и ощутила то же, что заподозрили глаза: тут без сомнения была перфорация.

Бережно, чтобы не повредить рисунок, она отделила его от стены и перевернула. По задней стороне бумаги, сбоку, бежала колонка цифр, две или три из них были отмечены звездочками. А рядом шла надпись синим шрифтом, почти неразличимым от времени: «Лента компьютерная многократного применения. IBM».

Элизабет прикрепила рисунок обратно к стене… и уставилась на него в еще большем недоумении.

4

Наутро Элизабет, отстучав по телетайпу очередную тщетную просьбу прислать врача, вернулась в селение. К тому времени, как она добралась туда, улицы уже затопил полуденный зной и все погрузилось в привычную унылую летаргию, которая так бесила ее поначалу. Луиса она разыскала быстро: в компании двух других мужчин он развалился в тени у церкви.

— Ну, что? Они приезжали?

— Нет. Сегодня нет, малышка Хан.

— Когда они обещали вернуться?

Он лениво пожал плечами.

— Не сегодня, так завтра.

— А вы уже пробовали?.. — Она запнулась, разозлясь на себя: ведь хотела же взят щепотку предложенного селянам удобрения в базовый лагерь на анализ, а потом заторопилась и забыла. — Ладно, но если они вернутся, дайте мне знать…

Она зашла проведать Марию и новорожденного, но никак не могла сосредоточиться на самых обыкновенных вещах. Позже сняла пробу с бесплатного обеда для всех желающих, потолковала

с отцом Дос Сантосом. И все время невольно прислушивалась: не донесется ли издали конский топот?

Наконец, не пытаясь больше обманывать себя, она отправилась на конюшню, оседлала лошадь и поехала вчерашним маршрутом в сторону реки.

И сейчас она все еще старалась не сознаваться себе в собственных мыслях и истинных намерениях. Только от себя не уйдешь: последние двадцать четыре часа привнесли в ее жизнь нечто совершенно новое. Она вызвалась приехать сюда и поработать вместе с другими добровольцами, когда поняла всю никчемность своей предыдущей жизни. Но здесь на смену прежнему разочарованию пришло иное, не менее горькое: какими благими ни были их намерения, добровольцы могли предложить обнищавшему населению здешних мест не помощь, а лишь видимость помощи. Слишком поздно они пришли, слишком скудными ресурсами располагали. Мизерные подачки в виде зерна, бессистемных прививок или ремонта церкви, — конечно, это лучше, чем ничего, но ни на йоту не приближало решения главной задачи. Усилиями одиночек разруху и одичание этих мест было не преодолеть.

Вторжение Гельварда в ее жизнь стало для

Элизабет первым ярким событием со дня приезда. Ведя лошадь по пустоши к лесу, она наконец призналась себе, что ею движет не простое любопытство, а нечто большее. В базовом лагере каждый был одержим собой и своим воображаемым вкладом в науку; они обожали мыслить абстрактными категориями, рассуждать о групповой психологии, социальной приспособляемости и поведенческих стереотипах, а на ее более приземленный взгляд выглядели напыщенным болтунами. Не считая незадачливого Тони Чеппела, она не встречала никого, кем стоило бы хоть на минуту увлечься, и это опять-таки было не то, на что она рассчитывала.

Гельвард был совсем из другого теста. Нет, нет, она и теперь не произнесла бы этого вслух, и все же, по совести говоря, ехала как на свидание.

Элизабет без труда разыскала то самое место на берегу и позволила лошади напиться. Потом привязала ее в тени, а сама уселась у воды и стала ждать. Усилием воли отогнав новый вихрь догадок, вопросов, предчувствий, она сосредоточилась на чисто физических ощущениях солнечного тепла и покоя и, откинувшись навзничь, закрыла глаза. Вода журчала по каменистому ложу, мягко шуршал ветерок в вершинах деревьев,

звенели какие-то мошки, пахло сухой листвой, прогретой почвой и просто жарой…

Прошел час, если не больше. Лошадь на опушке каждые несколько секунд взмахивала хвостом, отгоняя назойливых мух. Но вот она забеспокоилась, тихо заржала, и ей из-за реки отозвалась другая лошадь. Элизабет очнулась: на противоположном берегу стоял Гельвард.

Он приветственно поднял руку, она помахала ему в ответ. Он тут же спешился и быстро подошел к самому краю воды. Элизабет улыбнулась про себя: он был явно в приподнятом настроении и начал валять дурака, норовя развеселит ее. Наклонился, попытался встать на руки — с третьей попытки ему это удалось, но ненадолго, он потерял равновесие и, вскрикнув, рухнул в воду.

Элизабет вскочила и бросилась к нему вброд.

— Вы не ушиблись?

Он усмехнулся.

— А ведь в детстве у меня получалось…

— У меня тоже.

Он поднялся на ноги, глядя с унылым видом на свою промокшую одежду.

— Ничего, скоро высохнет, сказала она.

— Пойду приведу лошадь.

Они вместе перебрались на «свой» берег, и

Гельвард привязал коня рядом с лошадью Элизабет. Женщина села, он опустился рядом, вытянув ноги и подставив мокрые брюки солнцу. Лошади стояли бок о бок, в разные стороны головами, и вежливо отгоняли мух друг от друга.

У Элизабет накопилась тысяча вопросов — но она не задала ни одного. Она упивалась неизвестностью и не хотела разрушить тайну прозаическим объяснением. Самым вероятным, конечно же, было то, что Гельвард — один из сотрудников какого-то более отдаленного лагеря и что со скуки он затеял разыграть с ней замысловатую и не слишком остроумную шутку. Но даже если это так, она не осуждала шутника: его присутствие само по себе служило ей наградой, она слишком долго сдерживалась, чтобы не радоваться пробуждению от повседневной дремоты независимо от руководившим Гельвардом мотивов.

Единственной заведомо интересной для него темой разговора были рисунки, и Элизабет попросила показать их снова. Они поговорили о рисовании, он охотно комментировал то, что показывал, а она не преминула заметить, что рисунки, все без исключения, выполнены на обороте старинной компьютерной ленты. И вдруг он выпалил:

— А я чуть было не решил, что вы тоже из мартышек.

И опять в его речи явственно проступил тот же странный акцент.

— Из кого, из кого?

— Из мартышек. Так мы называем туземцев, которые здесь живут. Но они не говорят по-английски.

— Ну, положим, кое-кто говорит, хоть и не слишком грамотно. Те, кого мы научили.

— Мы? Кто это «мы»?

— Я работаю не одна.

— Разве вы не городская? — спросил он и неожиданно отвернулся.

Элизабет ощутила смутную тревогу: накануне он точно так же отворачивался и беспокоился, прежде чем внезапно встать и уехать. Ей вовсе не хотелось, чтобы он уезжал, — только не сейчас, еще не время…

— Вы же знаете, что нет.

— Знаю, что вы не из нашего Города. Но кто вы?

— Я же говорила вам, как меня зовут.

— Но откуда вы взялись здесь?

— Из Англии. Приехала два месяца назад.

— Из Англии? Но ведь Англия на Земле?

Он смотрел на Элизабет во все глаза, совершенно забыв про рисунки. Она рассмеялась нервным смехом — он опять вел себя как-то странно.

— До сих пор была на Земле, — ответила она, пытаясь обратить дело в шутку. — По крайней мере, пока я оттуда не уехала.

— Мой бог! Значит…

— Что — значит?

Он резко встал и опять отвернулся. Шагнул прочь, потом передумал и уставился на нее сверху вниз.

— Вы с Земли?

— А откуда же еще?

— Вы с Земли… С Планеты Земля?

— Конечно. Я вас не понимаю.

— Вы ищете нас, — заявил он.

— Нет. А впрочем… что вы имеете в виду?

— Вы нас нашли!

Она вскочила и метнулась в сторону от Гельварда. Но добежав до лошадей, все же задержалась. Его странности на глазах перерастали в помешательство, и она понимала, что оставаться с ним небезопасно. И все же — как он поступит?

— Элизабет, не уезжайте!

— Лиз, — поправила она.

— Лиз, вы понимаете, кто я? Я из Города Земля.

Вы должны знать про нас!

— Но я не знаю.

— Вы не слышали о нас?

— Нет, не слышала.

— Мы провели здесь тысячи миль. Много-много лет. Без малого два столетия.

— А где ваш город сейчас?

— Там, — он показал на северо-восток. — Миль двадцать пять к югу.

Слова противоречили жесту, но она решила, что Гельвард от волнения перепутал стороны света.

— Можно мне взглянуть на него?

— Разумеется! — Он в возбуждении одной рукой схватился за кисть Элизабет, а другой — за уздечку от лошади. — Поехали немедля!

— Погодите-ка. Как пишется название вашего города? — Он написал на бумаге «Земля». — Почему он носит такое название?

— Не знаю. Наверное, потому что мы с Планеты Земля.

— А разве мы с вами сейчас на другой планете?

— Но ведь это же очевидно!

— Вы уверены?

Это вырвалось у нее против воли — она под-

дразнивала Гельварда как маньяка, но был ли он маньяком? Лихорадочное возбуждение, пылающие глаза — это можно было истолковать как угодно. Инстинкт, на который она до последнего времени полагалась, требовал осторожности. Кто и за что мог бы поручиться теперь?

— Это не Земля!

Она подумала и сказала:

— Гельвард, встретимся завтра. Здесь же, у реки.

— Но мне казалось, что вы хотите увидеть Город.

— Хочу, но не сегодня. Надо проехать двадцать пять миль. Нужна свежая лошадь, необходимо разрешение…

Она словно оправдывалась в своей нерешительности. Он посмотрел на нее с сомнением.

— Вы боитесь, что я вас обманываю?

— Нет, не боюсь?

— Тогда в чем же дело? Сколько я себя помню и задолго до моего рождения, Город жил единственной надеждой — рано или поздно придет помощь с Земли. И вот вы здесь — и вы мне не верите, считаете меня сумасшедшим!..

— Вы и сейчас на Земле.

Он открыл было рот и закрыл его снова. Нако-

нец спросил:

— Зачем вы так зло шутите?

— Я не шучу.

Он опять схватил ее за руку и заставил повернуться, ткнул пальцем вверх:

— Что вы там видите?

Она заслонилась ладонью от нестерпимо яркого света.

— Солнце.

— Солнце! Да, солнце! Но какое солнце?

— Обыкновенное. Пустите меня, вы делаете мне больно!

Он послушался — только ради того, чтобы собрать рисунки, разлетевшиеся по берегу. Потом вытащил из пачки один рисунок и поднял его перед глазами.

— Вот оно, солнце! — заорал он, указывая на диковинное четырехконечное пятно в верхнем углу листка, над нелепой долговязой фигурой, изображающей саму Элизабет. — И такое же там, на небе!..

Задыхаясь от бешеного сердцебиения, она кое-как отцепила поводья, взобралась в седло и с силой пришпорила лошадь. Та взвилась на дыбы и сразу пошла в галоп. Гельвард так и остался у реки с рисунком в высоко поднятой руке.

5

На селение опускался вечер, и Элизабет рассудила, что возвращаться сегодня в базовый лагерь уже поздновато. Да она и не ощущала в себе ни сил, ни желания возвращаться — в конце концов, переночевать можно было и здесь.

Главная улица была пуста. Это поразило ее: обычно в это время селяне выходили из домов, чтобы тут же в пыли лениво поболтать меж собой, потягивая крепкое, вязкое, как смола, вино — делать настоящие вина они разучились.

Потом Элизабет расслышала гвалт, доносящийся из церкви, и поспешила туда. Под сводами собрались почти все мужчины селения. Были здесь и женщины, иные из них плакали.

— Что тут происходит? — обратилась она к отцу Дос Сантосу.

— Незнакомцы вернулись. Они предлагают сделку.

До Сантос держался в стороне от толпы, явно неспособный хоть чем-то повлиять на селян. Элизабет попыталась вникнуть в суть спора, но каждый орал, не слушая соседа, и даже у Луиса, хоть он и вылез к разбитому алтарю, не хватало

голоса перекрыть общий гам. Встретившись с Элизабет глазами, старейшина протолкался к ней.

— В чем дело?

— Они прибыли, малышка Хан. Мы согласны на их условия.

— Похоже, что до согласия еще далеко. Чего они хотят?

— Условия честные.

Он вознамерился было вернуться к алтарю, но Элизабет схватила его за руку.

— Чего они хотят? — повторила она.

— Они дадут нам лекарства и много еды. И еще удобрения, и еще они помогут починить церковь, хоть мы об этом и не просили.

Он уклонялся от ответа, то поднимая взгляд на Элизабет, то отводя глаза.

— А что взамен.

— Ерунда.

— Ну, давай не тяни, Луис. Чего они хотят?

— Десять наших женщин. Все равно что отдают добро задаром.

Она не сумела скрыть удивления.

— И что вы?..

— За ними будут хорошо смотреть. Сделают их здоровыми и сильными, а когда выйдет срок, они

принесут нам еще еды.

— А как к этому относятся сами женщины?

Он оглянулся через плечо на толпу.

— Они глупые, не рады…

— Еще бы! — Элизабет посмотрела на шестерых присутствующих женщин, которые держались отдельной группой; мужчины, что стояли к ним ближе других, трусливо улыбались. — А для чего им понадобились женщины?

— Мы не спрашивали.

— Потому что это ясно и без вопросов, не так ли? — Она повернулась к Дос Сантосу. — И что теперь будет?

— Люди уже все решили, мы бессильны.

— Но разве это не дикость? Не могут же они всерьез выменивать своих жен и детей на несколько мешков зерна?

— Нам нужно то, что они предлагают, — вмешался Луис.

— Мы тоже обещали вам продовольствие и врача — он уже в пути…

— Да, конечно, вы обещали. Вы скоро здесь два месяца, а еды вы нам дали всего ничего, и врач все едет… Эти люди по крайней мере не обманщики, это видно сразу.

Покинув Элизабет и Дос Сантоса, Луис про-

тиснулся на прежнее место. Выждав удобный момент, он утвердил сделку голосованием. Женщины в голосовании не участвовали.

Элизабет провела беспокойную ночь, зато к рассвету ей стало ясно, что предпринять.

Вчерашний день принес ей множество неожиданностей. По иронии судьбы единственное событие, которого она инстинктивно ждала, так и не состоялось. Теперь, когда встречи с Гельвардом виделись ей как бы в новом измерении, она набралась мужества признаться себе, что внутреннее беспокойство, погнавшее ее вчера к реке, означало в сущности просто телесную истому. Ее просто влекло к нему до той самой минуты, пока его глаза не заволокло пеленой упрямого фанатизма; даже сейчас она все еще не избавилась от того чувства страха и удивления, которое испытала при крике Гельварда, раскатившемуся по всему лесу:

— Солнце! Да, солнце! Но какое солнце?

Несомненно, за этой сценой скрывалось что-то, чего она еще не понимала. Накануне Гельвард вел себя совершенно иначе, как вел бы себя на его месте любой мужчина: она то и дело улавливала его сдержанный, но ощутимый зов. И никаких признаков фанатизма — только когда разговор

зашел о конкретных обстоятельствах его и ее жизни, в поведении художника вдруг наметилась странная перемена.

И эта загадочная компьютерная лента… В радиусе тысячи миль отсюда был один-единственный компьютер, и Элизабет знала точно, где он установлен и каким целям служит. Тот компьютер заведомо обходился без бумажной ленты и не имел ровным счетом никакого отношения к IBM. Впрочем, она слышала об IBM — это буквосочетание было известно каждому, кто изучал хотя бы азы компьютерной техники, но последний компьютер этой марки был выпущен еще задолго до той катастрофы. И если где-нибудь на свете сохранился в целости хоть один прибор производства IBM, то разве что в музее.

И наконец, навязанная селянам чудовищная сделка… Чего-чего, а подобного Элизабет и представить себе не могла, — хотя, вспоминая выражение глаз Луиса после первого разговора с незнакомцами, она поняла, что старейшина и тогда уже вполне догадывался о форме платежа.

Каким-то образом все это спутано в один клубок. Незнакомцы, нагрянувшие в селение, несомненно, жители того же таинственного города, что и Гельвард. Но какая связь между этой

сделкой и его безумными выкриками?

А самое главное — какое ей до всего этого дело? Да, формально ответственность за благополучие селения возложена на нее и Дос Сантоса. Месяц назад их даже навестил собственной персоной один из руководителей лагеря, но в настоящий момент основное внимание начальства было поглощено восстановлением большой гавани на побережье. Формально Элизабет находилась в подчинении Дос Сантоса, однако он недалеко ушел от селян: он и был местным, из тех сотен юношей, которых в срочном порядке рассовали по теологическим колледжам в надежде вернуть стране хотя бы религию. Религия издревле пользовалась в этих краях серьезным влиянием, я деятельность миссионеров почитали наиважнейшей. Но факты упрямо свидетельствовали: на то, чтобы Дос Сантос завоевал в селении авторитет, уйдут годы и годы, церковь не стала и еще долго не станет социальным и духовным сердцем общества, если это вообще когда-либо произойдет. Селяне соглашались терпеть миссионеров, но не более, а в повседневной жизни считались только с Луисом да отчасти с ней, медицинской сестрой.

Обратиться за советом в базовый лагерь? Этого еще не доставало! Лагерем руководили прекрас-

ные, честные ученые, но применять свои знания на практике было для них внове, и они не способны были спуститься с академических высот на грешную землю; простые человеческие печали женщин, которых променяли на еду, оставались выше их понимания. Нет, если кто-нибудь и мог что-то предпринять, то лишь она сама, на собственный страх и риск.

Решение далось ей нелегко. Всю долгую душную ночь напролет она только и занималась тем, что взвешивала все «за» и «против», вероятные опасности и возможные выгоды. И, как ни кинь, решение оказывалось единственным.

Элизабет поднялась с первыми лучами зари и отправилась к Марии. Надо было поторапливаться — незнакомцы обещали вернуться, как только рассветет.

Мария уже тоже проснулась, ребенок плакал. Но она, не обращая на него внимания, набросилась на Элизабет с расспросами о сделке, заключенной накануне.

— Некогда, — резко перебила ее Элизабет. — Мне нужна одежда.

— Но у тебя такое красивое платье!

— Мне нужна твоя одежда. Что-нибудь, все равно что.

Недоуменно причитая, Мария выложила перед гостьей все свои небогатые наряды. Платья и юбки были изрядно обветшавшими и, вероятно, никогда не ведали ни воды, ни мыла. Но это было то, что нужно. Выбрав плохо сшитую обтрепанную юбку и сероватую мужского покроя рубаху, она тут же напялила их на себя. Свою одежду и белье она сложила аккуратной стопкой и передала Марии на хранение.

— Ты теперь выглядишь не лучше наших замарашек!

— Так мне и надо!

Перед уходом она осмотрела ребенка, убедилась, что тот вполне здоров и попыталась втолковать матери, как ухаживать за малышом изо дня в день. Мария по своему обыкновению делала вид, что слушает, хотя Элизабет знала, что та выкинет все из головы, как только наставница шагнет за порог. И в самом деле — не она ли, Мария, благополучно вырастила уже троих?

Ступая босиком по пыли, Элизабет засомневалась, сойдет ли она за деревенскую. Волосы у нее были длинные и темные, и за два месяца она успела изрядно загореть, однако у местных женщин кожа отличалась особым глянцем. Она пробежала пальцами по волосам, изменив про-

бор; оставалось только надеяться, что теперь она достаточно неопрятна и лохмата.

На площади перед церковью уже собралась небольшая, но прибывавшая с каждой минутой толпа. Луис, выполняя обязанности распорядителя, уговаривал тех женщин, что что явились из любопытства, разойтись по домам. Подле Луиса жалась кучка девушек — Элизабет не без ужаса убедилась, что сюда пригнали самых молоденьких и хорошеньких. Вскоре их стало ровно десять; тогда Элизабет протолкалась сквозь толпу.

Луис узнал ее с первого взгляда.

— Малышка Хан?..

— Луис, кто тут самая младшая? — Но прежде чем он успел ответить, она совершила выбор без его помощи и подошла к Леа, которой по всем признакам едва исполнилось четырнадцать. — Леа, ступай домой, к маме. Я пойду вместо тебя.

Девушка отделилась от других и двинулась прочь, не выразив ни удивления, ни протеста, ни радости. Луис тупо уставился на Элизабет, потом пожал плечами.

Ждать долго не пришлось. Через несколько минут на площадь въехали трое всадников, и каждый вел в поводу еще по лошади. Все шесть лошадей были тяжело навьючены, и прибыв-

шие, спешившись, без промедления разгрузили поклажу перед толпой. Луис бдительно следил за погрузкой. Элизабет слышала, как один из прибывших обратился к нему:

— Через два дня привезем остальное. Так вы хотите, чтобы мы чинили церковь, или нет.

— Нет, нам это ни к чему.

— Дело ваше. Хотите ли вы изменить условия сделки?

— Нет. Мы вполне довольны.

— Прекрасно. — Человек повернулся лицом к толпе, следившей за происходящим, затаив дыхание. Он говорил с селянами, как до того с Луисом, на их родном языке, но с сильным акцентом. — Мы старались вести себя как люди доброй воли и люди слова. Кому-то из вас предложенные нами условия, возможно, и не понравились, но мы просим не таить на нас зла. О женщинах, которых вы нам одолжили, будут заботиться, их никто не обидит. Мы не меньше вашего заинтересованы, чтобы они были здоровы и счастливы. Обещаем вернуть их вам, как только сможем. Спасибо за внимание.

На этом церемония, если она заслуживала такого названия, была окончена. Спешившиеся всадники предложили лошадей женщинам. Две

девицы ухитрились взгромоздиться на лошадь вместе, пятеро сели в седла поодиночке. Элизабет и еще две гордячки предпочли идти пешком, и вскоре процессия покинула селение, направляясь по сухому руслу к пустоши за околицей.

6

В течение всего дня Элизабет старалась хранить такое же настороженное молчание, как и ее спутницы. Меньше всего ей хотелось, чтобы ее разоблачили.

Трое мужчин обращались друг к другу по-английски, подразумевая, что женщинам этот язык незнаком. Сперва Элизабет напряженно прислушивалась, рассчитывая узнать что-либо интересное, но, к большому ее разочарованию, мужчины сетовали на жару, на отсутствие тени, на длительность предстоящего пути. Впрочем, о вверенных их попечению женщинах они заботились вроде бы искренне и постоянно осведомлялись, как они себя чувствуют. Время от времени Элизабет заговаривала со своими спутницами на их родном языке и слышала в ответ по существу то же самое: жарко, устали, хочется пить и вообще, поскорее бы все кончилось, поскорее бы добраться до цели…

Через час-полтора устраивали короткий привал; те, что шли пешком, садились на лошадей, и наоборот. Однако никто из мужчин не дал себе поблажки и не воспользовался седлом даже на

мгновение, и Элизабет мало-помалу начала им сочувствовать: если Гельвард сказал правду и им предстояло преодолеть двадцать — двадцать пять миль, в такой знойный день это было тяжким испытанием.

То ли усталость постепенно взяла верх над осмотрительностью, то ли женщины своим полным безразличием к провожатым укрепили их в уверенности, что не понимают по-английски ни слова, только ближе к полудню мужчины в своих беседах перешли на темы, с путешествием непосредственно не связанные. Началось, правда, опять с жалоб на немилосердную жару, но почти сразу же зазвучали и иные, более серьезные ноты:

— И ты полагаешь, все это по-прежнему необходимо?

— Меновая торговля?

— Да. Ты же помнишь, какие беды она принесла нам в прошлом.

— У нас нет другого выхода.

— Чертова жара!

— Что ты можешь предложить взамен?

— Не знаю. Да меня и не спрашивали. Будь моя воля, разве я перся бы сейчас по солнцепеку?

— А по мне, это, может, и не бессмыслица.

Помнишь предыдущую группу переселенок? Так они прижились в Городе, и, похоже, в мыслях не держат проситься домой. Может, в новых сделках и нужды не возникнет.

— Возникнет.

— Ты что, вообще против всей нашей работы?

— Если честно, то против. Подчас мне кажется, что самые принципы жизни Города — полный бред.

— Не иначе, ты терминаторов наслушался?

— Ну что же, не спорю. Если их непредвзято послушать, то начинаешь понимать, что в их рассуждениях есть доля истины. Они не во всем правы, но уж во всяком случае не такие олухи, как уверят нас Совет навигаторов.

— Ты с ума сошел!

— Согласен. Как не спятить по такой жаре?

— Не вздумай повторить что-либо подобное в Городе.

— А, собственно, почему? Там многие говорят то же самое.

— Но не гильдиеры. Ты же побывал в прошлом. И должен знать, что почем.

— Я просто реалист. Надо прислушиваться к мнению большинства. В Городе уже и сегодня терминаторов больше, чем гильдиеров. Только

и всего.

— Заткнись, Норрис, — вмешался третий, тот, что выступал с речью перед толпой, до сих пор не участвовавший в беседе.

Путешествие продолжалось в молчании.

Элизабет завидела Город на горизонте гораздо раньше, чем сообразила, что это, собственно, такое. По мере того, как десять женщин и трое провожатых приближались к цели, она все пристальнее вглядывалась в открывающуюся перед ней картину, но так и не разобралась ни в самой системе рельсов, ни в их предназначении. Сперва ей показалось, что это какая-то сортировочная станция, но где же тогда вагоны? И каким практическим надобностям могут служить пути столь небольшой длины? Потом она обратила внимание на людей, выставленных вдоль путей в качестве часовых: одни были с ружьями, другие с устройствами, напоминавшими старинные арбалеты. Но, по правде сказать, более всего ее заинтересовал сам Город.

Да, она слышала, как провожатые, а еще раньше Гельвард называли свое место жительства Городом, хотя самой Элизабет оно показалось одним разросшимся и довольно бесформенным зданием. Не слишком прочным к тому же, возве-

денным по большей части из дерева. Лишенное всяких украшений, оно одновременно казалось и безобразным и привлекательным. Она припомнила: именно так строили прежде, только используя другие материалы — сталь и железобетон. Именно таким строгим контурам и четкости линий отдавали предпочтение, пренебрегая внешней отделкой. Впрочем, те здания были очень высокими, а это непонятное сооружение не превышало и семи этажей. Древесин на фасадах побурела от непогоды, однако кое-где желтели пятна свежеуложенных бревен и досок.

Подведя группу вплотную к Городу, провожатые направились к темному проходу под днищем. Все спешились, и подскочившие откуда-то молодые люди увели лошадей. Несколько ступенек, дверь, лестница и еще одна дверь, и наконец — ярко освещенный коридор. Коридор упирался в новую дверь, и здесь провожатые остановились. На двери висела табличка: «АДМИНИСТРАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ».

За дверью с табличкой вновь прибывших приветствовали две городские женщины, говорящие на местном наречии с тем же немыслимым акцентом.

Раз уж Элизабет решилась на обман, пришлось

выдерживать свою роль до конца. В первые же дни ее подвергли самому тщательному обследованию и множеству процедур. Ее выкупали, промыли ей волосы, проверили, нет ли там насекомых. Отвели ее на осмотр к терапевту, затем к офтальмологу и стоматологу и наконец сделали укол — не составило труда догадаться, что это тест на венерические болезни.

Приговор врачей ее не удивил: из десяти вновь прибывших Элизабет единственная была признана полностью здоровой. Вскоре ее передали на попечение двух других женщин, которые принялись учить ее английской речи. От души веселясь про себя, она пыталась, как могла, затянут процесс обучения — и все же буквально через три дня ее сочли достаточно подкованной, и на том начальный этап ее переселения в Город был завершен.

До сих пор она ночевала в общей спальне со своими спутницами, теперь ей выделили крошечную отдельную комнатушку, стерильно чистую и обставленную с предельной скупостью. В комнатушке была узкая кровать, ниша для одежды — Элизабет получила два одинаковых комплекта белья и верхнего платья, — стул и четыре квадратных фута свободной площади.

С момента ее прибытия в Город прошло восемь дней, и Элизабет все чаще задавалась вопросом, чего же, собственно, она рассчитывала добиться. По выходе из-под прямой опеки администраторов службы переселения ее определили на кухню судомойкой. Вечера оставались свободными, и ей без обиняков дали понять, что она обязана минимум час, а то и два проводить в особом зале и не отказываться от общения с посетителями мужского пола.

Зал находился по соседству со службой переселения. У стены располагался маленький бар с весьма скудным, как отметила Элизабет, выбором напитков, а рядом — древний видеомагнитофон. Улучив удобную секунду, она включила его: на экране замелькали кадры комедийной программы, совершенно ей непонятной, хотя невидимая публика то и дело взрывалась хохотом. Комические эффекты, очевидно рассчитанные на современников, для нее оставались тайной. Тем не менее она терпеливо досмотрела программу до конца и из финальных титров узнала, что пленка была выпущена в 1985 году — более двух веков назад!

Обычно посетителей в зале бывало немного. Женщина из службы переселения, хозяйничав-

шая за стойкой, улыбалась заученной улыбкой, в уголке сидели две-три девицы из нового набора. Время от времени в зал заглядывали мужчины, одетые, как и Гельвард, в темную форму, но никому из них так и не удалось завладеть ее вниманием.

И вдруг днем, на кухне, когда менее всего она этого ожидала, Элизабет разрешила одну из мучивших ее загадок. Перемыв посуду, она складывала ее в специально для того предназначенный металлический шкаф и вдруг увидела то, чего раньше не замечала. Да, увидеть было непросто: всю прежнюю начинку давно вынули, понаделав деревянных полок, и все же на дверце из-под слоя краски при определенном освещении проглядывала эмблема IBM — несомненно, когда-то кухонный шкаф был кожухом компьютера.

Пользуясь каждой возможностью, Элизабет бродила по Городу и с любопытством вглядывалась во все вокруг. До прибытия сюда она пугала себя, что окажется в Городе на положении узницы, но нет, за пределами четко очерченного круга обязанностей она была вольна ходить где вздумается, делать что захочет. Она разговаривала с людьми, наблюдала, сопоставляла и обдумывала свои наблюдения.

Как-то раз она попала в небольшую комнату, отведенную, очевидно, рядовым жителям Города для бесед в часы досуга. На столике лежала пачка аккуратно скрепленных машинописных листков. Она пробежала их глазами без особого интереса — на первой странице значилось: Директива Дистейна.

Впоследствии, гуляя по Городу, она обратила внимание, что копии Директивы разложены в самых разных местах, и со временем ради любопытства прочитала одну из них. Вникнув в содержание Директивы, Элизабет спрятала один экземпляр под матрасом, намереваясь вывезти его из Города при первой возможности.

Она начинала кое-что понимать… Вновь и вновь возвращаясь к Дистейну, она так часто перечитывала текст, что запомнила его почти наизусть.

Час за часом ее представления о Городе выстраивались во все более стройную систему — и тем не менее в этой системе зиял какой-то пробел. Отправной точкой, на которой зиждилось бытие Города и его обитателей, служило представление о том, что они существуют в неком опрокинутом мире. Опрокинуты все физические характеристики — и не только самой планеты, но и всех тел во

всей обозримой Вселенной. Горожане приняли приближение, предложенное Дистейном, — тела изогнуты от экватора на север и на юг по гиперболе, — и это приближение как нельзя лучше согласовывалось с формой странного пятна, нарисованного Гельвардом над головой Элизабет и обозначавшего, по его мнению, солнце.

Но пробел — чем заполнить пробел? Как устранить противоречие, которое Элизабет со всей ясностью осознала в тот день, когда забрела в дальнюю, прежде разрушенную часть Города, которая ныне возводилась заново? Она подняла взгляд к солнцу, защитив глаза рукой. Солнце оставалось точно таким же, каким было всегда: на небосводе висел все тот же сияющий ослепительно белым светом шар.

7

У Элизабет созрело решение покинуть Город — лучше всего украсть из конюшни лошадь, верхом добраться до селения, а оттуда до базового лагеря — и сразу попросить отпуск. Отпуск был ей так или иначе положен в самом недалеком будущем, и приблизить это будущее на неделю-другую, вероятно, не составит труда. А имея в своем распоряжении целый месяц, она успеет съездить в Англию и разыщет там кого-нибудь, для кого ее рассказ об испытанном и пережитом представит профессиональный интерес.

Коль скоро у нее составился четкий план, привлекать к себе излишнее внимание было бы неразумно. День накануне отъезда она провела как обычно, работая на кухне, а вечером, тоже как обычно, направилась в зал знакомств. И первым, кого она увидела там, едва переступив порог, оказался Гельвард.

Он стоял к ней спиной, разговаривая с одной из переселенок. Она подошла, стала рядом и тихо произнесла:

— Хэлло, Гельвард…

Он резко повернулся и уставился на нее в недо-

умении.

— Это вы?.. Что вы здесь делаете?

— Тс-с! Не стоит, чтобы другие слышали, что я говорю по-английски. Я ведь одна из ваших переселенных женщин. — Она двинулась в дальний угол зала. Матрона за стойкой удостоила ее поощрительным кивком, когда Гельвард бросился следом. — Послушайте, — сказала Элизабет, не давая ему опомниться, — я очень сожалею о том, что произошло последний раз у реки. Теперь я кое в чем разобралась…

— А вы не сердитесь на меня, что я испугал вас?

— Вы кому-нибудь говорили обо мне?

— О том, что вы с Земли? Нет.

— Очень хорошо. И не надо говорить.

— Так вы действительно с Планеты Земля? — спросил он, помолчав.

— Да, только мне не нравится, что вы истолковываете это именно так. Я с Земли, и вы тоже. Тут какое-то огромное недоразумение.

— Мой бог, вы снова за свое. — Он был выше Элизабет на девять дюймов и смотрел на нее сверху вниз. — Здесь вы выглядите совсем по-другому. Но зачем вы записались в переселенки?

— Не могла придумать другого способа проник-

нуть в Город.

— Я бы взял вас с собой. — Он огляделся по сторонам. — Вы подружились здесь с кем-нибудь из мужчин… вы понимаете?..

— Понимаю, но нет, этого не было.

— И не надо. — Он все время озирался через плечо. — Вам дали комнату? Нам было бы там гораздо удобнее…

Очутившись в комнатушке, она заперла дверь: стены были тонюсенькие, но создавалась хотя бы видимость уединения. Интересно, ему-то какой резон осторожничать? Отчего он не захотел разговаривать в зале? Она присела на стул, Гельвард опустился на край кровати.

— Я прочла Дистейна, — сказала Элизабет. — Увлекательный документ. И я где-то слышала это имя. Кто он такой?

— Основатель Города.

— Это-то я поняла. Но он был известен чем-то еще.

Гельвард ответил ей недоуменным взглядом, потом спросил:

— А то, что вы прочли? Вы поняли то, что прочли?

— Более или менее. Он был очень одинок. И он заблуждался.

— Заблуждался? В чем?

— Во всем, что касается Города и окружающих нас опасностей. Он считал, что вас каким-то образом забросило на другую планету.

— Но это так и есть!

Элизабет покачала головой.

— Вы никогда не покидали Землю, Гельвард. И сейчас, сию минуту, когда мы говорим с вами, мы оба на Земле.

Он весь задергался, заломив в отчаянии руки.

— Вы ошибаетесь! Не знаю, как это может быть, но вы ошибаетесь! Что бы вы ни говорили, Дистейн написал правду. Мы на другой планете.

Элизабет попыталась подойти к делу с иной стороны.

— Тогда, у реки… вы нарисовали над моей головой солнце. Солнце гиперболической формы. Вы видите его именно таким? А меня вы изобразили слишком худой и высокой. Опять-таки потому, что вы меня такой и увидели?

— Не я вижу солнце таким, а оно такое и есть. И таков же весь этот мир. А вас… вас я нарисовал такой, какой вы были тогда. Мы же встретились далеко на север от Города. А теперь… Нет, этого не объяснишь — слишком сложно.

— А вы попробуйте.

— Не стану и пробовать.

— Ну, не хотите — не надо. А знаете, каким вижу солнце я? Самым обычным, круглым, сферическим — выберите термин по вкусу. Разве вам невдомек, что наш мир таков, каким мы его воспринимаем? Ваши органы чувств обманывают вас. Не знаю почему, но обманывают… и с Дистейном было то же самое.

— Лиз, это не обман чувств. Я не просто видел, не просто воспринимал — я *жил* в этом мире. Как бы вы ни разуверяли меня, для меня он реален. И я не один. Большинство жителей города знают то же, что знаю я. Наши знания восходят к Дистейну, потому что он был здесь с самого начала. И если мы не погибли за столько лет, то лишь благодаря этим знаниям. Эти знания — опора всему, они сохраняют нам жизнь, без них мы не понимали бы, что Город должен перемещаться…

Элизабет попыталась что-то сказать, но он продолжал:

— Лиз, после того как мы расстались тогда, мне надо было подумать. Я поехал на север, еще дальше на север. И обнаружил такое… такую преграду, такой вызов нашей способности уцелеть в этом мире, с каким мы не сталкивались никогда прежде. Встреча с вами была — не умею

выразить — подарком, какого я не ожидал. Но она косвенно повлекла за собой открытие еще большего значения.

— Что же это за открытие?

— Не могу вам сказать.

— Почему?

— Я не вправе говорить о нем ни с кем, кроме членов Совета. Они наложили пока запрет на распространение информации. Если новость станет всеобщим достоянием, не миновать беды.

— Какой беды?

— Вы слышали о терминаторах?

— Слышала, хоть и не знаю толком, кто это такие.

— Ну, как бы объяснить... Это те, кто хочет заставить Город остановиться. Если новость дойдет до них, поднимется страшная кутерьма. Город только-только оправился после тяжких потрясений, и навигаторы отнюдь не жаждут нового кризиса.

Элизабет смотрела на него молча, не находя слов. Неожиданно она увидела себя и всю ситуацию в новом свете. Судьба поставила ее как бы на стыке двух реальностей: ее собственной, привычной с детства, и реальности Гельварда. И как бы ни сблизились эти две реальности, им

не сомкнуться. Подобно кривой, что вычертил Дистейн, выражая свое восприятие мира: чем ближе Элизабет подступала к Гельварду, тем стремительнее от него удалялась. Угораздило же ее впутаться в трагедию, где одна логика пасовала перед лицом другой, — и найти выход оказывалось ей не по силам.

Гельвард был несомненно искренен, сам факт существования Города и его обитателей совершенно неоспорим, но теории, на которых они строили всю свою жизнь, более чем странны, и главное — непреодолимым оставалось основное противоречие: Город и горожане никогда не покидали Землю. Элизабет видела одно, Гельвард утверждал другое, и переубедить его было невозможно. А стать на его точку зрения тем более. Любая попытка сомкнуть реальности, совместить несовместимое вела в тупик.

— Я собираюсь завтра уехать из Города, — сказала Элизабет.

— Поехали вместе. Мне как раз предстоит поездка на север.

— Ничего не получится, мне надо вернуться в селение.

— В то самое, откуда привезли женщин?

— Да.

— Это по пути. Я достану вам лошадь.

Новое противоречие: селение лежало на юго-западе от Города.

— Зачем вы пожаловали к нам в Город, Лиз? В же не из местных…

— Хотела повидать вас.

— Зачем?

— Сама толком не знаю. Вы напугали меня, но я встретила еще и ваших коллег, вступивших в переговоры с селянами. Хотелось выяснить, что происходит. Лучше бы я не ввязывалась в эту историю. Честно говоря, я и сейчас вас боюсь.

— Я же сейчас смирный…

Она рассмеялась — и поняла, что смеется впервые с того дня, как прибыла в Город.

— Да нет, — сказала она, — тут дело не в вас. Все, что я принимала как само собой разумеющееся, здесь, в Городе, выглядит иначе. И не мелочи, а самые важные понятия, например, цель жизни. Вы все здесь такие целеустремленные, словно Город — средоточие всей человеческой цивилизации. А это не так. Для человека на свете есть множество дел, и стремление выжить — не единственная цель существования, и даже не главная. Вы поставили себе задачей выжит любой ценой. Мне же, Гельвард, довелось побывать во многих

других местах, кроме Города, во многих-многих других. Что бы вы ни думали, ваш Город вовсе не центр Вселенной.

— Нет, центр, — возразил он. — Потому что, если мы усомнимся в этом, мы все умрем.

8

Выбраться из Города оказалось гораздо проще, чем представляла себе Элизабет. Вместе с Гельвардом и еще одним мужчиной по имени Блейн они спустились на конюшню, оседлали трех лошадей и двинулись в направлении, которое Гельвард упорно называл северным. Вновь, в который уже раз, она спросила себя, что стряслось с его чувством ориентации, — судя по солнцу, они ехали на юго-запад, — но вслух ни каких вопросов не задала. Пожалуй, она уже привыкла к тому, что логика Гельварда противоречит здравому смыслу, но предпочла не подчеркивать этого лишний раз. А может, вынужденно научилась считаться с мнением горожан, даже не разделяя его.

Когда они очутились под тушей Города, Гельвард показал ей огромные стальные колеса, и добавил, что колеса вращаются, только почти неразличимо медленно. Тем не менее, по его словам, Город перемещается на милю каждые десять дней. На север или на юго-запад — смотря по тому, захочет она руководствоваться городскими или собственными представлениями.

Путешествие заняло два дня. Мужчины то

болтали между собой, то обращались к ней, хотя подчас она понимала их с трудом. Она чувствовала, что перегружена впечатлениями до предела и попросту не способна усвоить что-либо еще.

К вечеру первого дня они оказались примерно в миле от ее селения, и Элизабет сообщила Гельварду, что пора расставаться.

— Нет-нет, поезжайте с нами. Вернуться всегда успеете.

— Но я собираюсь в Англию, — ответила она. — Надеюсь, что сумею вам помочь.

— Сначала вы должны кое-что увидеть.

— Что именно?

— Сами не знаем, — отозвался Блейн. — Вот Гельвард и подумал, что вы, может быть, подскажете…

Элизабет поупиралась минуту-другую, но в конце концов сдалась. Оставалось диву даваться, как быстро и в общем-то охотно она дала себя вовлечь в чуждые ей заботы. То ли эти люди чем-то привлекли ее, то ли растормошили: обычаи Города при всей их странности подчинялись определенной логике, создавая подобие цивилизации, — и это в стране, которую на протяжении многих десятилетий раздирала анархия! За считанные недели, проведенные в селении, Элизабет

стала ощущать, что повадки крестьян этой местности, их хроническая летаргия, неспособность справиться даже с пустяшными житейскими проблемами истощили ее волю, почти исчерпали ее профессиональную готовность служить интересам других. Горожане были людьми иной породы: очевидно, потомками какой-то группы, уцелевшей в дни катастрофы и продолжавшей жить по законам прошлого. В Городе сохранились все признаки организованного общества: дисциплина, чувство цели, безусловное, присущее каждому самосознание — все это не могло не привлекать, несмотря на заведомый оттенок анахронизма, невзирая на явные несоответствия между формой и содержанием.

И когда Гельвард попросил Элизабет составить им компанию, а Блейн поддержал его, она не нашла в себе сил сопротивляться. В конце концов, ее никто не тянул в Город на аркане, она влезла в эту кашу по доброй воле. Она бросила порученных ее попечению селян, — ну, допустим, это можно оправдать беспокойством за судьбу женщин, — и теперь хочешь не хочешь обязана довести свою затею до развязки. Рано или поздно отыщется какое-нибудь учреждение, которое возьмется перевоспитывать горожан, приспосабливать их

к современной жизни, но пока что она как бы приняла их под личную ответственность…

Ночь они провели в палатках. Палаток было только две, и мужчины галантно уступили одну Элизабет, но сначала до полусмерти замучили ее разговорами. По-видимому, Гельвард рассказал своему коллеге, и довольно подробно, о том, как встретился с ней и как поразился ее несходству ни с туземными женщинами, ни с горожанками. И сейчас Блейн обращался к ней напрямую, а Гельвард держался в тени и лишь время от времени поддакивал, подтверждая слова товарища.

Блейн понравился Элизабет прежде всего своей прямотой: он не уклонялся даже от самых неприятных вопросов. Но в общем и целом он только подтвердил то, что Элизабет уже знала и без него: Дистейн с его Директивой, неустанное перемещение как первейшая заповедь Города, диковинный облик планеты. Элизабет не пыталась спорить, просто слушала: опыт внушил ей, что препираться с горожанами бесполезно.

Верховая езда целый день напролет вымотала ее, но, когда она наконец заползла в спальный мешок, сон пришел не сразу. Реальности не сомкнулись; едва соприкоснувшись, они оттолкнулись друг от друга и разошлись еще дальше.

Да, она стала понимать горожан и их обычаи несравненно глубже — но ведь ее-то логику это не поколебало! Они жили, по собственному их утверждению, в опрокинутом мире, в мире, где все законы природы действуют шиворот-навыворот, — и она бы поверила им, если бы… если бы не твердая уверенность в том, что они искренне заблуждаются.

Ее и Гельварда с Блейном окружала одна та же действительность, однако воспринимали они эту действительность по-разному. А тут-то, чем можно было помочь?

Леса остались позади; ныне их путь лежал по неровной пустоши, поросшей кое-где высокой травой да хилыми кустами. Здесь не было ни дорог, ни тропинок, лошади шли медленно. В лицо дул ровный и прохладный бодрящий ветерок.

Мало-помалу исчезла всякая растительность, кроме редких пучков упрямой жесткой травы, цепляющейся за песчаную почву. Мужчины молчали, а Гельвард так и вовсе застыл в седле, уставясь невидящим взором перед собой и предоставив лошади выбирать маршрут по своему усмотрению.

Впереди, совсем невдалеке, трава окончательно сходила на нет, и едва они преодолели рыхлый

песчаный холмик, покрытый мелкими камушками, перед Элизабет открылась полоска дюн, а за нею берег. Лошадь, уже учуявшая прохладу воды, с готовностью откликнулась на прикосновение каблуков и легким галопом помчалась по дюнам вниз. На несколько пьянящих минут Элизабет вовсе отпустила поводья, упиваясь счастьем вольного полета над кромкой прибоя.

Гельвард и Блейн спустились на берег следом за ней и стали рядом, спешившись и глядя вдаль, на бескрайний голубой простор. Она подъехала к ним и тоже спрыгнула наземь.

— А что на запад и на восток? — спросил Блейн.

— То же самое. Я поискал объездной путь, но не нашел.

Блейн вынул из седельной сумки видеокамеру, подсоединил ее к батареям и плавным круговым движением отснял панораму водной глади.

— Надо отправить разведчиков еще дальше на восток и на запад, — сказал он. — Такое пространство не пересечь.

— Другого берега даже не видно.

Блейн глянул себе под ноги и нахмурился.

— И почва мне не нравится. Надо вызвать сюда мостостроителей. По-моему, песок не выдержит

тяжести Города.

— Но ведь должен быть какой-то выход!

Оба не обращали на Элизабет никакого внимания. Гельвард достал какой-то небольшой инструмент и установил его у самой воды. Инструмент был снабжен треногой и круглой шкалой, подвешенной на оси. Опустив на шкалу отвес, гильдиер снял с нее показания.

— Мы далеко опередили оптимум, — заявил он наконец. — У нас уйма времени. Тридцать миль — без малого год по городским часам. Неужели не успеем?

— Построить мост? Н-да, тут придется повозиться. И людей потребуется больше, чем у нас есть. А что об этом думают навигаторы?

— Проверяют мое сообщение. Ты же проверяешь меня?

— Проверяю. Только не вижу, что можно к нему добавить.

Гельвард еще с полминуты смотрел на безбрежную ширь, потом будто вспомнил о существовании Элизабет и обернулся к ней.

Ну, а что вы об этом скажете?

— О чем? Чего вы, собственно, от меня ждете?

— Скажите нам, что наше восприятие нас обманывает. Скажите, что тут нет реки.

— Это не река, — отозвалась Элизабет.

Гельвард бросил взгляд на Блейна.

— Ну вот, ты слышал. Нам это только мерещится.

Элизабет закрыла глаза и отвернулась. Выносить столь чудовищное несовпадение реальностей было выше ее сил.

От ветра ее знобило, она стянула с лошади попону и, закутавшись, отошла за дюны. Мужчины сразу же забыли о своей спутнице, Гельвард вытащил какой-то другой инструмент. Он считывал показания вслух, голос его на ветру звенел пронзительно и тоскливо.

Они работали мучительно медленно, кропотливо проверяя друг друга. Через час Блейн упаковал свою часть снаряжения, сел в седло и поскакал по берегу в северном направлении. Гельвард остался долго смотрел вслед компаньону, и сама его поза, как показалось Элизабет, выражала глубокое, неутешное одиночество и отчаяние.

Она истолковала это как крошечную трещинку в разделявшем их барьере. Закутавшись в попону еще плотнее, Элизабет спустилась по дюнам к кромке прибоя и спросила:

— Вы хоть знаете, где находитесь?

Он даже не повернул головы.

— Нет, не знаем. И никогда не узнаем.

— В Португалии. Эта страна называется Португалией. Она в Европе.

Элизабет передвинулась так, чтобы заглянуть ему в лицо. Секунду-другую он смотрел на нее в упор, но без всякого выражения. Потом безмолвно покачал головой и прошел мимо женщины к своей лошади. Барьер был непреодолимым.

Элизабет оставалось лишь последовать его примеру и сесть в седло. Она пустила лошадь шагом — сначала вдоль берега, затем вкось от воды, в сторону базового лагеря. Несколько минут — и тревожная синева Атлантики пропала из виду.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

Гроза бушевала всю ночь, и всю ночь никто из нас не сомкнул глаз. Наш лагерь был расположен в полумиле от моста, и рев обрушивающихся на берег волн, приглушенный завываниями ветра, достигал нас как монотонный гул. Но нам, особенно в мгновения затишья, мерещилось, что мы слышим треск и стон дерева, крошащегося в щепу.

К утру ветер утих, и мы наконец-то заснули. Правда, ненадолго — кухня задымила, как обычно, с рассветом, и нас позвали на завтрак. За едой все молчали: темя для разговоров могла быть только одна и ее лучшее было не трогать.

Затем мы отправились к мосту. И не прошли и пятидесяти ярдов, как кто-то показал на кусок дерева, выброшенный волнами на берег. Мрачное и, как выяснилось вскоре, справедливое знамение: от моста не осталось ничего, кроме первых четырех свай, вбитых в относительно твердый грунт у самых дюн.

Я взглянул на Леру на эту смену он был здесь старшим.

— Понадобятся бревна, много бревен, — заявил

он. — Меновщик Норрис, возьмите тридцать человек на валку леса.

Меня разбирало любопытство, что-то ответит Норрис: из всех гильдиеров, занятых на строительстве, он был самым нерадивым и поначалу то и дело донимал нас пространными нудными жалобами. Но сегодня он и не думал противиться — видно, детская болезнь бунтарства канула в прошлое. Он просто кивнул Леру, отобрал себе помощников, и они вернулись в лагерь за пилами.

— Значит, начнем все сначала? — обратился я к Леру.

— Конечно.

— А новый мост выдержит?

— Если построить его должным образом, надеюсь, выдержит.

Покинув меня, он занялся организацией работ по расчистке стройплощадки.

Гроза миновала, но огромные и злые волны позади нас все чаще с шумом обрушивались на берег реки.

Мы трудились весь день, не покладая рук. К вечеру площадка была расчищена, а Норрис со своей бригадой приволокли на берег четырнадцать толстых бревен. Теперь мы действительно могли наутро начать все сначала.

Но я не стал дожидаться утра и разыскал Леру. Он сидел в палатке один, перебирая листочки с набросками моста, хотя мысли его, по-моему, витали где-то далеко.

Встречи со мной не доставляли ему удовольствия, однако мы с ним здесь были старшими по рангу, и, помимо того, он понимал, что я не стану докучать ему без причины. Мы достигли примерно одинакового возраста: специфика моей работы на севере привела к тому, что я прожил множество никем не считанных, но субъективно долгих лет. Нам обоим было не слишком приятно сознавать, что он отец моей бывшей жены, и все же мы теперь стали ровесниками. Впрочем, ни один из нас не позволял себе прямо говорить об этом. Сама Виктория с тех давних дней, когда мы были женаты, постарела всего-то миль на двести, и пропасть между нами достигла такой ширины, что воспоминания о близости казались игрой воображения.

— Знаю, знаю, зачем ты пожаловал, — бросил он, едва я переступи порог. — Собираешься заявить мне, что этот мост нам никогда не построить.

— Да, это будет нелегко, — заметил я.

— Ты хотел сказать — невозможно.

— А как по-вашему?

— Я строю мосты, Гельвард. Думать мне не положено.

— Что за чепуха! Да вы и сами знаете, что это чепуха.

— Ладно, пусть чепуха. Но Городу нужен мост, и я его строю. Я не задаю лишних вопросов.

— До сих пор у рек, какие мы пересекали, было два берега.

— Это несущественно. Можно построить понтонный мост.

— А когда мы достигнем середины реки, где нам взять новую древесину? На чем устанавливать канатные опоры? — я без приглашения сел напротив Леру. Между прочим, вы ошиблись. Я пришел к вам не затем, чтобы вас обидеть.

— Тогда зачем же?

— Противоположный берег, — произнес я. — Где он?

— Где-нибудь там.

— Где там?

— Не знаю.

— Откуда в таком случае известно, что он вообще есть?

— А как может быть иначе?

— Если он есть, то почему же мы его не ви-

дим? Мы же вышли сюда задолго до оптимума, смотрели под благоприятным углом и все-таки ничего не видели. Между прочим, поверхность планеты…

— …вогнутая, ты хотел сказать? Естественно, я сам размышлял о этом. Теоретически мы должны в любой момент объять взглядом всю планету. А на деле атмосферная дымка не дает нам видеть дальше чем на двадцать-тридцать миль, и то в ясный день.

— Уж не собираетесь ли вы и вправду строить мост длиной в тридцать миль?

— Полагаю, что такой длинный мост нам не понадобится. Полагаю, что вообще все обойдется. Иначе зачем бы я стал упорствовать?

Я покачал головой:

— Понятия не имею.

— Известно ли тебе, продолжал он, что меня выдвигают в навигаторы? — Я опять отрицательно покачал головой. — А это так. Когда я последний раз был в Городе, состоялось заседание Совета. Общее мнение — река, вероятно, не так широка, как кажется. Не забывай, что к северу от оптимума все линейные масштабы искажаются. Сжимаются с запада на восток, растягиваются с севера на юг. Несомненно, перед нами очень пол-

новодная река, но противоположный берег у нее, так или иначе, существует. И Совет склоняется к мысли, что как только движение почвы снесет реку к точке оптимума, мы этот берег увидим. Да, конечно, река и тогда останется слишком широкой, чтобы пересечь ее одним прыжком, но все, что от нас потребуется, — набраться терпения и подождать. Чем южнее мы очутимся, тем Уже и мельче станет река. И тем легче будет построить мост.

— Но это дьявольский риск! Центробежная сила…

— Она учитывается.

— А что, если противоположный берег так и не появится?

— Он должен появиться, Гельвард, иначе не может быть.

— Вы слышали об альтернативном проекте? — осведомился я.

— Слышал, что болтают безответственные люди. Что можно покинут Город и построить корабль. Моего согласия на это не будет.

— Гордое упрямство мостостроителя?

— Нет! — выкрикнул он, побагровев. — Здравый смысл! Мы не сумеем сконструировать корабль, достаточно вместительный и достаточ-

но прочный.

— Но и достаточно прочный мост нам не удается построить.

— Твоя правда — но в мостах мы, по крайней мере, разбираемся. А кто в Городе хоть что-нибудь смыслит в кораблестроении? На ошибках учатся. Будем начинать снова и снова, пока мост не выдержит нагрузки.

— А время бежит…

— Как далеко в данный момент отсюда до оптимума?

— Двенадцать миль, даже немного меньше.

— По городским часам сто двадцать дней, — сказал Леру. — А здесь — сколько у нас есть здесь?

— Субъективно — примерно вдвое больше.

— Ну, этого хватит.

Я встал и двинулся к выходу. Он меня не убедил.

— Кстати, — бросил я через плечо, — примите поздравления титулом навигатора.

— Благодарю. Учти, что в списках тех, кого прочат в члены Совета, твое имя значится рядом с моим.

2

Спустя несколько дней нас с Леру сменили, и мы отправились в Город. Строительство нового, четвертого по счету моста через реку шло полным ходом, и настроение в лагере и на площадке царило приподнятое. Десять ярдов моста были готовы полностью — хоть сейчас настилай пути.

Всех городских лошадей мобилизовали на заготовку бревен, и пришлось шагать пешком. Как только мы отдалились от берега, ветер утих, и сразу потеплело. У большой воды, оказывается, быстро забываешь, что существует вязкая, изматывающая жара.

Поначалу мы молчали, потом я поинтересовался:

— Как поживает Виктория?

— Спасибо, хорошо.

— В последнее время я ее почти не видел.

— Я тоже.

Я осекся: мне и в голову не приходило, что упоминание о дочери приведет его в замешательство. В течение последних миль слух о реке, преградившей нам путь, стал общим достоянием, и терминаторы не замедлили громогласно на-

помнить о себе — а Виктория выдвинулась среди них в признанные лидеры. Утверждая, что на их стороне восемьдесят процентов негильдиеров, терминаторы требовали остановить Город без промедления. Вопреки всем былым традициям, Совет развернул новую просветительную компанию в надежде раскрыть гражданам Города глаза на чреватую опасностями природу опрокинутого мира, однако заумные теоретические концепции, естественно, не могли состязаться в доходчивости с простыми и заманчивыми посулами терминаторов.

Психологически терминаторы уже одержали серьезную победу. Почти вся рабочая сила была сосредоточена у будущего моста, на прокладке путей оставалась одна-единственная бригада, и хотя Город перемещался по-прежнему в непрерывном режиме, скорость движения заметно снизилась — он даже вновь отстал от оптимума на полмили. Стражники раскрыли очередной заговор терминаторов, задумавших перерезать канаты, но шума поднимать не решились. Быть может, его бы и подняли, но члены Совета понимали, что истинная угроза не в неумелых диверсиях, а в расшатывании освященных веками устоев городской жизни.

Виктория, как и большинство правоверных терминаторов, продолжала выполнять свои повседневные обязанности на пользу Города, однако влияние наших противников сказывалось, между прочим, и в том, что городские службы работали спустя рукава. У навигаторов всегда наготове было объяснение: люди, мол, переброшены на строительство моста, — но поверить в такое объяснение было трудно.

Впрочем, в кругах гильдиеров сохранилось почти полное единодушие. Да, случались жалобы, подчас и споры, и все же в общем и целом мы сходились на том, что мост надо строить любой ценой. Остановит Город — самоубийство.

— Ну и как, намерены вы принять предложенный пост? — спросил я Леру.

— Наверное, да. Не хочется уходить в отставку, но…

— Кто же говорит об отставке?

— Кресло в Совете фактически означает отставку. Отставку от работы в своей гильдии. Навигаторы почитают это новым шагом в своей политике. Вовлекая в Совет тех, кто играл активную роль в верховных гильдиях, они рассчитывают поднят его авторитет. Между прочим, именно поэтому выдвинули и твою кандидатуру…

— Мое место на севере, — перебил я.

— Мое тоже. Но мы с тобой достигли такого возраста…

— Не смейте и думать об отставке! — воскликнул я. — Вы же лучший специалист по мостам во всем Городе!

— Утверждают, что так. И тактично умалчивают о том, что три моих первых моста рухнули один за другим.

— Это те три, что не выдержали натиска волн на реке?

— Именно. И четвертый разделит их судьбу, как только налетит новая гроза.

— Но вы же сами говорили…

— Гельвард, этот мост мне не по зубам. Тут нужен кто-нибудь помоложе. Способный выдвинуть свежую идею. Быть может, надо действительно отказаться от моста и строить корабль…

Мы с Леру оба понимали без лишних слов, чего стоило ему подобное признание. Мостостроители недаром считались самой гордой гильдией во всем Городе. Ни один мост ни разу не подводил своих создателей. Вплоть до последнего времени.

Дальше мы шли молча.

Едва появившись в Городе, я ощутил острое

желание тут же вернуться на север. Очень уж не по душе мне пришлась здешняя атмосфера: столь характерные прежде подавленность, боязнь высказать собственное мнение сменились самовнушенной слепотой, пренебрежением к реальности, да и к заветам гильдиеров старой школы. В глаза бросались призывы, вывешенные терминаторами, в коридорах валялись грубо напечатанные листовки. Мост стал притчей во языцех, о нем говорили с ужасом: те, кто вернулся со стройплощадки, выболтали, что другого берега даже и не видно и что сваи не выдерживают натиска волн. Ходили слухи, наверняка распускаемые терминаторами, о десятках убитых, о новых нападениях туземцев.

В кабинете разведчиков будущего меня встретил Клаузевиц, ныне член Совета навигаторов. Он вручил мне официальное письмо с предложением принять высший в Городе ранг. Письмо называло и имена выдвинувших мою кандидатуру — самого Клаузевица и Макгамона.

— Благодарю за честь, — ответил я. — Но принять ее я не могу.

— Вы нам нужны, Гельвард. Вы один из опытных гильдиеров.

— Не спорю. Но мое место у моста.

— Вы принесете больше пользы здесь.

— Не думаю.

Клаузевиц доверительно отвел меня в сторону:

— Совет создает рабочую группу для переговоров с терминаторами. Мы хотели бы, чтобы вы вошли в нее.

— Какие могут быть с ними переговоры? Подавить их, и все!

— Нет, нет… мы намерены найти разумный компромисс. Они требуют, чтобы мы отказались от перемещения Города и перешли на оседлый образ жизни. Мы склонны прислушаться к ним, но лишь отчасти, и отказаться от моста.

Я смотрел на него с недоумением, наконец решительно сказал:

— Никогда не стану участвовать в подобной сделке.

— Вместо моста мы построим корабль. Естественно, не стол сложный, как Город, — меньших размеров и более простой конструкции. Лишь бы переправится на противоположный берег, а там — возведем Город заново.

Я вернул ему письмо и направился прочь.

— Нет и еще раз нет. Это мое последнее слово.

3

Я решил покинуть Город без промедления, вернуться на север и провести новую разведку реки. Сообщения моих коллег, ездивших вдоль берега, сходились на том, что он нигде не закругляется и, следовательно, то действительно река, а не озеро. Озера можно обогнуть, реки — хочешь не хочешь — надо пересекать. Однако я все время возвращался мыслями к предположению Леру, единственно обнадеживающему предположению, что противоположный берег удастся различить, как только река приблизится к оптимуму. Я хватался за эту гипотезу как за соломинку — если бы мне удалось засечь тот дальний берег, отпали бы все и всякие возражения против моста…

Я шел по Городу, сознавая, что обязан подкрепить свои слова и намерения конкретными поступками. Я чувствовал, что мост стал для меня делом жизни, что именно ради него я вступил в конфликт с теми, без чьего благословения его было не возвести, — с членами Совета. В определенном смысле я оказался теперь предоставленным самому себе, никем не понят, никому не в

радость. Если Совет придет к компромиссу с терминаторами, мне волей-неволей придется с этим примириться, но в данный момент я не видел альтернативы: мост был единственным выходом из тупика, пусть даже неосуществимым.

Мне вспомнилась фраза, брошенная когда-то Блейном. Он заявил, что Город — это скопище фанатиков, и я не понял его тогда. Он пояснил, что фанатик — это человек, который не сдается даже тогда, когда на успех не осталось никаких шансов. Если разобраться, Город борется, не имея шансов на успех, со времен Дистейна, и за спиной у нас уже семь тысяч достоверно пройденных миль, ни одна из которых не досталась нам даром. Выжить в опрокинутом мире, говорил Блейн, человек не может и не должен — и тем не менее Город прожил семь тысяч миль и собирается жить еще.

Вероятно, я унаследовал фанатизм от далеких предков, но мною владело чувство, что именно во мне сохранилось исконное стремление горожан уцелеть любой ценой, и сосредоточилось оно для меня в строительстве моста, какой бы безнадежной ни выглядела эта затея.

В коридоре я столкнулся с Джелменом Джейзом. Ему доводилось выезжать на север лишь изредка, и он субъективно стал на много миль

моложе меня.

— Куда направляешься? — окликнул он.

— На север, — ответил я. — Здесь мне делать нечего.

— Ты что, не слышал о митинге?

— Каком еще митинге?

— Терминаторы созывают митинг.

— И ты идешь к ним?..

В моем голосе, надо думать, прозвучало такое неодобрение, что Джейз начал защищаться:

— Да, иду. А почему бы и нет? Он впервые решились выступить публично.

— Ты что, с ним заодно?

— Ничуть не бывало. Но я хочу послушать, что они скажут.

— А если они убедят тебя в своей правоте?

— Вряд ли.

— Тогда зачем идти?

Джейз помолчал и спросил:

— Ты что, Гельвард, окончательно утратил всякое чувство объективности?

Я открыл было рот, намереваясь возразить, но… прикусил язык. В самом деле, может, он и прав.

— Ты считаешь, что единственно возможная и правильная точка зрения только твоя?

— Нет, не считаю. Но тут не может быть ни-

каких споров. Они неправы, и ты знаешь это не хуже меня.

— Из того, что человек неправ, еще не следует, что он дурак.

— Джелмен, — взмолился я, — ты же побывал в прошлом. Тебе известно, что там творится. Тебе известно, что довольно Городу остановиться — и его неизбежно снесет туда движением почвы. Какие же могут быть сомнения в том, что нам делать?

— Да, все это мне известно. Но терминаторов поддерживает значительная часть горожан. Мы обязаны хотя бы выслушать их.

— Они — враги безопасности Города!

— Согласен. Но чтобы одолеть врага, его надо хотя бы знать. Я иду на митинг, поскольку они впервые решились в открытую высказать свои взгляды. Я должен знать, с кем мне предстоит сражаться. Если мы намереваемся преодолеть эту реку, то перевести Город на другой берег будет поручено мне и таким, как я. Либо у терминаторов есть альтернатива, и тогда я хочу ее выслушать. Либо у них ее нет, и тогда я хочу в этом убедиться.

— И все же я отправляюсь на север, — упрямо тверди я.

Мы с Джейзом еще поспорили, но в конце концов пошли на митинг вместе.

Миль пять-десять назад работы по восстановлению яслей, и без того вялые, были приостановлены. Широкая стальная площадка опорной рамы, оголенная после расчистки пожарища, открывала с трех сторон широкий вид на окрестный ландшафт, а с четвертой, северной, примыкала к уцелевшим городским постройкам. Здесь уже успели возвести леса, которые и служили трибуной для ораторов.

Когда мы с Джейзом выбрались из городских теснин на площадку, там уже собралось немало людей. Я даже удивился, откуда их столько взялось: число постоянных обитателей Города заметно сократилось за счет тех, кто посменно работал на строительстве моста; и тем не менее на митинг пожаловали, по моей скромной оценке, три, если не четыре, сотни горожан. А ведь пришли, надо полагать, не все? Не говоря уже о занятых на мосту и у реки, тут не могло быть навигаторов, должны были найтись — не чета мне — и принципиальные гильдиеры…

Митинг уже начался, толпа довольно безучастно внимала оратору. Выступавший был из службы синтеза, он посвятил свою речь главным

образом описанию окружающих Город в настоящее время природных условий.

— …почвы тут богатые, и мы еще вполне можем успеть вырастить и собрать собственный хлеб. Воды в достатке, и тут и тем более на севере… — По рядам слушателей прокатился смешок. — Климат приятный. Туземцы не проявляют враждебности, и нам нет нужды их озлоблять…

Через несколько минут он сошел с трибуны под жиденькие аплодисменты. Без всякой паузы слово взял следующий оратор. Это Была Виктория.

— Граждане Города, стараниями Совета навигаторов мы поставлены перед лицом нового кризиса. Тысячи миль подряд мы ползли по этой земле, не брезгуя никакими, самыми бесчеловечными средствами, чтобы остаться в живых. До сих пор нам навязывал единственный способ существования — двигаться, двигаться все дальше на север. За нами, — она широко взмахнула рукой, как бы обведя всю местность за южным краем площадки, — пережитые в силу этого невзгоды. Впереди река. Река, которую, нам твердят, надо пересечь во что бы то ни стало. Что за рекой, нам не говорят. Не говорят просто потому, что и сами не знают…

Виктория выступала долго, но, признаюсь,

настроила меня против себя с первых же слов. По мне все это отдавало дешевой риторикой, но толпе примитивные приемчики Виктории пришлись явно по вкусу. Да и я, по-видимому, не сумел сохранить равнодушия в той мере, в какой хотелось бы, потому что, когда она добралась в своей речи до моего дорогого моста и ничтоже сумняшеся обвинила Совет навигаторов в гибели на строительстве многих рабочих, я кинулся вперед, пытаясь протестовать. Джейз схватил меня за руку.

— Гельвард, успокойся!..

— Но она несет совершеннейшую чепуху! — горячился я.

Впрочем, и без меня в толпе раздались голоса, что гибель рабочих — не более чем пустой слух. Виктория ловко замяла вопрос и тут же заявила, что на строительстве наверняка происходит много такого, о чем предпочитают не сообщать; толпа приняла новое обвинение благосклонно. Но особенной неожиданностью для меня явился конец ее речи:

— Я утверждаю, что мост не только не нужен, но и опасен для каждого из нас. И это не голословное утверждение. Многие из вас знают, что мой отец стоит во главе гильдии мостостроителей. Он про-

ектировал этот мост. Послушайте, что он скажет.

— Мой бог, какое было у нее право… — вырвалось у меня.

— Леру не принадлежит к терминаторам, — заметил Джейз.

— Да, не принадлежит. Но он утратил веру.

Леру уже поднялся на трибуну и стал подле дочери, выжидая, когда стихнут аплодисменты. Смотреть на толпу он избегал, понуро уставясь себе под ноги. Выглядел он совершенным стариком, усталым и подавленным.

— Пойдем отсюда, Джейз. Не хочу быть свидетелем его унижения.

Джейз нерешительно топтался на месте. Леру приготовился говорить. Я стал проталкиваться сквозь толпу, мечтая только об одном — скрыться, прежде чем он произнесет хоть слово. Я привык уважать Леру и не хотел даже слышать, как он признается в своем поражении.

Но, сделав всего несколько шагов, я замер как вкопанный. Позади Виктории я заметил еще одну знакомую фигуру. В первое мгновение я не понял, кто это, но затем узнал — Элизабет Хан!

Вот уж кого я никак не ожидал увидеть снова. Сколько воды утекло с тех пор, как она оставила нас! Не менее восемнадцати миль по городским

часам, а субъективно еще больше. Я старался вычеркнут ее из своей памяти — и это мне почти удалось…

Леру заговорил. Его голос звучал чуть слышно, смысл речи до меня не доходил. Я не сводил глаз с Элизабет. Я уже понял, зачем она здесь. Когда Леру кончит топтать себя, слово предоставят ей. И я знал заранее, что она скажет.

Я снова рванулся вперед, но Джейз схватил меня за руку.

— Ты что затеял? — громко спросил он.

— Эта женщина! Я ее знаю. Она не из Города. Мы не можем позволить ей говорить!..

Люди вокруг зашикали на нас. Я боролся изо всех сил, пытаясь освободиться от Джейза, но он не выпускал меня. Внезапный взрыв рукоплесканий показал, что Леру кончил. Я обратился к Джейзу:

— Слушай, ты обязан помочь мне. Ты даже не представляешь себе, кто это такая!

Уголком глаза я приметил Блейна, который протискивался к нам через толпу.

— Гельвард, ты только погляди, кто на трибуне!

— Блейн, ради всего святого, помоги мне!..

Я начал рваться с новой силой, и Джейз с тру-

дом удержал меня. Блейн быстро протолкался к нам и взял меня за другую руку. Вдвоем они оттащили меня назад, на самый край площадки.

— Прекрати, Гельвард, — произнес Джейз. — Стой спокойно и слушай!

— Но я знаю наперед, что она скажет!

— Так не мешай остальным.

Виктория снова выступила вперед.

— Граждане Города, я сейчас предоставлю слово еще одному человеку. Большинству из вас она незнакома, и неудивительно — ведь она не горожанка. Но то, что она сообщит вам, имеет огромное значение, и я надеюсь, у вас отпадут последние сомнения в том, что нам делать.

Она подняла руку, и Элизабет взошла на трибуну.

Элизабет не повысила голоса, но слова ее, кажется, были слышны на многие мили вокруг.

— Я для вас незнакомка, мне не привелось, как вам, родиться в стенах Города. Но как бы то ни было, а мы с вами соплеменники: мы люди и мы земляне. Вы прожили в этом Городе без малого двести лет — по вашему счету времени, семь тысяч миль. Вокруг себя вы видели погрязший в хаосе мир. Люди, которых вы встречали на своем пути, были темны и невежественны, раздавлены

нищетой. Однако в мире есть и другие люди. Я сама из Англии. Есть и другие страны, по сравнению с которыми моя Англия — карлик. Так что ваше организованное, упорядоченное существование — не единственное в своем роде…

Она замолчала, выжидательно глядя в толпу. На площадке стояла мертвая тишина.

— Я наткнулась на ваш Город совершенно случайно и некоторое время пожила среди вас как переселенка. — Послышался удивленный гул. — Я беседовала с несколькими из вас, стараясь вникнуть в вашу жизнь. Потом я покинула Город и вернулась в Англию. Я провела там почти полгода, пытаясь разобраться в истории Города. Сейчас я знаю о вас много больше, чем в первый свой приезд…

Она сделала новую паузу. Из толпы раздался чей-то выкрик:

— Но ведь Англия на Земле!..

Словно не расслышав этого вопроса, Элизабет сказала:

— Разрешите вопрос. Есть здесь кто-нибудь, кто отвечает за машины, приводящие Город в движение?

После недолгого замешательства Джейз решился ответить:

— Я из гильдии движенцев.

Все головы, как по команде, повернулись в нашу сторону.

— Можете вы сообщить нам, какая сила питает эти машины?

— Ядерный реактор.

— А какое топливо подается в реактор и как часто?

Джейз отпустил мою руку и чуть-чуть отстранился от меня. Я почувствовал, что и Блейн ослабил хватку, и мог бы освободиться. Но меня, как и всех остальных, заворожили странные вопросы Элизабет.

— Понятия не имею, — помолчав, сказал Джейз. — Ни разу в жизни не видел.

— Тогда, прежде чем остановить Город, вам придется это выяснить.

Элизабет отступила назад, шепнула что-то Виктории и спустя мгновение вернулась на трибуну.

— Нет у вас никакого реактора. Сами того не ведая, ваши гильдиеры-движенцы вводят вас в заблуждение. Когда-то, возможно, реактор и был, но он не работает уже на протяжении тысяч миль.

— Что ты на это скажешь? — обратился Блейн к Джейзу.

— Чепуха, да и только!

— Знаешь ли ты, на каком топливе работает реактор, или не знаешь?

— Не знаю, — признался Джейз вполголоса, но его все равно услышали многие из собравшихся вокруг. — Наша гильдия полагала, что он способен работать бесконечно долго без всякого топлива.

— Нет у вас никакого реактора, повторила Элизабет.

— Не слушайте ее! — закричал я. — Есть у нас электричество? Есть. Значит, реактор работает. Откуда бы иначе оно могло взяться?..

— Сейчас объясню, — сказала Элизабет с трибуны.

Элизабет заявила, что расскажет нам о Дистейне. Я слушал, затаив дыхание, как и все остальные.

Фрэнсис Дистейн был физик, специалист по теории элементарных частиц, и жил он в Великобритании, на Планете Земля. Это были времена, когда на Земле стали ощущать нехватку энергии. Элизабет перечислила причины энергетического кризиса — главными из них явился дефицит полезных ископаемых, которые сжигали, превращая в тепло, а тепло в электроэнергию. Когда

запасы ископаемых в некоторых странах были исчерпаны, источников энергии там фактически не осталось.

Дистейн, продолжала Элизабет, выступил с утверждением, что открыл процесс, при котором электроэнергия может быть получена в практически неограниченных количествах. Его идея была решительно отвергнута большинством ученых. Пробил час — и запасы энергетических ресурсов подошли к концу, и тогда во многих странах, потреблявших море энергии, наступил период, который для краткости стали называть катастрофой. Развитая технологическая цивилизация в том виде, в каком она расцвела до катастрофы, на части земного шара перестала существовать.

Элизабет рассказала, что в первоначальном свое виде установки Дистейна были недодуманными и опасным для здоровья, теперь их несколько усложнили, зато сделали безвредными и простыми в управлении.

— А какое отношение все это имеет к нашему Городу? — крикнул кто-то из толпы.

— Сейчас узнаете, — сказала Элизабет.

Дистейн изобрел генератор, создающий искусственное энергетическое поле. Достаточно

поместить два таких поля вблизи друг друга — и между ними потечет электрический ток. Критики Дистейна не замедлили указать, что открытие не имеет практического значения хотя бы потому, что два генератора потребляют энергии больше, чем производят.

Дистейну отказали как в финансовой, так и в моральной поддержке. И даже когда он обнаружил однотипное естественное поле — он назвал его транслатерационным окном — и таким образом смог получать энергию без второго генератора, ему не поверили. Естественное транслатерационное окно — потенциальный источник энергии, — по словам Дистейна, медленно перемещается по поверхности Земли, как бы описывая исполинский круг.

Мало-помалу Дистейну удалось собрать кое-какие средства за счет частных пожертвований и построить передвижную исследовательскую лабораторию. Он набрал группу помощников и вместе с ними отправился в Юго-Восточную Азию, в район Гонконга, — туда, где в тот момент находилось транслатерационное окно.

— С тех пор, — сказала Элизабет, — Дистейн не подавал о себе вестей.

Элизабет заявила, что мы по-прежнему на Пла-

нете Земля, что мы никогда ее и не покидали.

Она заявила, что наш опрокинутый мир — это и есть Земля, только наше восприятие окружающего искажено транслатерационным генератором, который, коль скоро его запустили, действительно почти не нуждается ни в каком топливе, но создает вокруг себя губительное для здоровья поле.

Она заявила, что Дистейн пренебрег побочным эффектами своего открытия, на которые ему в свое время указывали. Его предупреждали, что генератор в своем первоначальном виде неизбежно повлияет на органы чувств, вызовет наследственные недуги и генетические отклонения.

Она заявила, что транслатерационное окно в самом деле существует, и не одно, что на Земле открыли много таких окон.

Заявила, что окно, обнаруженное Дистейном, находится под нами и питает наш генератор.

Что, следуя по кругу, оно за двести лет переместилось из юго-восточной Азии в Европу.

Что сегодня мы достигли самого края Европы, и перед нами океан шириной в несколько тысяч миль.

Она говорила, говорила — а люди слушали…

Когда Элизабет кончила, Джейз медленно

двинулся сквозь толпу в ее сторону — и я почти следом за ним, но не к Элизабет, а к двери, ведущей в Город. Мне пришлось пройти в сущности рядом с трибуной, и меня заметили.

— Гельвард! — окликнула Элизабет.

Я не остановился и, раздвинув толпу, покинул площадку. Я спустился по лестницам, миновал темный проход под днищем и вышел вновь на солнечный свет.

Я шел на север — туда, куда вели рельсы и канаты.

4

Через полчаса я услышал позади цокот копыт и обернулся.

Элизабет нагнала меня и, поравнявшись, спросила:

— Куда путь держите?

— На север, к мосту.

— Не ходите, незачем. Движенцы отключили генератор.

— И солнце теперь снова шар?.. — сердито ткнул я пальцем вверх.

— Вот именно.

Я даже не замедлил шага.

Элизабет повторила мне все, о чем говорила на митинге. Она заклинала меня внять голосу разума, повторяя вновь вновь, что мир опрокинут лишь в моем личном восприятии.

Я молчал.

Что с ней спорить, она не бывала в прошлом. Она просто врет, она никогда не отъезжала от Города ни на север, ни на юг дальше, чем на несколько миль. Ее не было рядом со мной в те часы, когда я наблюдал воочию жуткие истины этого мира.

Разве могло мое восприятие чудовищно изменить физический облик Люсии, Росарио и Катерины? А малыш — что, это его больное восприятие заставляло маяться от материнского молока? Что, это мое воспаленное воображение заставляло городскую одежду расползаться по швам, когда тела женщин просто-напросто перестали умещаться в ней?

— Почему вы не рассказали мне про все это во время нашего предыдущего разговора? — спросил я.

— Потому что я этого и сама тогда не знала. Чтобы узнать, мне пришлось вернуться в Англию. И поразительное дело — никого в Англии мое открытие не взволновало. Я так старалась найти кого-нибудь, кто проявил бы каплю сострадания к вам, к вашему Городу… но нет, ваша судьба никого не трогала. На Земле сегодня происходит множество важных событий, захватывающих перемен. И на судьбу какого-то городишка на колесах всем наплевать…

— Зачем же вы вернулись сюда?

— Потому что я видела Город своими глазами. Потому что понимала, что у вас на уме. Я должна, я обязана была выяснить про Дистейна… и про транслатерацию — это сегодня стандартный, по-

всеместно принятый технологический процесс, но я-то лично ничего в нем не понимала!

— А что тут понимать, все яснее ясного, — отозвался я.

— То есть? — не поняла Элизабет.

— Если генератор, как вы утверждаете, отключен, тогда не осталось вообще никаких проблем. Мне надо лишь время от времени поднимать глаза на солнце и внушать себе, что это шар, как бы он на самом деле не выглядел.

— Но, Гельвард, это же обман зрения!

— Обман или не обман, а я верю тому, что вижу.

— И напрасно.

Через несколько минут нам навстречу толпой повалили люди, спешащие на юг, домой, в Город. В большинстве своем они возвращались со всеми пожитками, какие взяли, отправляясь на работу к мосту. Никто из них не удостоил нас внимания. Я прибавил шагу, пытаясь оторваться от Элизабет. Но она не отставала, ведя лошадь за собой.

Стройплощадка опустела. По мягкому желтому грунту я прошел на настил покинутого моста. Внизу блестела вода, прозрачная и спокойная: интересно, откуда же берутся волны, что даже сейчас облизывают сваи, выкатываясь на песок?

Обернувшись, я увидел Элизабет, которая стояла с лошадью на берегу. Она смотрела мне вслед — я ответил ей долгим взглядом, потом нагнулся, снял ботинки и босиком пошел дальше, к концу настила.

Солнце спускалось к северо-западному горизонту. Какое же это было прекрасное, своеобразное зрелище! Изящный, загадочный огненный контур, куда более привлекательный, чем безыскусный шар. Жаль, что мне так ни разу и не удалось достойно передать красоту этих линий на бумаге.

Я нырнул с моста головой вниз. Вода обожгла тело холодом, но это было даже приятно. Едва я вынырнул на поверхность, подоспевшая волна швырнула меня обратно на ближайшую сваю. Я оттолкнулся от скользкого бревна и поплыл на север.

Потом мне стало интересно: неужели Элизабет все еще наблюдает за мной? Я перевернулся на спину. Оказывается, пока я плыл, женщина спустилась с берега и теперь неторопливо ехала верхом по неровным доскам настила. Достигнув края, она остановилась и, замерев в седле, пристально смотрела мне вслед.

Я поплыл дальше. Может, она хотя бы помашет

мне? Заходящее солнце обливало ее сочной желтизной, и она будто светилась на фоне темной голубизны неба.

Вновь перевернувшись, я устремил взгляд на север. Солнце уже почти зашло, большая часть широкого сплюснутого диска скрылась из виду. Я ждал — и вот на моих глазах за горизонт ушла середина, а затем и верхушка светового копья. Все вокруг поглотила тьма, и тогда я поплыл, взрезая пенистые гребешки волн, обратно — к новому для меня берегу.